

АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

И.С. ЕМЕЛЬЯНОВ

РУССКО-ЯКУТСКИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ
СВЯЗИ В ПРОЗЕ
(конец XIX — начало XX в.)

Ответственный редактор
кандидат филологических наук *И.Г. Спиридонов*

НОВОСИБИРСК
“НАУКА”
2001

УДК 82
ББК 83
Е60

Рецензенты

доктор филологических наук *А.Н. Мыреева*
кандидат филологических наук *С.П. Васильева*

Утверждено к печати Ученым советом
Института гуманитарных исследований АН РС(Я)

Емельянов И. С.

Е60 Русско-якутские литературные связи в прозе (конец XIX — начало XX в.). — Новосибирск: Наука, 2001. — 111 с.

ISBN 5-02-030619-3.

Монография посвящена творчеству писателей-ссылочных В.Г. Короленко, В.Л. Серошевского, В.Г. Тана-Богораза.

Показано соотношение художественного и этнографического материала в их произведениях, принципы изображения инационального характера.

Предназначена для филологов, широкого круга читателей.

УДК 82
ББК 83

ТП—2001—I—№ 119

ISBN 5-02-030619-3

© И.С. Емельянов, 2001
© Институт гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия), 2001
© Оформление. “Наука”. Сибирская издательская фирма РАН, 2001

ВВЕДЕНИЕ

Изучение межлитературных связей — одна из важнейших задач литературоведения. В то же время исследование этой проблемы является достаточно трудным и в этом следует искать причины пристального внимания к ней.

Взаимные связи с другими литературами — составная часть развития любой национальной литературы. Изучение литературного процесса невозможно без обращения к литературным контактам. Ни одна литература мира не развивается в культурной пустоте, в изоляции. Е.З. Цыбенко, исследуя польско-русские литературные связи, замечает: “Можно даже сказать, что чем выше культура того или иного народа, тем активнее его контакты с культурой других народов. Поэтому вывод о связях какой-либо национальной литературы с другой отнюдь не умаляет ее значения и национальной самобытности”¹.

В последнее время все большее число исследователей обращается к изучению межлитературных связей. Это чрезвычайно плодотворное поле для исследования. Как заметил В.А. Шошин: “История литературы учит, что на различном национальном материале могут решаться самые различные вопросы, поставленные бесконечно разнообразными условиями жизни”².

В произведениях, создаваемых писателями на инациональном материале, в той или иной мере затрагиваются различные аспекты культуры, быта, языка, психологии другого народа. В то же время писатель может создавать не только “экзотические” произведения, но и такие, которые затрагивают самые злободневные вопросы современности, причем инациональный пласт не мешает, а заостряет, углубляет мысль писателя. “Кавказские” произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого убеждают нас в том, что настоящему писателю инациональный материал позволяет по-новому проявить свой талант.

История русско-якутских литературных контактов тесно связана с историей взаимоотношений метрополии со своей дальней окраиной, превращенной в место политической и уголовной ссылки. Литературоведы справедливо отмечают, что сибирская

тема (а в ее рамках и якутская) пережила в XIX в. два пика: первый в 30-е годы, второй — в 80—90-е.

Первыми описали жизнь народов Якутии ссыльные декабристы. Из тринадцати декабристов, отбывавших ссылку в Якутии, оставили произведения о ней А.А. Бестужев-Марлинский (“Саатырь”, “Сибирские нравы. Йысых...”, “Отрывки из рассказов о Сибири”, “Сибирь и Кавказ”), Н.А. Чижов (“Сибирские цветы”, “Нуча”, “Воздушная дева”). Писал об этом в воспоминаниях и М.Н. Муравьев-Апостол.

В 30-е годы XIX в. появляются “Поездка в Якутск” Н.С. Щукина, стихотворения Д.П. Давыдова “Моя юрта”, “Амулет”, “Жиганская Аграфена”, “Сибирский поэт”, “Тунгус”. Нельзя не упомянуть поэму М.А. Александрова “Якут Манчары”, сибирские главы «Фрегата “Паллада”» И.А. Гончарова.

Второй пик якутской темы был связан с деятельностью ссыльных В.Г. Короленко, В.Л. Серошевского, В.Г. Тана-Богораз, П.А. Грабовского. Наше исследование посвящено этому периоду русско-якутских литературных связей, самому значительному и плодотворному.

Якутская тема в творчестве русских писателей давно привлекает внимание исследователей. Так, М.К. Азадовский, внесший крупный вклад в изучение культуры Сибири, показал громадное значение этого своеобразного очага культуры русского народа. Тема Якутии в сибирских рассказах В.Г. Короленко рассматривалась ученым в общелитературном и общекультурном контексте. Обращение к ней он считал чрезвычайно плодотворным для писателя. Именно в Якутии окончательно сложился и окреп талант Короленко. Она предоставила для творческого осмысления новые народные типы и социальные взаимоотношения, столкновение с которыми заставило писателя пересмотреть свой взгляд на народ.

М.К. Азадовский обратил особое внимание на широкую галерею образов в сибирских рассказах Короленко. Тут и “местные аборигены, поселенцы, ссыльные, бродяги, станочники-ямщики, контрабандисты-спиртоносы, маленькие чиновники, большие и маленькие администраторы и пр.”³³.

Не соглашаясь с мнением, утверждавшим, что ни в одном из рассказов писателя не встречаются “типичные туземцы” в лице якутов, тунгусов или чукчей, Азадовский считал правомерным к беллетристическим произведениям писателя “присоединить и его полубеллетристические материалы... — и тогда картина представится иная”³⁴.

К изображению специфических черт края, по мнению ученого, Короленко подходит не как бесстрастный этнограф. И русские, и якуты для него — равноправные участники “страшной драмы”, и те и другие — “единый, страдающий от экономического и полити-

ческого гнета народ, требующий любви и участия”⁵. Это позволяет Азадовскому говорить о демократической и гуманистической концепции Короленко.

Азадовский указывает на то новое, что внес Короленко в освещение якутской темы. Ко времени появления произведений писателя “сибирское” в литературе сводилось к воспроизведению случайных черт, обилию местных географических и этнографических названий, диалектным особенностям. Короленко свою задачу увидел прежде всего в необходимости “уловления и определения того специфического, что составляет особую, неповторимую сущность именно сибирской природы и сибирского быта”⁶. Своеобразие позиции писателя в русской литературе ученый видит в том, что к человеку Короленко подходит “через природу”. “Сибирский пейзаж после Короленко, — пишет Азадовский, — стал неотделимой частью повествования, органически слитой с последней”⁷.

Поэтику Сибири в русской литературе Азадовский определяет как “поэтику гиблого места”. Исключительность Короленко он видит в том, что в его творчестве индивидуалистическая концепция уступает место социальной и гуманистической. В этом исследователь видит причину того, что Короленко создал целую “школу” сибирских писателей, к которой относились В.Г. Тан-Богораз, С.Я. Елпатьевский, В.Л. Сорошевский, А. Шиманский. Все они как писатели сложились в условиях сибирской ссылки. Восприятие Сибири через призму изгнания — вариации все той же “поэтики гиблого места”.

Таким образом, М.К. Азадовский в статьях “Якутия в творчестве Короленко”, “Поэтика гиблого места”, “Сибирская беллетристика 30-х годов”, “Забывтый сибирский поэт (стихотворения Матвея Александрова)” и др. заложил основы изучения сибирской темы, предложил основные принципы ее исследования.

Продолжавшееся изучение темы в целом подтвердило правильность взглядов ученого. Так, Н.Е. Меднис признает за восприятием Сибири ореол “страшного и вместе с тем таинственного, а стало быть, и притягательного”⁸. Исследователь находит устойчивым мотив вечности в описаниях Сибири, образ “полупробудившегося творения”⁹, созданный А.А. Бестужевым-Марлинским. Именно этот образ, широко встречавшийся в 30-х годах XIX в., содержал в себе зерно, из которого “выросло специфическое восприятие и описание Сибири в памятниках культуры и литературы 80—90-х годов XIX в., поэтически и функционально во многом сходное с изображением северных областей Америки в литературе американского романтизма”¹⁰.

В русле подобных взглядов изучалась и якутская тема в русской литературе. При этом отмечалось, что творчество ссыльных писателей наряду с эстетическими задачами выполняло и функции на-

родознания. Многие их произведения открывали русскому читателю незнакомую ему ранее жизнь. В их сочинения проникали национальные образы, фольклор народов Сибири.

Среди исследователей, рассматривающих русско-якутские литературные связи, необходимо отметить Н.П. Канаева. В труде “Русско-якутские литературные связи” он анализирует произведения В.Г. Короленко, П.А. Грабовского, В.Г. Тана-Богораза и В.Л. Серошевского¹¹. Автор, подходя к изучению творчества писателей с позиции концепции “двух культур”¹² внутри национальной культуры, утверждает, что им не удалось “подняться до понимания необходимости классовой борьбы”¹³, и считает их общественные взгляды “ошибочными, утопическими”¹⁴.

Сильную сторону творчества этих авторов Канаев видит в объективном изображении действительности. В их произведениях мы впервые встречаем “живые образы народов Севера”, которые “предъявляют естественные права на лучшую жизнь, на человеческое существование”¹⁵. Высоко оценивая творчество Короленко и его последователей, Канаев отмечает у Серошевского и Тана-Богораза “явные натуралистические описания”, “некоторый налет натурализма”, что, по его мнению, заметно снижает художественные достоинства их произведений. Исследователь обращает внимание на обилие этнографического материала в произведениях обоих авторов, но не дает этому надлежащего объяснения, кроме того, отмечает мировоззрение, не поднимающееся “до призывов революционного преобразования общества”¹⁶.

Вслед за Азадским Канаев пишет о “поэтике гиблого места” в произведениях писателей-ссылных, отмечая в то же время “более мягкие тона, мягкий пейзаж”¹⁷ в рассказах Серошевского. Творчество исследуемых писателей автор справедливо рассматривает как новую ступень в разработке якутской темы, которая обогатила и русскую литературу за счет привлечения национальной тематики, использования мотивов и образов якутского устно-поэтического народного творчества.

Этих же взглядов придерживался К.Ф. Пасютин, считавший, что Короленко своими реалистическими рассказами “поднял на новую высоту якутскую тему и вызвал к ней огромный интерес русских писателей и читателей”¹⁸. Новое в творчестве писателя он видит в “показе процесса революционизации народа”¹⁹ и связывает это с тем, что Короленко создавал свои произведения во время третьего периода освободительного движения в России. Автор указывает на влияние Короленко и всей дореволюционной русской демократической литературы на становление якутской литературы.

В.М. Белявская отмечает влияние В.Г. Короленко на творчество Н.Д. Неустроева, П.Н. Черных - Якутского, С.Р. Кулачикова-

Эллия. По ее мнению, о якутском народе “до Короленко никто не сумел сказать так, как этот писатель”²⁰. Особое внимание уделяется рассказу “Сон Макара”, в котором “есть, бесспорно, элементы якутского народного творчества, сказок и, возможно, даже олонхо”²¹.

Сибирские произведения Короленко рассматриваются в работе Л.С. Кулик, которая видит их особую ценность в том, что автор “поднимается иногда до вершин щедринской сатиры”²². Исследовательница не касается специально якутской темы, выделяя другие: разоблачение бюрократических порядков, пробуждение народа, взаимоотношения народа и интеллигенции, талантливость простых людей.

Большое внимание произведениям сибирского цикла Короленко уделяется в монографии Г.А. Бялого. Амгинский период жизни писателя и связанные с ним произведения рассматриваются в контексте всей его жизни и творчества. В произведениях амгинского периода Бялый находит мотив “кончающегося терпения”, а судьба “сибирских инородцев” предстает как наиболее яркий образец положения народных масс в России. Рассматривая творчество Короленко от “Сна Макара”, который “явился очень значительным этапом в развитии художественного мастерства”²³ писателя, до “Истории моего современника”, автор считает, что последнее произведение было “прямым завершением “Сна Макара”, проверкой пройденного писателем пути, итогом его художественной и общественной деятельности”²⁴, подтверждая таким образом особое значение якутской темы для его творчества.

В упоминавшейся статье Н.Е. Меднис рассказы В.Г. Короленко приводятся в качестве примера романтизации сибирской темы. Автор находит в них “двойное зрение и двойную меру”²⁵, которые позволяют писателю, с одной стороны, показать самобытность и исключительность героев, с другой — “снять всякую абсолютизацию и вернуть себя и героя в быт”²⁶.

Романтические тенденции в сибирских произведениях писателя выделяет М.Г. Михайлова: “В.Г. Короленко привнес в литературу 80—90-х годов связанную с непосредственным субъективным переживанием романтизацию именно в разворачивании сибирской темы”²⁷.

К.И. Платонова исследовала языковые особенности якутских рассказов Короленко, в которых писатель “использовал наиболее типичные, жизненные и национально-самобытные средства и приемы художественного языка... Писать о Якутии без якутизма значило бы лишить себя важных средств индивидуализации героев, сделать речь трафаретной, стилизовать ее под общие языковые нормы, а также лишить образы и рассказы национального колорита”²⁵. К.И. Платонова отмечает осторожность, с которой Коро-

ленко вводит якутские слова, стараясь не перегружать текста. Они “вплетаются в основную языковую ткань на правах с русскими, подчиняясь фонетическим и грамматическим законам русского языка”²⁹. В некоторых случаях автор находит недостатки знания якутского языка.

Из наблюдений над языком писателя исследовательница делает вывод, что “употребление якутских слов в произведениях Короленко вызвано сознательными, целевыми мотивами, исторически обусловлено и закономерно, так как продиктовано тематикой и сюжетом”³⁰. Многообразие семантических групп, выявленных Платоновой, отражает материальную и духовную жизнь народа, раскрывает самые различные стороны действительности.

Якутским словам в рассказах Короленко посвящена работа Е.И. Убрятовой³¹. Не соглашаясь в ряде случаев с выводами Платоновой, Убрятова считает орфографию и перевод якутских слов в рассказах в большинстве своем неточными. Наблюдения над языком писателя позволяют заключить: “...на всей жизни героев ленских рассказов В.Г. Короленко лежит глубокий отпечаток влияния якутской культуры”³², который особенно сильно сказывается на языке. Писатель был “поражен степенью влияния якутского языка и вообще якутской культуры на русских, живших в этом крае”³³. Убрятова обращает особое внимание на речь персонажей, находя в ней особенности местного говора, которые Короленко подметил удивительно точно. Более того, она приходит к выводу, что “у героев произведений Короленко родной язык якутский, на нем они думают, с него переводят на русский язык, который уже плохо знают и в который вносят многие особенности своего родного (якутского) языка”³⁴.

Таким образом, можно утверждать, что якутские рассказы Короленко привлекли внимание исследователей, которые изучали различные их аспекты. Необходимо отметить, что якутская тема в творчестве Короленко и других русских писателей в разное время привлекала внимание Е.З. Балабановича³⁵, Н. Ростова³⁶, А. Волкова³⁷, А. Малютиной³⁸, Н.К. Пиксанова³⁹, А.В. Храбровицкого⁴⁰, Г.М. Миронова⁴¹, Е.В. Меламед⁴², К. Дубровского⁴³, З.К. Башариной⁴⁴, В.И. Плюхина⁴⁵, Л.М. Морозовой и В.Ф. Афанасьева⁴⁶ и др.

Творчество В.Г. Тана-Богораза и В.Л. Серошевского получило освещение в книге Н.П. Канаева, в работах Н.Ф. Кулешовой, Л.И. Ровняковой, В.И. Зоркина⁴⁷, Д.И. Райзмана⁴⁸, Н.Н. Митрофанова⁴⁹, Ю. Шпрыгова⁵⁰. Н.Ф. Кулешова отмечает, что “Чукотские рассказы” В.Г. Тана-Богораза обнаруживают некоторую близость рассказам Короленко: “живой факт” в основе повествования, присутствие автора-рассказчика, “размывание” границ жанра⁵¹. К особенностям творчества Тана-Богораза автор относит принцип, согласно которому “изображение незнакомой русскому

читателю инородческой жизни будет более правильным и точным, если рассказ о ней и описания экзотической обстановки даются с точки зрения самого жителя Севера”⁵². Писателю, по мнению Кулешовой, чуждо восприятие “туземной жизни” сквозь призму авторского субъективизма, ибо его герои существуют не для писателя, а “сами для себя”.

К большим достоинствам прозы Тана-Богораза можно отнести широкое использование фольклора народов Севера. Это позволяет писателю убедительно нарисовать круг представлений своих героев, ярче выделить черты их быта и жизни. Как замечает Кулешова: “...вся проза Тана-Богораза насквозь этнографична, если понимать это слово в смысле народознания, т.е. изображения быта и нравов данного народа”⁵³.

Исследовательница видит в творчестве Тана-Богораза продолжение традиций реалистической прозы писателей-демократов середины XIX в., “для которой типичным был принцип тщательного социального исследования жизни и человека”⁵⁴. Эти особенности творческой манеры Тана-Богораза позволили Кулешовой назвать его произведения “своеобразными поэтическими путеводителями по ранее незнакомой русскому читателю жизни”⁵⁵.

По-иному обстоят дела с изучением творческого наследия писателя и ученого В.Л. Серошевского. До самого недавнего времени ему ставили в вину связь с политическим лагерем маршала Пилсудского, руководство польской Академией литературы. Произведения писателя не переиздавались, его творчество не исследовалось. В 1988 г. было отмечено: “Давно не звучало по-русски мускулистое и незаемное писательское слово Вацлава Серошевского — отважного и крупного человека, исследователя, художника”⁵⁶. Новую волну интереса к Серошевскому вызвало переиздание его фундаментального труда “Якуты. Опыт этнографического исследования”⁵⁷. Тем более необходимым представляется обращение к художественному наследию писателя и ученого, отрешившись от внелитературных оценок и предвзятости.

Н.П. Канаев в своей монографии называет творчество Серошевского наиболее крупным вкладом в разработку якутской темы после рассказов Короленко. Касаясь изображения жизни местного населения в рассказах Серошевского, он отмечает коренное отличие последнего от писателей-декабристов: “У Серошевского в отличие от писателей-декабристов этнографические детали служат не самоцелью, они подчинены определенному художественному замыслу”⁵⁸. Серошевский, по мнению ученого, “после Короленко является одним из сильнейших художников якутской природы”⁵⁹. Н.П. Канаев относит позицию Серошевского к типично народнической и считает, что многие произведения его “окрашены в мрачно-пессимистические тона, писатель в своей критике

буржуазного общества не поднимается до призывов революционного преобразования общества⁶⁰.

На роль, которую сыграли этнографические исследования в художественном творчестве Серошевского, обратила внимание Л.И. Ровнякова. Влияние занятий этнографией выразилось в стремлении писателя “максимально сблизить жизненный факт с его художественным отражением. Не случайно роль вымысла в сибирских рассказах Серошевского сведена до минимума”⁶¹. Реальные факты в основе сюжетной канвы, объективный, почти “научный” подход к изображаемому — все это, по мнению Ровняковой, — “одна из сильных сторон художественного метода Вацлава Серошевского-реалиста”⁶². Совершенно верен ее вывод, согласно которому “Серошевский-художник неотделим от Серошевского-этнографа”⁶³. Сам писатель тоже считал, что его научные занятия повлияли на его художественное видение, сделали его взгляд “чересчур этнографическим”⁶⁴.

В настоящей монографии исследуются произведения писателей-ссылных конца XIX — начала XX в. Рассматриваются способы изображения жизни народа, его быта и культуры, особенностей национального характера. Особое внимание уделяется описанию жизни ссылных и их отношений с местным населением, определению соотношения этнографического и художественного в творчестве писателей-ссылных. Сделана попытка проследить влияние литературной традиции на освоение инонационального материала.

Творчество якутских писателей, несомненно, испытало влияние русской литературы. Тематическое сходство некоторых произведений Н.Д. Неустроева и В.Л. Серошевского позволяет по-новому взглянуть на обоих писателей, которых до самого недавнего времени обвиняли в необъективности. Нас в данном случае интересуют прежде всего произведения, в которых оба писателя обратились к теме ссылки в Якутию.

Творческое наследие В.Г. Тана-Богоразо оказало большое влияние на зарождающуюся литературу народов Севера. Юкагир Тэки Одулок, автор повести “Жизнь Имтеургина-старшего”, описал в ней жизнь чукотского народа, как и Тан-Богораз. Сопоставление их произведений дает интересные результаты.

Обращаясь к такой сложной проблеме, как взаимодействие и взаимовлияние литератур, необходимо учитывать тот немаловажный факт, что “писатели одной литературы осваивают творческий опыт другой, исходя из внутренних потребностей развития своей национальной литературы”⁶⁵. Тем более интересно проследить, как темы, положения, творческие принципы, основанные на якутском материале писателями-ссылными, осмыслились якутскими авторами.

Русско-якутские литературные связи как в целом» так и в интересующий нас период — явление все еще недостаточно изученное. Многие аспекты творчества каждого конкретного писателя и их совокупность не получили еще достаточного освещения. Между тем изучение межлитературных контактов в жизни многонационального государства в контексте взаимодействия различных национальных культур — насущная необходимость, поэтому данной теме уделяется все большее внимание в исследованиях, посвященных какой-либо национальной литературе. Ни одна из современных литературоведческих работ, какую бы проблему она ни затрагивала, не обходится в той или иной мере без привлечения материала литературы иноязычной. Таким образом подтверждается тезис о том, что межнациональное общение ведет к объединению разных культур, ведь «любая национальная культура в какой-то мере замкнута в пределах собственного опыта, и лишь заимствование, учет достижений других культур могут вывести ее за эти пределы»⁶⁶. Ряд исследователей считают проблему взаимодействия национальных литератур самой существенной в изучении текущего литературного процесса. Тем более необходимым представляется обращение к истокам такого взаимодействия, ведь без знания истории предмета невозможно понять и его современное состояние.

Чрезвычайно трудно в одной работе осветить все многообразие межнациональных литературных контактов. В них взаимно переплетаются исторически обусловленные процессы, идейно-эстетические взгляды, взаимодействуют литературы, удаленные друг от друга во времени и в пространстве.

К важным аспектам межнационального литературного взаимодействия относится и художественное отображение инонациональной действительности, что особенно привлекает внимание исследователей⁶⁷. Большой интерес представляют работы Р.Г. Бикмухаметова⁶⁸, Г.П. Башарина⁶⁹, В.Б. Окороквой⁷⁰.

В.А. Шошин, рассматривая освещение инонациональной тематики в русской литературе, приходит к выводу, что «ныне требуется уже совершенно иной уровень теоретического обобщения той роли, которую сыграла русская советская литература в создании характера инонационального героя, осмыслении идейно-эстетических принципов изображения инонациональной среды в русской литературе и результатов влияния этих принципов на становление и развитие братских национальных литератур»⁷¹. Плодотворными в исследовании этой темы в русской литературе до недавнего времени были 30-е годы XX в., в то время как более удаленные в прошлое примеры такого рода оценивались недостаточно. Необходимо назвать работы Л.П. Якимовой, которые освещают

шают контакты народов Сибири с русской литературой. Она верно отмечает, что советская литература о народах Севера, столь бурно развивавшаяся в 30-е годы, уходила своими корнями в русскую литературу XIX — начала XX в. “Тема жизни многочисленных народов России, — пишет Л. Г. Якимова, — явившись одной из стержневых, коренных и продуктивных тем русской классической литературы, нашла свое естественное продолжение в советской литературе”⁷². Исследовательница отмечает, что острая тема безрадостного, угнетенного бытия сибирских народов “была завещана классической литературой уже в определенной идейно-художественной тональности — глубокого сочувствия к угнетенным народам и резкого обличения общественного строя, который обрекал их на безвестность и вымирание”⁷³. Таким образом, при исследовании литературы Сибири советского периода невозможно не обратиться в той или иной степени к творчеству писателей до советского периода. Это еще раз подчеркивает важность их творчества не только для своего времени, но и для многих последующих поколений, не только для развития литератур народов Сибири, но и для самой русской литературы.

Творчество русских писателей находилось и находится на стыке разных национальных культур. И если справедливо утверждение, что “изучению процесса отображения в русской литературе инонациональной действительности — важному аспекту в осмыслении проблемы межнациональных взаимосвязей — принадлежит будущее”⁷⁴, то необходимо обратиться к произведениям русских писателей прошлого века, открывающим впервые эту тему. Несомненно, что традиции, заложенные в их творчестве, оказывали и оказывают влияние на писателей последующего времени.

Литературное наследие В.Г. Короленко, В.Л. Серошевского, В.Г. Тана-Богораза, якутского писателя Н.Д. Неустроева, юкагирского писателя Тэки Одулока представляет большой интерес в наше время, когда обострилось внимание ко всему комплексу межнациональных отношений. Обращение к этим авторам должно способствовать выработке объективного взгляда на сложные межнациональные проблемы.

Объект исследования — произведения В.Г. Короленко — сибирские повести и рассказы, “История моего современника”, В.Л. Серошевского — “Якутские рассказы”, повесть “В сетях”, В.Г. Тана-Богораза — “Чукотские рассказы”, рассказы и очерки Н.Д. Неустроева “Думы якута”, “Презрение”, повесть Тэки Одулока “Жизнь Имтеургина-старшеш”. Кроме того, привлекаются публицистические и этнографические произведения этих авторов, помогающие глубже понять характерные черты их творчества.

*
* *

Приношу сердечную благодарность кандидату филологических наук, доценту И.Г. Спиридонову, кандидату филологических наук С.П. Васильевой, доктору филологических наук, доценту А.Н. Мыреевой и другим за ценные советы и критические замечания, сделанные в ходе подготовки настоящей работы к печати.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Цыбенко Е.З.* Из истории польско-русских литературных связей XIX—XX вв. - М., 1978. - С. 7.

² *Шошин В.А.* К проблеме изображения инонационального характера в русской советской литературе // От "Слова о полку Игореве" до "Тихого Дона". - Л., 1967. - С. 457.

³ *Азадовский М.К.* Статьи о литературе и фольклоре. — М.; Л., 1960. — С. 498.

⁴ Там же. — С. 497.

⁵ Там же.

⁶ Там же. — С. 511.

⁷ Там же. — С. 538—539.

⁸ *Меднис Н.Е.* Сибирские рассказы В.Г. Короленко в контексте русской литературы и культуры XIX в. // Сибирские страницы жизни и творчества В.Г. Короленко. — Новосибирск, 1987. — С. 55.

⁹ Там же. — С. 59.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Канаев Н.П.* Русско-якутские литературные связи. — М., 1965.

¹² *Канаев Н.П.* Из истории русско-якутских литературных связей советского периода. — Якутск, 1973.

¹³ *Канаев Н.П.* Русско-якутские литературные связи... — С. 97.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. — С. 80.

¹⁶ Там же. — С. 121.

¹⁷ Там же. — С. 120.

¹⁸ *Пасютин К.Ф.* Русские писатели о Якутии // Ведущая роль русского народа в развитии народов Якутии. — Якутск, 1955. — С. 240. См. также: *Он же.* Якутия в творчестве русских писателей // Докл. на третьей научной сессии. — Якутск, 1953. — Вып. 1: История и филология. — С. 31—51.

¹⁹ *Пасютин К.Ф.* Якутия в русской художественной литературе. — Якутск, 1964. - С. 46.

²⁰ *Белявская В.М.* В.Г. Короленко и современная Якутия // Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа. — Якутск, 1950. — С. 206. См. также: *Она же.* Тема дружбы русского и якутского народов в творчестве В.Г. Короленко // Докл. на пятой и шестой научных сессиях. История и филология. — Якутск, 1953. — С. 80—101.

²¹ Там же. — С. 217.

²² *Кулик Л.С.* Сибирские рассказы В.Г. Короленко. — Киев, 1961. — С. 17.

²³ *Бялый Г.А.* В.Г. Короленко. - Л., 1983. - С. 52.

²⁴ Там же. — С. 282.

²⁵ *Меднис Н.Е.* Указ. соч. — С. 62.

- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Михайлова М.Г. Очерки русской литературы Якутии. — Новосибирск, 1995. - С. 88.
- ²⁸ Платонова К.И. Якутская лексика в рассказах В.Г. Короленко // Поляр. звезда. — 1965. — № 3. — С. 169. См. также: Она же. Идея и язык “Огоньков” В.Г. Короленко // Поляр. звезда. — 1966. — № 5. — С. 159—161.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. — С. 171.
- ³¹ Убрятова Е.И. Якутские слова в произведениях В.Г. Короленко // Сибирские страницы жизни и творчества В.Г. Короленко. — Новосибирск, 1987.
- ³² Там же. — С. 12.
- ³³ Там же. — С. 10.
- ³⁴ Там же. — С. 27.
- ³⁵ Балабанович Е.З. В.Г. Короленко. — М., 1947.
- ³⁶ Ростов Н. В.Г. Короленко. — М., 1965.
- ³⁷ Волков А. Короленко в Якутии // Волков А. Современники и предшественники. — М., 1984. — С.151—164.
- ³⁸ Малютина А. В.Г. Короленко — критик произведений на сибирские темы // История литературной жизни и устного поэтического народного творчества в Сибири. — Красноярск, 1959. — С. 43—74; Она же. Сибирская тема в публицистике журнала “Русское богатство” // Сибирские страницы жизни и творчества В.Г. Короленко. — Новосибирск, 1987. — С. 34—54; Она же. Сибирские рассказы В.Г. Короленко и их народно-поэтическая основа. — Енисейск, 1962; Она же. В.Г. Короленко и сибирская тема в журнале “Русское богатство” // Вопр. литературы. — Красноярск, 1967.
- ³⁹ Пиксанов И.К. Короленко В.Г. и якутская ссылка // Пиксанов Н.К. О классиках. — М., 1933. — С. 231—270.
- ⁴⁰ Храбровицкий А.В. В.Г. Короленко в Сибири. 1881—1884. Биографическая хроника // Сибирские страницы жизни и творчества В.Г. Короленко. — Новосибирск, 1987. — С. 108—198; Он же. В.Г. Короленко и Якутия // Поляр. звезда. — 1971. — № 1. — С. 74—75; Он же. Короленко в Якутии. Новые материалы // Поляр. звезда. — 1973. — № 6. — С. 111—114; Он же. Короленко и Якутия // Поляр. звезда. — 1970. — № 1. — С. 118—121.
- ⁴¹ Миронов Г.М. Короленко. — М., 1962.
- ⁴² Меламед Е.В. В домике на курьих ножках // Поляр. звезда. — 1971. — № 1. - С. 75-77.
- ⁴³ Дубровский К. Якутская ссылка в русской художественной литературе. — М. 1928.
- ⁴⁴ Башарина З.К. Русская проза Якутии. — Якутск, 1995; Она же. Диалектика национального и интернационального в якутской литературе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1989.
- ⁴⁵ Плюхин В.И. Якутская тема в интерпретации и оценках критикой творчества В.Г. Короленко // Русско-якутские литературно-художественные связи. — Якутск, 1991. — С. 24—53.
- ⁴⁶ Морозова Л.М., Афанасьев В.Ф. Горький и Якутия. — Якутск, 1968.
- ⁴⁷ Зоркий В.И. Вклад политических ссыльных в изучение фольклора Сибири (вторая половина XIX - начало XX в.). — Новосибирск, 1985.
- ⁴⁸ Райзман Д.И. В.Г. Тан-Богораз — революционер, писатель, ученый // Владимир Германович Богораз-Тан и Северо-Восток: Библиогр. указатель. — Магадан, 1991. — С. 3 — 10.

- ⁴⁹ *Митрофанов Н.Н.* История со многими неизвестными // Дальний Восток. - 1969. - № 10. - С. 143-145.
- ⁵⁰ *Шпрыгов Ю.* Далекое и близкое // Дальний Восток. — 1985. — № 9. — С. 145-148.
- ⁵¹ *Кулешова Н.Ф.* В.Г. Тан-Богораз. — Минск, 1975. — С. 36.
- ⁵² Там же. — С. 80.
- ⁵³ Там же. — С. 36.
- ⁵⁴ Там же. — С. 69.
- ⁵⁵ *Кулешова Н.Ф.* О “Чукотских рассказах” В. Тана-Богораз // Проблемы литературы Сибири XVII—XX вв. — Новосибирск, 1974. — С. 90.
- ⁵⁶ *Мальков М.* Романтическая биография польской новеллы // Польская новелла XIX—XX вв. - Л., 1988. - С. 12.
- ⁵⁷ *Серошевский В.Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. — М., 1993.
- ⁵⁸ *Канаев Н.П.* Русско-якутские литературные связи... — С. 118.
- ⁵⁹ Там же. - С. 120.
- ⁶⁰ Там же. — С. 121.
- ⁶¹ *Ровнякова Л.И.* Вацлав Серошевский — исследователь Якутии // Польско-русские литературные связи. — М., 1970. — С. 344.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же. — С. 335.
- ⁶⁴ *Ровнякова Л. И.* Вацлав Серошевский и его русские корреспонденты // Славянские литературные связи. — Л., 1968. — С. 136.
- ⁶⁵ *Канаев Н.П.* Из истории русско-якутских литературных связей... — С. 160.
- ⁶⁶ *Шошин В.А.* К проблеме взаимодействия национальных литератур в советском литературоведении // Взаимодействие и взаимообогащение. Русская литература и литературы народов СССР. — Л., 1988. — С. И.
- ⁶⁷ См.: *Соктоева К.Б.* Судьбы народов Сибири в русской советской литературе. — Новосибирск, 1978; *Якимова Л.П.* Многонациональная Сибирь в русской советской литературе. — Новосибирск, 1982; Единство и многообразие (Средняя Азия в советской литературе). — Ташкент, 1984; *Егорова Л.* В семье единой: Русская советская проза в связях с жизнью народов СССР. — М., 1986.
- ⁶⁸ *Бикмухаметов Р.Г.* Орбиты взаимодействия. — М., 1983.
- ⁶⁹ *Башарин Г.П.* Три якутских реалиста-просветителя. — Якутск, 1994.
- ⁷⁰ *Огорокова В.Б.* Юкагирский роман. — Якутск, 1994; *Она же.* Развитие прозы в литературах народов Севера Якутии // Литература народов Севера Якутии: Сб. науч. тр. — Якутск, 1990. — С. 7—32.
- ⁷¹ *Шошин В.А.* К проблеме взаимодействия.... — С. 40.
- ⁷² *Якимова Л.П.* Литература и литераторы Сибири. — Новосибирск, 1983. - С. 3.
- ⁷³ *Якимове Л.П.* Многонациональная Сибирь в русской советской литературе. — Новосибирск, 1982. — С. 17.
- ⁷⁴ *Шошин В.А.* К проблеме взаимодействия... — С. 41.

Глава 1

ЯКУТСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В.Г. КОРОЛЕНКО

Творчество Владимира Галактионовича Короленко (1853—1921) занимает особое место в истории русско-якутских литературных связей.

Его произведения отличают исключительная глубина понимания человеческих характеров, глубокое постижение социальных противоречий, высокая художественность, подлинный гуманизм.

Якутия, несмотря на то что Короленко попал сюда не по своей воле, оказала чрезвычайно благотворное воздействие на становление будущего классика русской литературы. Именно произведения, написанные в Якутии, создали ему имя, якутские впечатления до конца жизни писателя питали его творчество. Рассказы и повести В.Г. Короленко — вершина в русско-якутских литературных связях XIX — начала XX в.

В.Г. Короленко был сослан в Якутскую область в 1881 г. за отказ принять присягу на верность взошедшему на престол императору Александру III. Долгих три года предстояло провести будущему писателю в этом далеком краю, среди суровой природы, среди незнакомых людей. Замечательно, что годы ссылки не сломили Короленко, а предоставили ему богатый материал для творчества. Эти годы не были позднее расценены писателем как “потерянные” или “загубленные”. Якутская ссылка обогатила жизненный опыт Короленко, его знание действительности.

В.Г. Короленко всегда стремился к близкому знакомству с жизнью народа, к изучению его. География его путешествий, в каждом из которых он стремился подметить основные черты народной жизни, поистине впечатляюща: с юга на север, с запада на восток писатель исколесил Россию — Бессарабию и Поволжье, Урал и Сибирь. Якутская ссылка стала одним из первых подобного рода путешествий. Многие из того, что впоследствии нашло отражение в его литературном творчестве и публицистических произведениях, было выношено писателем именно во время пребывания в Амге. В этом отношении значение трех лет, которые Короленко провел в Якутии, и произведений, созданных на якутском материале, нельзя переоценить, так как многое в творче-

стве любого писателя закладывается именно в самом начале литературной карьеры. Особенно замечательно, что на примере якутской темы вполне возможно изучение творческой эволюции писателя, ибо свой путь в литературе Короленко начинал рассказами о Якутии, а заканчивал, вспоминая годы ссылки в последней книге «Истории моего современника». Без малого 38 лет жизни в литературе укладываются в эти рамки.

Творчество и личность Короленко по-новому предстали перед нами в последнее десятилетие, когда стали широко известны многие его произведения, ранее скрытые от исследователей и читателей. Дневник писателя и «Письма к Луначарскому» показывают нам совестливого русского художника, не принимающего многое из того, что несла с собой революция. Нельзя сказать, что появление новых материалов заставляет нас полностью пересмотреть отношение к творчеству и личности писателя, однако из «абстрактного гуманиста», каким он нередко считался раньше, Короленко предстает как гуманист истинный, наследник и продолжатель гуманистической традиции русской литературы, которой он оставался верен до конца своей жизни. С.П. Залыгин справедливо заметил: «Странно, но это факт: в истории нашей литературы конца прошлого — начала этого века, в истории общественной мысли и общественных деяний того же периода мы опускаем это имя — В.Г. Короленко. О Толстом помним, а вот о Короленко — нет. И это очень большая, недопустимая потеря»¹.

Значение творчества Короленко заключается не только в том, что им были созданы высокохудожественные картины жизни Якутии, но и в том, что своим творчеством он повлиял на других политических ссыльных, которые впоследствии сами взялись за перо, увидев, что и в суровом Якутском крае настоящий художник может запечатлеть много интересного. И хотя у каждого из них в литературе был свой путь, для понимания их творчества и всей ситуации с писателями-ссыльными обращение к сибирским произведениям В.Г. Короленко представляется необходимым.

Якутская тема в творчестве писателя уже привлекала внимание исследователей. Как было отмечено во введении, к произведениям на эту тему обращались М.К. Азадовский, Н.П. Канаев, К.Ф. Пасютин, А. Волков, Г.А. Бялый и др. Эти работы внесли свой вклад в исследование творчества выдающегося писателя. И все же очевидно, что в изучении наследия В.Г. Короленко нельзя поставить точку. Творчество любого классика время от времени открывается с новой, неожиданной стороны, снова и снова заставляя нас обращаться к его произведениям. Думается, что анализ рассказов Короленко в ряду произведений других писателей-ссыльных позволит нам увидеть нечто новое в его творчестве. При этом представляется необходимым акцентировать внимание

на определенной традиции, которой следовал писатель, поскольку она активно влияла на то, какой представляла Якутия на страницах его произведений. Это, в свою очередь, связано с мировоззрением писателя, так как всякое произведение литературы “является выражением мировоззрения писателя, который высказывает в нем свое отношение к миру, дает ему свою оценку”². Поэтому для правильного понимания творчества писателя необходимо изучение его идейно-эстетических взглядов.

Произведения о Якутии В.Г. Короленко создавал на протяжении всей своей творческой жизни. Не все они подверглись внимательному анализу в литературоведении. Многие в рассказах и повестях Короленко еще остаются неисследованным, например такая сильная сторона произведений писателя, как изображение инонационального характера и отражение межнациональных отношений в Якутии конца XIX в. Между тем, как отмечает известный исследователь сибирской литературы Л.П. Якимова: “По силе и глубине художественного исследования характера человека другой национальности творчество русских писателей Сибири представляет собой исключительно важную и интересную страницу русской литературы в целом”³. Якутские рассказы и повести В.Г. Короленко дают богатый материал для наблюдений подобного рода, являясь в то же время ориентиром для всех писателей, создававших произведения о Якутии в интересующий нас период.

Требуется уточнения и позиция, которую занимал Короленко в литературном процессе своего времени. Так, в монографии Н.П. Канаева Короленко и другие писатели конца XIX — начала XX в. рассматриваются как писатели-народники⁴. Между тем именно в Якутии, по словам самого писателя, изменились его взгляды на народ и народничество. Таким образом, отнесение Короленко к писателям-народникам в данном случае требует уточнения.

При изучении сибирских рассказов и повестей Короленко необходимо учитывать сложность литературного процесса в интересующую нас эпоху, которая в полной мере отразилась в творчестве писателя. В его произведениях прослеживается тенденция, “возникшая на почве настоятельной потребности в творческом синтезе художественных достижений прошлого и настоящего”⁵, которая появилась в начале 80-х годов и активизировалась к концу века. Без учета этого обстоятельства невозможно правильно оценить творчество писателя и его якутские произведения, которые зачастую и являются примерами подобного синтеза.

Как известно, в конце XIX в. русский реализм переживал серьезный кризис. С одной стороны, он был во многом дискредитирован писателями-эпигонами, с другой — появление новых течений отодвигало его на второй план. В то же время в самом ре-

лизме происходили существенные изменения, находившие выражение в творчестве таких разных писателей, как А.П. Чехов, В.М. Гаршин, Г.И. Успенский и др. Короленко выработал свой собственный взгляд на задачи реализма. С течением времени его взгляды изменялись, но основные воззрения писателя на сущность реалистического искусства сформировались уже в самом начале его литературной деятельности.

Раннее творчество Короленко подверглось сильному влиянию народничества и писателей-народников — Н.Н. Златовратского, П.В. Засодимского (Вологодина) и др. Г.А. Бялый замечает: “Его литературная деятельность началась в русле народнического литературного движения, хотя в этом движении он занял свою особую позицию”⁶. Произведения амгинского периода красноречиво свидетельствуют о том, что в ссылке писатель окончательно отказался от этого мировоззрения.

Короленко считал, что недостаточно только следовать правде в отражении темных сторон действительности, как это делали народники. Искусство, по его мнению, должно вызывать в людях надежду, пробуждать активность, апеллировать к лучшим чувствам. Поэтому в произведениях писателя появляется сильная романтическая струя. В то же время Короленко стремился к тому, чтобы романтическая сторона его творчества “не приняла форму простых публицистических тирад от автора, субъективных и неубедительных в художественном произведении, прямолинейно тенденциозных и назойливых”⁷. Своими произведениями Короленко хотел пробудить общественную активность, показать хотя бы то небольшое, что могло обнадеживать. Поэтому мы встречаем у него не только типичное и распространенное, но и редкое и необычное.

Пробным камнем реализма и романтизма, по мнению писателя, является отношение к героическому. Позднее он писал о соотношении реализма и романтизма и о своем отношении к ним: “...современные реалисты забывают, что реализм есть лишь условие художественности, условие, соответствующее современному вкусу, но что он не может служить целью сам по себе и всей художественности не исчерпывает”⁸. И далее: “Мне кажется, что новое направление, которому суждено заменить крайности реализма, будет синтезом того и другого (т.е. реализма и романтизма. — *И.Е.*)”⁹. Таким образом, Короленко выступал не против реализма как такового, а против его искаженного, упрощенного понимания. И хотя эти слова были написаны им в 1887 г., несомненно, что, уже работая над “Сном Макара” (1883), он стремился к подобному синтезу реалистических и романтических тенденций.

Герой самого известного рассказа сибирского цикла — потомок русских переселенцев, житель глухой слободки Чалган, затерявшейся в просторах якутской тайги. “Отцы и деды Макара, — пишет автор, — отвоевали у тайги кусок промерзшей земли, и, хотя угрюмая чаща все еще стояла кругом враждебной стеной, они не унывали”*. Писатель показывает крайнюю степень деградации своего героя, потерявшего во многом не только человеческое достоинство, но и определенные национальные черты: “Пока отцы и деды Макара воевали с тайгой, жгли ее огнем, рубили железом, сами они незаметно дичали.

Женясь на якутках, сами они перенимали якутский язык и якутские нравы. Характеристические черты великого русского племени стирались и исчезали” (СР, I, 162—163). Такое начало рассказа сразу передает застылость, “замороженность” самой жизни героя, которая мало чем отличалась от жизни его “отцов и дедов”.

Но даже в этих тяжелейших условиях Макара не оставляет своеобразная мечта — уйти “на гору”. Герой рассказа, вопреки бытующему мнению, вовсе не находится в совершенном неведении относительно убогости своей жизни. Минуты просветления наступают у пьяного Макара: “Какая наша жизнь, — говорил он, — господи боже!” (СР, I, 163). В такие минуты он и мечтает бросить эту жизнь и уйти “на гору”, где он не “будет ни пахать, ни сеять, не будет рубить и возить дрова, не будет даже молотить зерно на ручном жернове... Податей платить, понятно, он также не будет...” (СР, I, 163—164). Короленко реалистически изображает страшную жизнь своего героя, картину одичания, запущенности и заброшенности. Характер Макара изломан жизнью, он забит, унижен, но в то же время хитроват, стремится не упустить своей маленькой выгоды. Делает он это весьма неловко и наивно как с “чужими людьми”, так и во время разговора с “большим Тойоном”. В разговоре с “большим Тойоном” Макар сначала тоже хитрит, испытывает его, “желая узнать, действительно ли у него записано все”. Рассказывая о своей многотрудной жизни, он “прибавлял целые тысячи жердей, и сотни возов дров, и сотни бревен, и сотни пудов посева” (СР, I, 193).

Короленко изображает Макара не в народнических традициях, не приписывает ему некой особой “мудрости”, что было свойственно писателям-народникам. Автор намеренно приземляет своего героя, показывая, как жизнь сформировала его характер, представления об окружающем мире. Нельзя не согласиться с мнением

* *Короленко В.Г.* Сибирские очерки и рассказы. — М.: ОГИЗ, 1946. — Т. I. — С. 162. В дальнейшем цитаты из этого издания приводятся с указанием в скобках сокращенного названия (СР), тома (римской цифрой), страницы (арабской).

Г.А. Бялого о герое рассказа: “Образ Макара не является воплощением ни народной мудрости, ни векового терпения или пассивной кротости, ни философского отсутствия желаний. Этот образ не воплощал также и христианской идеи загробного воздаяния”¹⁰.

Характерно, что даже путешествие умершего героя на “тот свет” Короленко изображает таким образом, что все увиденное Макаром точно соответствует его жизненному опыту. При этом ничуть не страдают сказочность и фантастичность эпизода. Более того, именно в этой части рассказа завершается обрисовка и самого Макара, и его жизни. Загробное путешествие героя представляет собой “фантастическое смешение языческих и христианских элементов в религиозных представлениях якутов”¹¹.

На “том свете” Макар встречает то, что видел всю свою жизнь: “тут были воры, нагруженные, как вьючная скотина, краденым добром и подвигавшиеся шаг за шагом; толстые якутские тойоны тряслись, сидя на высоких седлах, точно башни, задевая за облака высокими шапками. Тут же, рядом, вприпрыжку бежали бедные комночиты (работники) (правильно — “хамначиты”. — *И.Е.*), поджарые и легкие, как зайцы. Шел мрачный убийца, весь в крови, с дико блуждающим взором” (СР, I, 187). Встречает Макар старого доброго попаика, татарина, укравшего у него коня, земляка из Чалгана.

Фантастическая часть рассказа продолжает и развивает реалистическую часть. Здесь все причудливо смешано: христианские представления — с языческими, вымысел — с жизненным опытом героя. Примечательно, что “большой Тойон” напоминает Макару того самого старика, “которого он видел нарисованным в церкви” (СР, I, 191—192). Отношения между “большим Тойоном” и его “работниками” такие же, как отношения между тойонами и их слугами на земле. Образ самого Тойона “почти совершенно лишен черт божественной благодости и величия. Это скорее один из тех тойонов, с которыми Макару не раз приходилось сталкиваться в жизни, только подобнее и посправедливее”¹².

В финале рассказа, в картине восхода солнца, подчеркивается надежда, не оставляющая ни героя, ни автора, которая “впереди все еще маячила — звездочкой в тумане” (СР, I, 200). Реалистически изобразив жизнь героя, Короленко осветил ее романтической надеждой на иную жизнь.

Короленко в своих сибирских повестях и рассказах очень осторожно обращается с этнографическим материалом. В явлениях жизни писатель ищет типичное, способное выступить в виде определенной тенденции. Так он относится и к своему герою. В Макаре он выделяет прежде всего то, что объединяет его с множеством других, делает его представителем этих людей. Макар, в котором сочетались якутские и русские черты, был понятен читательской

аудитории, к которой обращался автор, в то же время вся “этнографическая” сторона рассказа подчеркивала крайнюю степень одичания, заброшенности, отсталости. Короленко показывает, что и в далекой Якутии простому бедняку живется так же плохо, как и во всей России.

Короленко создает образ, отвечающий самым высоким литературным требованиям. Герой рассказа психологически убедителен, так как “этнографическое” — только одна из составляющих образа. Прав Е.З. Балабанович, утверждая, что “высокая художественная убедительность образов, созданных Короленко, основана не на этнографическом правдоподобии, а на глубокой психологической правде”¹³. Макар — не “этнографический” герой, призванный потрафить неискушенному читателю в его стремлении узнать о жизни “диких туземцев”. Можно сказать, что Короленко создавал образ героя “от противного” — и вместо экзотики читатели встретили поразившую их правду человеческого характера, глубину постижения именно этого человека, весь внутренний и внешний облик которого сложился под влиянием жизненных обстоятельств. Такое не было под силу предшественникам Короленко — декабристам. В сибирских рассказах автор “Сна Макара” опирался на опыт русского реализма, который он творчески перерабатывал.

При этом объединяющим принципом в поэтике произведений Короленко можно считать гуманизм, человечность, способность в самом “маленьком”, незначительном на первый взгляд человеке увидеть значительное, доброе и прекрасное, свойственное только ему и в то же время объединяющее его со всеми людьми на свете. В этом В.Г. Короленко — продолжатель традиций русской литературы, традиций А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и других великих писателей-гуманистов. Именно эта черта творчества писателя позволила Ю.И. Айхенвальду утверждать: “Неутомимая гуманность, которой исполнены дела и дни Короленко, отличает и все его беллетристические произведения”¹⁴. Нельзя в то же время согласиться с мнением знаменитого критика, когда он заявляет, что гуманность Короленко “заглушает более мужественные тоны и не оставляет места для художественной объективности”¹⁵. Рассказ “Сон Макара” объективно, реалистически показывает действительность, и “неутомимая гуманность” автора вовсе не мешает ее изображению. Именно человеколюбие писателя дает ему возможность сказать многое за своего героя, найти слова, которые Макар не знал, да и знать не мог. “Сон Макара” в этом отношении — выражение надежды писателя на достижение социальной справедливости.

На народ В.Г. Короленко смотрит взглядом трезвомыслящего человека, и якутская ссылка многое дала писателю в этом отноше-

нии. Именно во время пребывания в Амге произошел тот перелом в мировоззрении писателя, о котором он сам поведал в своих письмах, дневниках, в “Истории моего современника”, который проявился во всех его последующих произведениях. В ссылке Короленко «яснее увидел всю страшную силу привычки крестьянина к темному и мрачному облику своей жизни, он почувствовал глухую тоску деревенской жизни... и в то же время он подсмотрел те ростки возникающих желаний, надежд и назревающего гнева, которые коренятся в “глубине самого заскорузлого сердца”, и в этом увидел залог возможного движения и борьбы»¹⁶. Таким образом, Короленко периода амгинской ссылки уже нельзя назвать писателем-народником.

Подтверждение тому можно найти во всех сибирских рассказах. В них писатель отразил различные аспекты жизни, создал запоминающиеся образы, среди которых — бродяги, странники, нищие. В обрисовке этих героев Короленко отличается от писателей народнической ориентации, “защищающих беглого каторжника, объясняющих и оправдывающих такие его качества, которые сами по себе внушали отвращение и ужас”¹⁷. Г.А. Бялый, находя в сибирских рассказах писателя традиции С. Максимова и В.В. Берви-Флеровского, «традиции точного, почти исследовательского подхода к “бродячей Руси”»¹⁸, в то же время справедливо отмечает, что бродяги Короленко — это не жалкие, забытые жизнью существа, они наделены романтическими чертами.

Таков герой рассказа “Соколинец” (1885) Василий. Короленко удалось создать образ сложного, противоречивого человека, наделенного романтическими чертами, не переступая границ вымысла. «Сибирь приучает видеть и в убийце человека, — замечает Короленко, — и хотя ближайшее знакомство не позволяет, конечно, особенно идеализировать “несчастненького”, взламывавшего замки, воровавшего лошадей или проламывавшего темною ночью головы ближних, но все же это знакомство позволяет трезво ориентироваться среди сложных человеческих побуждений. Вы узнаете, когда и чего можно ждать от человека» (СР, I, 207—208).

Василий — один из тех бродяг, которые решились бросить свою бесшабашную жизнь, заняться честным трудом, обзавестись хозяйством. Трудовая жизнь, как отмечает автор, давала в Якутии легкую возможность подняться, потому что якуты, “вообще говоря, народ очень добродушный” (СР, I, 213), оказывали поселенцам довольно существенную помощь, особенно человеку, который решил серьезно приняться за работу. Таким поселенцем становится и герой рассказа, что определяет и соответствующее отношение к нему: “Якуты относились к нему с почтением, поселенцы величали его в глаза Василием Ивановичем, и только за глаза звали Васькой; попы, выезжая на требу, охотно заезжали к

нему на перепутье, и сами сажали его за стол, когда ему случалось приезжать к ним” (СР, I, 213). Между тем сам Василий не отвечает якутам взаимностью. Он говорит: “Здесь все не по-нашему, что ни возьми. Тоже и народ взять: живут по лесу, конину жрут, сырое мясо едят, падаль, прости господи, и ту трескают... тьфу! Стыда у здешнего народа нисколько нету: вынь в юрте у них кисет с табаком, и сейчас, сколько ни есть тут народу, всякий к тебе руку тянет: давай!

— Что ж, это у них обычай, — возразил я. — Зато и сами они дают. Ведь вот помогли же вам завести хозяйство” (СР, I, 217).

Соколинца не удовлетворяет его нынешнее положение, гложет тоска по “поэзии вольной волюшки”, это звучит в его рассказе о побеге с Сахалина. Автор отмечает силу и необычность рассказанной Соколиным историей, замечая: “...как неодолимо должна она призывать к себе бродягу, уже испившего из этой отравленной неутолимым желанием чаши” (СР, I, 261—262). В рассказе беглого каторжника предстает жизнь, полная лишений и опасностей, но предстающая перед ним во всей ее полноте. Исключительные события воспринимаются самим героем рассказа как нечто почти обычное: по его мнению, это и есть настоящая жизнь. Такая романтизация героев, ситуаций, вообще всего образа Сибири характерна для рассказов “Убивец”, “Черкес”, “Соколинец”, “Мороз”, “Марусина заимка”, где показаны люди с запутанной судьбой, с жизненным опытом, приобретенным во время долгих и трудных скитаний. Такие герои позволяли писателю “открыть значение личности на почве значения массы”¹⁹, в чем Короленко видел задачу нового искусства. Соколинец — один из подобных героев, чье стремление к максимальным проявлениям своей личности уводило в тайгу, в опасную и беспокойную жизнь.

В “Марусиной заимке” (1889) “далекая сторона” населена яркими и интересными людьми. Однако все черты исключительности не могут скрыть глубокой реалистической основы, которая видна даже в самом необычном событии или персонаже.

Необычное встречается уже в самом начале повести, когда автор и его спутник оказываются среди “заколдованного уголка”, посреди якутской тайги, встретив не «...юрту с наклонными стенами и не сибирский “амбар” с прямым срубом и плоской земляной крышей (СР, II, 118), а “настоящую малорусскую хатку” с соломенной стрехой и тщательно обмазанными стенами» (СР, II, 118). Предстающая картина после типичного якутского пейзажа кажется чем-то инородным автору, а вместе с ним и читателю: “Утки были дикие, лес был лиственничный, сибирский, чуждый и этой хатке, с ее соломенной крышей, и этим грядам...” (СР, II, 118).

Контраст между окружающим пейзажем и пейзажем рукотворным подчеркивает хрупкость, ненадежность жизни Маруси, Степана, Тимохи — героев повести. Это люди с изломанной судьбой, прошедшие через тюрьмы и бродяжничество. Однако Короленко показывает героев, искренне стремящихся обрести нормальную, спокойную жизнь, зарабатывать свой хлеб честным трудом, не испытывающих тоски по бродяжьей жизни — таковы Маруся и Тимоха. Героиня повести напоминает писателю деревце, которое “очевидно, подверглось какому-то нападению: вероятно, какой-то враг положил свои личинки в сердцевину, — и рост дерева извратился: оно погнулось дугой, исказилось. Но затем, после нескольких лет борьбы, тонкий ствол опять выпрямился, и дальнейший рост шел уже безукоризненно...” (СР, II, 153). Короленко отмечает: “Таким же стремлением изломанной женской души держится весь этот маленький мирок” (СР, II, 153) и мучается сомнениями, удастся ли превратить призрачную идиллию в настоящую, реальную жизнь, или же “раз сломанной душе уже не выпрямиться и чуткая враждебность пустыни одолеет ее усилия?” (СР, II, 156). Таким образом, Маруся воплощает веру в человека, в лучшие его качества и стремления, что характерно для всех произведений Короленко.

Надломленностью, чем-то глубоко скрываемым и незаживающим наделен Степан. В его облике чувствуется та же неудовлетворенность спокойной, тихой жизнью, которая присуща Соколинцу. Оба героя принадлежат к одному типу людей, зорко подмеченному и талантливо запечатленному Короленко. Как и Соколинец, Степан с удовольствием вспоминает свою прежнюю жизнь: “В его лице появились признаки волнения. Видимо, воспоминания, на которые навел его мой вопрос, не были ему неприятны” (СР, II, 125). Поэтому нет ничего удивительного в том, что Степан участвует в “войне” якутов и татар, описанной в повести, и уходит в конце концов на прииски: его буйному характеру не место на тихой заимке, на которой, как замечает автор, “лежала печать Маруси, ее личности, ее родины” (СР, II, 135).

При всем писательском интересе к людям, подобным Степану или Соколинцу, В.Г. Короленко считает их все-таки аномальными, неправильно развившимися в силу тех или иных причин. Самому писателю гораздо ближе и понятнее люди вроде Маруси, Макара или работника на заимке Тимохи, “напоминавшего обомшелый пень, выкинутый волной на неприветливую отмель” (СР, II, 138). Писательский взгляд Короленко фиксирует все разнообразие явлений и характеров, отдавая должное всему яркому и необычному, однако по-человечески ближе и дороже ему стремление изломанной женской души, на котором держался весь маленький мирок Марусиной заимки.

Вера в человека не покидает Короленко ни при каких обстоятельствах. Все многообразие встреченных им людей со столь разными судьбами и характерами воспринимается им как проявление самой жизни, как явление вечно творящей живой природы. Оставаясь верным в своем творчестве реалистическому отражению действительности, Короленко стремился и к изображению той стороны человека, которую можно назвать “идеальной” и которая не находится в прямых, зависимых от действительности отношениях. Как указывал сам писатель, “всякое художественное произведение должно быть верно с действительностью, но не все, что верно передает действительность, — художественно. Верность действительности — это одно из условий художественности и не может исчерпывать всей задачи искусства”²⁰. К героям “Марусиной заимки”, “Соколинца”, “Сна Макара”, “Ат-Давана”, “Государевых ямщиков” в полной мере можно отнести слова писателя из его письма Н.К. Михайловскому от 2 января 1888 г.: “...мы прежде всего ищем уже не героя, а всамделишного (выделено В.Г. Короленко. — *И.Е.*), настоящего человека, не подвига, а душевного движения, хотя бы и не похвального, но непосредственного”²¹. Такое “душевное движение” — основное, что объединяет всех центральных героев сибирских рассказов писателя — Макара, Марусю, Соколинца, работника Тимоху, Кругликова, героя рассказа “Ат-Даван”. К этому ряду лиц, который может быть продолжен, необходимо причислить и самого автора рассказов, так как во многих из них он — действующее лицо. Но и в тех рассказах, где автор не является лицом действующим, все равно чувствуется его незримое присутствие, выраженное в интонации, метком слове, в той “точке зрения, в которой тени и свет располагаются правдиво”²². “Душевное движение” Короленко ищет не только в своих героях — оно присуще и ему самому. Поэтому многие страницы произведений писателя освещены лирическим чувством, идущим непосредственно от автора. Оно особенно отчетливо проявляется тогда, когда Короленко с выдающимся мастерством создает пейзаж суровой, но по-своему красивой якутской природы.

Это же лирическое отношение к окружающему миру присуще и Тимохе, который, как и другие русские, попал в Якутию не по своей воле. Тимоха представляет собой совсем другой тип, встреченный писателем. Это не бродяга вроде Степана или Соколинца, который тяготится спокойной жизнью. Тимоха как раз только такую жизнь и признает единственно правильной и верной. Для него единственным занятием, доставляющим удовлетворение, является крестьянский труд. Поэтому он с плохо скрываемым презрением относится к людям, к такому труду неспособным, к бродягам, скитальцам вроде Степана. Характерно, что у Тимохи отсутствует желание вернуться в Россию: “Куда пойдешь? — сказал

он, выпуская дым изо рта, и мне стало еще более жутко от этой безнадежности, потерявшей даже свою горечь. — Нет, брат, попал сюда, тут и косточки сложишь” (СР, II, 138). Крестьянин из Калужской губернии, Тимоха остается таким и в далекой, плохо еще знакомой с земледелием Якутии. Не случайно он ассоциируется у автора с древним славянином, а от его рассказа веет “чем-то былинным”. Поэтому автор задается вопросом: “Что это за человек, думал я невольно: герой своеобразного эпоса, сознательно отстаивающий высшую культуру среди низшей, или автомат-пахарь, готовый при всех условиях приняться за свое нехитрое дело?” (СР, II, 147). Крестьянская сущность Тимохи проявляется в словах, сказанных им о Степане: “Нутра настоящего нет, человек ненатуральный” (СР, II, 152).

Короленко показывает, что у Тимохи такое же крестьянское отношение к земле, как у Маруси. Оба эти человека, несмотря на все невзгоды и лишения, стремятся только к осмысленному и приятному для них крестьянскому труду. Тяготы прошлой жизни они стараются не вспоминать. Весь рассказ подтверждает, что “идиллия” на заимке действительно создана и держится только стараниями Маруси, а Тимоха не “автомат-пахарь”, а человек, наконец-то вновь обретший свое родное дело.

В своих рассказах Короленко показал многие социальные слои тогдашней Якутии. В рассказах действуют, например, такие типичные для Якутии того времени люди, как ямщики. Писатель создал их запоминающиеся образы в рассказах “Мороз”, “Государевы ямщики”, “Феодалы”. Перед читателем во всей его трудности встает тяжелый ямщицкий труд. Произведения эти строились на большом фактическом материале, они реалистически показывают положение ямщиков, их быт. В “Государевых ямщиках” (1900) изображены быт и нравы ленских станков — этого “сколока прошлых веков”, как их называет сам автор. Для этих рассказов характерен мрачный колорит, демонстрирующий ту “поэтику гиблого места”, которую М.К. Азадовский считал определяющей для сибирских рассказов. Общее положение ленских станочников автор передает в словах: «Старинные “ямы” всюду давно исчезли, исчезло крепостное право во всех видах. Осталось оно только на Лене» (СР, II, 262). Короленко нарисовал впечатляющую картину беспросветной жизни своих героев. «В общем, — замечает он, — большинство этих забитых жизнью “государевых ямщиков” производят впечатление медленного вымирания. Они болезненны, бледны, печальны и хмуры, как эти берега. Свою родную реку они зовут “проклятою” или “гиблою щелью»» (СР, II, 265). Автор размышляет: “...на меня веет от этих воспоминаний глубокою, неизобразимую словами печалью. Откуда она — я сказать не могу... Отголосок ли невозвратного прошлого, смутное мерцание прой-

денного уже пути жизни? Или эта определенная человеческая грусть этих станочников, обреченных караулить на диких берегах полосатые казенные столбы и холодные камни” (СР, II, 304).

Действие рассказов Короленко зачастую происходит на ящичких станциях, в пути. Так начинается рассказ “Феодалы” (1904), повествующий о событиях и картинах, точно выхваченных из XVI столетия. Нравы приисковой резиденции названы автором “феодалными”, ее обитатели сравниваются с владетельными князьями, творящими произвол. Мотив пути вообще характерен для сибирских произведений русской литературы. В.Г. Короленко, В.Г. Тан-Богораз, П.А. Грабовский дают примеры подобного рода произведений. Они, как правило, родственны очерку, поэтому и воспринимаются как непосредственное отражение действительности. К рассказам такого типа относится “Ат-Даван” (1892), имеющий характерный подзаголовок “Из сибирской жизни”.

Бесправие местного населения и безудержное бесчинство властей — основная тема этого рассказа. Самодурство власти, о котором писатель говорил в “Истории моего современника”, в публицистических произведениях, на сибирском материале показано в “Ат-Даване”. Казачий хорунжий Арабин, прозванный местными жителями “Арабын-тойоном”, “...вел себя как человек, на единичные усилия которого возложено усмирение бунтующего края. Врывался, как ураган, бушевал, наводил панический ужас, грозил пистолетом и... забывал повсюду платить курьерские прогоны” (СР, II, 72—73). Абсолютная безнаказанность в этом далеком даже от Иркутска крае, возможность поднять значение своей личности в глазах других и своих собственных совершенно преображает Арабина. Как пишет Короленко: “Быть искренно убежденным, что всякая власть сильнее всякого закона (выделено В.Г. Короленко. — *И.Е.*), и чувствовать себя целые недели единственным представителем власти на огромных пространствах, не встречая нигде ни малейшего сопротивления, — от этого может закружиться и голова посильнее головы казачьего хорунжего” (СР, II, 73).

Столкновение мелкого чиновника Кругликова с Арабиным накаляется до предела, заставляя читателя с неослабевающим вниманием следить за всеми его перипетиями. Кругликов одерживает моральную победу над грозным и неумолимым Арабиным. В Кругликове мы встречаем то же пробуждение чувства человеческого достоинства, которое происходит с героем “Сна Макара”. Протест против бесчинств Арабина превращается для Короленко в протест против несправедливости в жизни как таковой.

В своих якутских рассказах Короленко поднимался до высочайших обобщений. Этому не мешала точность деталей, “экзотичность” обстановки и места действия. Так и воспринимались рассказы читающей публикой — не только как зарисовки с натуры

которую опирался Короленко, — традицию Пушкина, Гоголя, Достоевского, и в то же время на нем лежит печать новой эпохи, мировоззрения и творческой индивидуальности автора. “Ат-Даван”, по справедливому замечанию Т.Г. Морозовой, убеждает нас в “еще недостаточно оцененном мастерстве Короленко, в богатстве и сложности его художественного наследства”²⁶.

Если “Ат-Даван” показывает, что В.Г. Короленко использовал свои якутские впечатления для создания произведений, которые ставят серьезные общественные проблемы, то рассказ “Мороз” (1900) — пример этико-философских размышлений писателя. Исключительный случай из дорожной сибирской жизни, который, впрочем, не так уж исключителен для местных жителей, становится проверкой для героев, испытанием их человеческих качеств. Писателя интересует вопрос: действительно ли “совесть может замерзнуть при понижении температуры тела на два градуса?” (СР, II, 256), что победит в человеке — эгоизм или стремление к самопожертвованию?

Рассказ в очередной раз демонстрирует веру в человека, присущую В.Г. Короленко. Герой его — поляк Игнатович — казнит себя за проявленное малодушие, за то, что в какой-то момент совесть его действительно “замерзла”. Короленко создает образ, с одной стороны, несущий определенные национальные черты, с другой стороны, его в первую очередь интересует изображение характера с ярко выраженными романтическими чертами. Образ Игнатовича, таким образом, не замыкается в узконациональных рамках, а представляет собой образ романтического отношения к жизни и человеку. Короленко подвергает испытанию свое собственное отношение к человеку и литературному герою, его представляющему. Не разрушится ли его вера в человека при столкновении с суровой действительностью?

Игнатович казнит “в себе подлую человеческую природу, в которой совесть может замерзнуть при понижении температуры тела на два градуса... Романтик в нем казнил материалиста” (СР, II, 256). Так Короленко спасает для себя и читателя веру в человека. Человеколюбие, как отмечал Ю.И. Айхенвальд, “разлито в самом колорите рассказов, заложено в их подпочве, насыщает все их страницы. И потому отдельные образы растворяются в общем избытке человеколюбия”²⁷. И далее: “доброта, дышащая у Короленко, находится связи с тем, что в противоположность авторам-пессимистам, он не видит в мире воплощенной и окончательной бессмыслицы, а признает в нем разумный и добрый смысл и в его жестокую разладицу вносит начало примирения и любви”²⁸.

Эти слова известного литературоведа правильно характеризуют важную черту Короленко-писателя — веру в разумный и добрый смысл этого мира. Однако нельзя считать эту черту мировоззрения

писателя чем-то мешающим его творчеству, “растворяющим отдельные образы” его произведений. Наоборот, только благодаря вере в разумный и добрый смысл мира В.Г. Короленко и удалось создать такие произведения, как “Сон Макара”, “Марусина заимка”, “Мороз”, “Слепой музыкант”, “В дурном обществе”, написать многие страницы “Истории моего современника”. Именно неуемная жажда увидеть наконец этот разумный и добрый смысл осуществленным полностью толкала писателя на поездки по России, на публицистические выступления в печати, в которых он обличал все, что приносило в мир “воплощенную и окончательную бессмыслицу”. Закономерно, что, храня веру в разумность и добрый смысл мироздания, Короленко находил его и в человеке — венце творения. Задачу литературы и писателя он видел в том, чтобы помогать человечеству в его движении от прошлого к будущему. Поэтому Короленко не принимал концепции “бесстрастного” искусства, не соглашался с тем, что писатель — всего лишь свидетель и очевидец. В годы создания сибирских рассказов он писал: “Жизнь — движение, борьба, а искусство — орган умственного движения и борьбы: значит, цель его не просто отражать, а отражать, отрицая и благословляя”²⁹.

Перо писателя направлено против угнетения, стяжательства, разобщенности людей, в конечном счете против царизма. Ценности, которые отстаивал Короленко, «вели к “большой правде” единого (не “разрозненного”) гармонического общества, основанного на началах разума»³⁰. Залог того, что люди способны создать гармоническое общество, писатель видит в том, что человек всегда стремится к добру, и в случае уклонения от этого пути способен, как Игнатович, сам себя за это покарать.

В произведениях В.Г. Короленко, которые поднимают столь сложные проблемы, присутствует символический пласт. Противопоставление мертвящих условий существования и светлых качеств человеческой природы зачастую выражается автором в плане символическом. Застывшая сибирская природа, суровые условия существования высветляют лучшие качества в человеке. Стихотворение в прозе “Огоньки” дает, по мнению Г.А. Бялого, “ключ к пониманию всего второго сибирского цикла: жизнь течет в угрюмых берегах, но все-таки... все-таки впереди огни”³¹. Надежда, которая проливает свет на мрак тяжелой жизни, относится не только к жителям Сибири. Сибирь в данном случае символизирует всю Россию. Символический характер рассказа о поездке по угрюмой сибирской реке отчетливо проявляется в таких словах автора: “Мне часто вспоминается теперь и эта темная река, затененная скалистыми горами, и этот живой огонек. Много огней и раньше, и позже манили не одного меня своею близостью. Но жизнь течет

все в тех же угрюмых берегах, а огни еще далеко. И опять придется налегать на весла...

Но все-таки... все-таки впереди — огни!” (СР, II, 206). Символический мотив использован автором в рассказе “Последний луч” (1900). Жители далекого Нюйского станка прощаются с солнцем на всю зиму, и под пером Короленко их прощание превращается в глубоко печальную картину погружающегося в ночную тьму далекого края.

Символично само название рассказа. “Последним” оказывается не только луч солнца, покидающего надолго эти места, “последними” оказываются и люди, заброшенные в эти холодные дали: “В обширной и угрюмой Сибири затерялось таким же образом немало жизней, и многие роды с вершин, освещенных солнцем, опускались навсегда в эти холодные низы, в ущелья и туманные долины” (СР, II, 221). Выразительные слова вкладывает автор в уста одного из героев: “Известное дело, гиблое место... Не живучи... Сам помер, мать померла, вон двое на руках остались... Я старый, они квелые... Мальчик вот припадочный... Так, видно, и изном... Следу не останется... Когда-то люди были”(СР, II, 219).

Сибирь рисуется местом, где угасает жизнь так же постепенно, как исчезает за горами солнце. И от самой жизни остается лишь “отголосок неясной легенды, связанной уже только со скалой, но не с человеком” (СР, II, 222), так же как от солнца остаются лишь подсвеченные вершины гор. “Последний луч”, пожалуй, самый пессимистический из сибирских рассказов Короленко. Выразительно нарисованы писателем картины равнодушной и холодной природы, которую покидает последний солнечный луч, как последняя надежда. Сам автор замечает, что когда он обращается воспоминаниями к Сибири, то в его воображении “невольнo встает эта темная щель, и быстрая река, и убогие лачуги станка, и последние отблески уходящего солнца, гаснущие в печальных глазах последнего потомка какого-то угасающего рода” (СР, II, 222).

Природа часто используется автором в качестве носителя символической образности. Символика Короленко, пишет Г.А. Вялый, «реалистична по своей природе, она не противоречит жизненной правде и не превращается ни в туманный ребус, ни в схему, ни в мистическое “сверхреальное” построение. В этом Короленко видел отличие символики от символизма, противником которого он был всегда»³². Образы, созданные писателем, символизируют огромные творческие возможности, скрытые в народной массе и человеческой душе. Столь большое значение символического элемента объясняется еще и тем, что в творчестве Короленко в полной мере нашел свое выражение тот период развития реализма, когда в нем вызревали новые силы, шел поиск новых путей развития.

Сибирские произведения В.Г. Короленко представляют интерес и в том отношении, что писатель уделил в них большое внимание национальному своеобразию описываемых людей. Короленко с раннего детства находился в среде, которую с полным правом можно назвать многонациональной. «Край был пестрый и разноплеменный, — пишет биограф писателя о Волини, месте рождения Короленко. — В селах жили польские помещики и крестьяне украинцы, в городах основное население составляли частью поляки, частью украинцы и русские, чиновники и военные по преимуществу были русские и украинцы. В местечках и на городских окраинах ютились евреи. В этом краю было много вер и их служители — попы, ксендзы, раввины и даже жалкие гонимые украинские священники»³³. Таким увидел будущий писатель окружающий его мир и через всю жизнь пронес ощущение его великого национального разнообразия.

В творчестве писателя выделяются целые циклы произведений с той или иной этнографической доминантой — сибирский, крымский, румынский, волжский, уральский. Короленко был восприимчивым традициям, развитой П.И. Мельниковым-Печерским, С.В. Максимовым, П.И. Якушкиным. В этом ряду В.Г. Короленко принадлежит особое место, ибо он «ввел в литературу этого рода новую тему, именно — якутскую, разработка которой была начата “Сном Макара”»³⁴. В главном герое этого произведения Короленко показал обьякутившегося русского, изобразив его характер и образ жизни с большим мастерством. Ценность якутских рассказов писателя заключается не только в том, что он показал в них местных жителей. В них мы видим Якутию как многонациональную область, в которой люди разных национальностей вступают в сложные, порой противоречивые отношения.

Писатель чутко уловил основные болевые точки политики правительства в Якутии того времени. В заметке “Календарь Тобольской губернии на 1891 год” он называет два наболевших вопроса сибирской жизни: ссылка в Сибирь “порочных” людей и добровольное переселение из внутренних губерний России. Короленко проницательно увидел в этих процессах причины многих настоящих и будущих конфликтов. Там же он пишет: “Нет сомнения, что столь значительный ежегодный прилив преступного элемента крайне неблагоприятно отражается на нравственности коренного населения, почему понятным становится стремление сибиряков избавиться от ссылки, этого дамклова меча Сибири”³⁵.

Короленко реалистически изобразил межнациональные отношения в Якутии, показал характерные черты того или иного национального типа. Эта сторона произведений писателя, не привлекавшая пристального внимания исследователей, представляет большой интерес, особенно в наше непростое время. В своем

творчестве Короленко всегда проявлял большую смелость, обращаясь к самым животрепещущим проблемам национальной жизни в России, — достаточно назвать его очерк “Дом № 13”, гневно обличающий еврейские погромы, или участие писателя в знаменитом “мултанском деле”, когда он выступил на стороне несправедливо обвиненных удмуртов против мракобесия и национальной нетерпимости³⁶. Сам В.Г. Короленко так сказал об этом в письме к А.В. Луначарскому: “Высказывать откровенно свои взгляды о важнейших мотивах общественной жизни давно стало для меня, как и для многих искренних писателей, насущной потребностью”³⁷. Понять отношение писателя к национальному вопросу помогают и его сибирские произведения. Можно утверждать, что в них содержалось все то, что в дальнейшем нашло выражение в публицистических произведениях, сказалось на мировоззрении и общественной позиции Короленко.

Образы русских поселенцев появляются в рассказах “Соколинца”, “Ат-Даван”, “Государевы ямщики”, в повести “Марусина заимка”. В этих произведениях большое внимание уделено татарам, сосланным в Якутию. Так, в “Соколинце” указывается, что слобода почти наполовину была населена ссыльными татарами. “Татарское население слободы было самое разношерстное, — пишет автор. — Тут были и киргизы, и ачинские татары из азиатской степи, и старинные поселенцы Иркутской губернии. Всех их привела сюда, выбросив из более или менее мирной среды их соотечественников, незаглушенная культурой страсть к баранте. Здесь их объединили религия и нужда, но и в их среде были подразделения, вражда и ссоры” (СР, II, 181).

Образы татар переключаются с образами русских бродяг своей удалью и любовью к свободе. Характерно, что героев “Соколинца” и “Марусиной заимки” связывает с татарами своеобразная дружба. Соколинца дружен с Ахметкой, колоритным представителем своего народа: «Маленькие глазки весело сверкали, глядя на собеседника с плутоватой фамильярностью. “Мы, брат, с тобой понимаем друг друга, как будто говорил каждому этот взгляд. — Конечно, я плут, но ведь в том-то и дело, не правда ли, чтобы быть плутом ловким?” И собеседник, глядя на это скуластое лицо, на веселые морщинки около глаз, на оттопыренные тонкие и большие уши, как-то особенно и потешно торчавшие врозь, невольно усмехался тоже. Тогда Ахметка убеждался, что его поняли, удовлетворялся и снисходительно кивал головой в знак солидарности во взглядах» (СР, I, 266). Нетрудно заметить черты удалы, ловкости, независимости, которые писатель выделяет в Ахмете, как и в русских бродягах. При этом Ахметка характеризуется как “плут”, что отличает его от русских собратьев по несчастью, ибо и в “Со-

колинце”, и в “Марусиной заимке” татары показаны занимающимися опасным воровским ремеслом.

Таков, например, Абрам Ахметзянов, “человек в своем роде замечательный”, который пользовался репутацией самого отчаянного головореза и “ловчайшего вора”. Короленко удалось создать противоречивый образ человека, который чувствует в себе большие жизненные силы и не находит им применения: “Тут была и тоска о пропадающей удали, и глубочайшая нетронутая уверенность, что каковы бы то ни были еще люди и взгляды, все-таки наиболее стоящий человек тот, кто смело носится по самым крутым стремнинам жизни... Только оступись... попадешь прямо на каторгу” (СР, II, 164—165). В Абраме виден тот же “героический элемент”, который писатель считал важным подчеркнуть в персонаже, чтобы выделить его в общей массе. “Двойной” взгляд на героя сохраняется и в отношении Абрама, с одной стороны, несущего в себе черты исключительности, особой удали, а с другой — являющегося одним из многих таких же, как он. Абрам отличается от них тем, что “чувствует в себе силы для крупной роли в родной сфере, а между тем приходится тратить их на мелкие подвиги баранты и воровства” (СР, II, 165). Не случайно автор называет преступность Абрама “невинной” и не может подобрать другого слова.

Определенно романтическими чертами наделен герой рассказа “Черкес” (1889), отважный человек, занимающийся опасным промыслом — доставкой спирта на прииски. Необычность, характерность его облика сразу бросаются в глаза. В небольшом эпизоде Короленко удалось нарисовать запоминающийся персонаж. Интересно, что автор сравнивает черкеса с кошкой: “он прижмурился, как кошка, и, увидев форменные шинели, мгновенно отшатнулся” (СР, I, 467); “черкес шел легко, как кошка, слегка приподымаясь на носках, стройный, гибкий и напряженный” (СР, I, 472). Во взгляде героя “оттенок печали, который можно заметить в глазах травленного зверя, внезапно попавшего в засаду” (СР, I, 467). Однако тут же взгляд его меняется на “мгновенный взгляд, острый, ясный и испытующий” (СР, I, 467). Черкес покоряет автора хладнокровием, смелостью, решительностью. Он не теряется в опасной ситуации, и даже его враги испытывают к нему невольное уважение. Писатель, пользуясь немногими образительными средствами, выразительно показал инационального героя, черты характера которого раскрываются в острой, динамичной ситуации. Рассказ “Черкес” в этом отношении — несомненная удача автора.

В образах инациональных героев проявляется основная черта творчества Короленко — сильная гуманистическая тенденция, способность видеть в человеке прежде всего человека. Сам Короленко

писал: "...я не считаю, что национальность есть долг. Это только факт"³⁸. Это было сказано писателем в 1902 г. после создания "Марусиной заимки". Действительно, национальное учитывается писателем как "факт", как особый колористический оттенок, придающий окружающему миру разнообразие и яркость. Однако нигде национальное не является для него препятствием, нигде оно не может скрыть от писателя сердцевину человеческой души, неповторимые черты характера. Поэтому Короленко, точно отражая национальное своеобразие, образ жизни народа, всегда преодолевает любые национальные барьеры. "Национальность — не цепи"³⁹, — утверждал писатель и доказывал это всем своим творчеством.

Отношения между ссыльными и местным населением отражены в описании "войны" между якутами и татарами. Одно из действующих лиц, характеризуя взаимоотношения слободы и ее окрестностей, говорит: "Война! Татар у джякут воровай, джякут у татар воровай... взад вперед" (СР, II, 168). О.В. Аптекман, отбывавший ссылку вместе с Короленко, так вспоминал об этих событиях: "Кругом между коренными жителями, татарами и другими уголовными поселенцами царствовала непрекращающаяся глухая и открытая рознь и вражда, доходившая порою до открытой междоусобицы с поножовщиной из-за кражи лошадей и другого добра местных жителей"⁴⁰.

В "Марусиной заимке" мы не найдем обвинений той или иной стороны. Автор воспринимает эту "войну" как трагедию, отмечая в то же время: "...порой во мне закипало глухое негодование" (СР, II, 170). Короленко показывает, что "война" процветает на почве нищеты татар и многих других поселенцев. На упрек автора Абрам в качестве оправдания своей деятельности демонстрирует татарина, "длинного, как жердь, и тощего, как скелет", говоря: "Вот этого татарина пригнали в наслег. Жена померла дорогой... четверо детей... ничего нет... голодом сидели, топиться нечем... Просил, кланялся на собрании... Наконец принес детей в управу и кинул, как щенят: делайте, что хотите. Хоть, говорит, бросьте в воду..." (СР, II, 172). Из слов Абрама ясна "жестокая трагедия этой жизни, которая путем суровых уроков превращает симпатичных по натуре людей в разбойников"⁴¹.

В описании розни между татарами и якутами заключается вопрос: "Кто виноват?". Напрасно, как это понимает читатель, искать виноватых среди якутов, страдающей в этом конфликте стороны, среди татар, задавленных нищетой. Писатель не мог прямо высказать в повести упрек администрации края, всей общественной системе. Но им показан заседатель, ответственный за данный участок, у которого своя "специфическая" точка зрения. Он "не мог не знать, что каждый год окрестные наслегии являлись ареной той же борьбы. Но прежде одна сторона относилась к ней пассив-

но. Взломан амбар, уведена лошадь, зарезана корова, поступает жалоба, виновные не найдены... Дело передается воле Божией, даже не доходя до города... Это и значило, что в его участке все было спокойно” (СР, II, 186—187). Рассказ о “войне” поселенцев с местными жителями добавляет еще один штрих в картину беззакония, массового унижения людей, нарисованную в “Ат-Даване”. Позднее, в четвертой книге “Истории моего современника”, не будучи скованным цензурными рамками, писатель показал произвол местной администрации и по отношению к коренному населению, и по отношению к ссыльным: “Здесь уже, очевидно, исчезла индивидуальная ответственность, и вступал в силу вопрос: ну, а как же им быть? Было жаль крестьян и якутов, жаль до такой степени, что порой мы ожесточались и готовы были принять участие в борьбе... Но... было жаль и иных татар... и настроение невольно обращалось к тому, что привело нас сюда, т.е. к изменению социального строя”⁴².

Однако Короленко не был бы Короленко, если бы просто описал эти события, изобразил действующих лиц, указал на ответственность администрации. Верный своим взглядам и творческим принципам, указывая на причины, толкающие таких, как Абрам, на воровство, писатель все же не оправдывает героя. Личная позиция автора выражается в словах, заключающих рассказ об этих событиях: “Увы! Это была полная нравственная победа одной стороны и поражение другой. Победа уверенного в себе и цельного в своей простодушной непосредственности злодея над неуверенной и стыдящейся себя добродетелью” (СР, II, 199).

В якутских рассказах межнациональные взаимоотношения зачастую передаются сквозь призму восприятия того или иного действующего лица. Так, герой “Соколинца” высокомерен по отношению к местному населению: ему, бродяге и “лихому” человеку, претит “скучная” мирная жизнь. Тимоха из “Марусиной заимки” вступает в конфликт с якутами совсем по другой причине. Для него, потомственного крестьянина, важнее всего отношение к земле, к крестьянскому труду, именно с этой точки зрения оценивает он якутов. Взаимное непонимание основано здесь не на презрении друг к другу, не на взаимном неуважении, а на разных точках зрения на землю, образ жизни. Замечательно, что рассказ Тимохи о его “героической” эпопее окрашен даже несколькими юмористическими тонами.

Таким образом, Короленко в своих рассказах изобразил самые разные виды отношений между местными жителями и поселенцами. Утверждение, что коренное население не нашло своего места на страницах его произведений, совершенно необоснованно. Объяснены поселенцы, ямщики в рассказах “Государевы ямщики”, “Феодалы”, “Сон Макара”. Якутская культура выступает и как

одна из составляющих образов героев, и в виде “фона”, на котором происходят события. Читатель произведений Короленко видит местные условия жизни, местный быт, обычаи, слышит местную речь, в которой преобладает якутский язык. Многие герои, эпизодические персонажи говорят на ломаном русском языке, и, как заметила Е.И. Убрятова: “В.Г. Короленко удивительно тонко подметил особенности местного говора”⁴³. Такова, например, речь Микеша из “Государевых ямщиков”. Такая особенность речи персонажей верно отражала существовавшую тогда в Якутии языковую ситуацию, повышала достоверность произведений.

Короленко нередко выражает свое собственное отношение к якутам, уважение к этому народу. Непосредственному выражению авторского взгляда способствует жанровый характер произведений: основанные, как правило, на личных впечатлениях, они несут в себе многие черты очерка, т.е. непосредственной зарисовки с натуры, в котором всегда большое место принадлежало авторской оценке. В.Г. Короленко часто указывает на “мирный и робкий” характер якутского населения, на добродушие якутов, обычай помогать новоприбывшим поселенцам. Писатель при этом понимает мотивы поведения якутов, поставленных в исключительно тяжелые условия в связи с тем, что Якутия была превращена в место уголовной и политической ссылки, отчего местным жителям приходилось терпеть не только административные повинности, но порой и настоящий уголовный террор. Как замечает Короленко, без помощи якутов «человеку, закинутому в суровые условия незнакомой страны, пришлось бы или в самом деле в самом скором времени умереть от голода и холода, или приняться за разбой: правда также, что всего охотнее эта помощь оказывается в виде пособия “на дорогу”, посредством которого якутская община старается как можно скорее выпроводить поселенца куда-нибудь на прииски, откуда уже большая часть этих неудобных граждан не возвращается; тем не менее человеку, серьезно принимающемуся за работу, якуты по большей части также помогают стать на ноги» (СР, I, 213).

Для сибирских произведений В.Г. Короленко характерно особое отношение к Якутии как к части Сибири. Отношение это проявляется в том, что Сибирь воспринимается одновременно как “свое” и “чужое”. В рассказах Короленко, как и у других русских писателей, повествующих о Сибири, присутствует незримый образ границы, отделяющей Сибирь от собственно России. Н.Е. Меднис отмечает, что “Короленко, как правило, воспроизводит в своих рассказах сцены сибирской жизни, оставляя позади или обходя стороной пиковый момент пересечения границы”⁴⁴. Россия воспринимается действующими лицами как нечто далекое, оставшееся позади и в пространстве, и во времени. Это ощущение зачастую

выражается в таких, например, словах: “Ну, да ведь... не Расея. Знаешь сам, какая здесь сторона” (СР, II, 152).

Однако это только одна сторона сибирских рассказов и повестей Короленко и указать только на нее значило бы многое упустить из виду. Необходимо учитывать, что Короленко видел в Сибири и, в частности, в Якутии не только “чужое”, но и “свое”, российское. Сибирь не превращается у него в экзотическую страну, в которой все поражает и восхищает, ничем в то же время не напоминая читателю его собственной жизни. Короленко использует якутскую тему для постановки важных проблем, которые были актуальны для всей России. Не случайно некоторые из рассказов были подвергнуты изменениям по цензурным соображениям. Они несли в себе большой обличительный заряд, ярко рисовали нищету, беспросветность и унижение, которые были характерны для всей страны.

Сибирские произведения В.Г. Короленко сочетают черты реализма и романтизма. Короленко начинал свой путь в литературе, стоя на народнических позициях, однако на примере сибирских произведений отчетливо видно, что писатель отошел от них, нащупывая иную основу своего творчества. Рассмотренные произведения убеждают в том, что Короленко едва ли можно назвать писателем-народником. Для писателей-народников характерно создание собирательного образа народа, индивидуальные образы в их произведениях, как правило, схематичны, они представляют собой набор определенных социальных черт. Нельзя отрицать большого прогрессивного общественного и собственно литературного значения творчества писателей-народников. В произведениях Н.И. Златовратского, С. Каронина (Н.Е. Петропавловского), П.В. Засодимского, Н.И. Наумова, Ф.Д. Нефедова “есть та конкретность, то знание процесса общественной борьбы, психологии народа, которых не хватало творчеству многих крупных писателей”⁴⁵. Короленко многому научился у писателей-народников, а на Н.И. Златовратского и Г.И. Успенского он сам указывал как на писателей, оказавших влияние на его творчество. Однако более близкое знакомство с народом и его жизнью привело Короленко к выводам, зачастую прямо противоположным тем, к которым приходили народники. Сам писатель позднее вспоминал, что во время пребывания в Амге он был еще “страстный народник”. Но действительность заставила пересмотреть многие взгляды. Народники искали “народную мудрость”, скрытую в глубинах народа, считали необходимым учиться у него “правильной” жизни. Героев своих произведений они часто наделяли чертами подобной мудрости, всезнания и всеведения. Короленко же задавался вопросом: «Был ли я честен перед собой? Где она, эта народная мудрость?.. Эта неопределенная “народная мудрость” привела меня к туманностям Златовратского, теперь приво-

дит к тому, против чего возмущается все мое непосредственное чувство: к смятению и покорности»⁴⁶. В ссылке произошло коренное изменение прежних взглядов писателя не только на народ, но и на литературу. Свою задачу он видит теперь не в поклонении народу, а в любви: «Не так же ли наивна вся народная мудрость? И все-таки я чувствовал, что от этого разговора что-то у меня повернулось в душе. Любить этот народ — не в этом ли наша задача? А я в это время чувствовал к нему именно любовь»⁴⁷.

Чтобы яснее увидеть особенности якутских произведений В.Г. Короленко, интересно сравнить их с очерками П.А. Грабовского на якутскую тему. П.А. Грабовский (1864—1902) в 1893 г. попал в Вилюйск, место ссылки Н.Г. Чернышевского. Известный украинский поэт, автор нескольких поэтических книг («Подснежники», «Кобза», «С севера»), многочисленных переводов, Грабовский оставил ряд очерков о своем пребывании в Якутии. На наш взгляд, они имеют черты, позволяющие отнести их к народническим.

Показателен уже сам выбор жанра очерка, чрезвычайно пространственного в народнической литературе. В очерке «Красный Кафтан» автор передает свои наблюдения и размышления о жизни в Якутии. В центре очерка — старик-якут по прозвищу Красный Кафтан, «сгорбленный, сухощавый, весь в лохмотьях»⁴⁸. Автор сразу замечает, что перед ним не «просто нищий попрошайка, которым среди якутов нет числа, а что за всем этим кроется, вероятно, какая-то «обида», жалоба на людей или судьбу, — словом, что-то в этом роде. Мне показалось даже, что выражение лица старика не раз менялось и что на его ресницах дрожали капли слез»⁴⁹. Постепенно проясняются подробности трагической истории Красного Кафтана и его «сумасшествия»: он был человеком среднего достатка, но вдруг на голову его обрушиваются бедствия — в родах умирает жена, затем умирают и дети. Чиновник-следователь, который «в управу вихрем прилетел», объявляет, что уже несколько лет Красный Кафтан не платит налоги. С тех пор стал Кафтан «год от года хиреть, пока окончательно не превратился в нищего; юрта его развалилась, новой строить он не стал — напрасный труд... Запечалился Кафтан о своей горькой доле и заплакал. Никто, правда, не видел его слез, но многие слышали, как пел Кафтан, сидя верхом на быке, о своем тяжком житье...»⁵⁰.

Герой очерка, как это часто бывает в народнической литературе, «частичка общества, и его судьба лишь отражение общей судьбы народа»⁵¹. Весьма характерно «сумасшествие» Кафтана: он «изобрел способ избавиться от злой судьбы таких же, как и он сам, бедняков: для этого надо было только спустить одно большое озеро в реку — вот вам и сенокосы, и все прочее... проснись, голыть-

ба, послушай, что тебе советуют»⁵². Красный Кафтан, таким образом, представляет собой часто встречающийся у народников тип обличителя, заступника за страдающих, носителя той самой “народной мудрости”, о которой они столь горячо говорили. При этом сумасшествие героя является одной из форм протеста, как сумасшествие героя очерка известного писателя-народника Н.И. Наумова “Умалишенный” Дехтярева — борца с угнетателями и разорителями родной деревни. Грабовский ставит Кафтана в один ряд с другими правдолюбцами: «Невольно вспоминались мне “полоумные” искатели всяческих правд среди нашего обездоленного народа»⁵³.

Для очерка “Красный Кафтан” характерно изображение тяжелой жизни народа: “Повсюду меня поражала нищета, повсюду передо мной вставали картины нечеловеческого существования, — как только я входил в якутскую юрту... Сердце сжималось при виде этого края — сурового и несчастного”⁵⁴. С другой стороны, Грабовский точно изображает типичных представителей управ — заспанного приземистого писаря “с сытой фигурой”, его помощника, деревенских мироедов, исправника, архиерея. Весьма точно отмечено автором отношение самого народа к Красному Кафтани — недоверие и насмешки. Таким образом, в очерке Грабовского мы видим типичные черты народнического очерка, в том числе пристальное внимание к социальным слоям в тогдашней деревне.

Очерк Грабовского представляет, на наш взгляд, интересный пример народнического произведения, созданного на инациональном материале. Для революционера-демократа П.А. Грабовского якуты являются частью “нашего обездоленного народа”, и в этом он близок В.Г. Короленко. Грабовский видит в Якутии многое из того, что характерно для всей вообще российской жизни. Однако своеобразие жизни именно в Якутии, черты национального характера якутов ускользают от внимания автора. В рассказах Короленко видно непосредственное чувство, интерес к человеку другой национальности, гуманизм, которые и помогают ему показать человека во всей его неоднозначности, показать многообразие и противоречивость жизни. Грабовский подходит к тому, что он видит с набором известных образцов интерпретации и изображает жизнь в точном соответствии с ними. Показательно, что герой очерка практически лишен каких-либо национальных черт, он лишь выражает народническую идею. В этом “Красный Кафтан” является типичным народническим очерком, чего мы не можем сказать о произведениях Короленко. Его взгляд на действительность гораздо непосредственнее. Отказавшись искать в человеке из народа особую “мудрость”, он лучше увидел самого человека. Такое отношение к народу писатель пронес через всю свою жизнь и называл себя человеком, “много присматривавшимся к

народной жизни и выработавшим некоторое чутье к ее явлениям”⁵⁵. Он любил народ “не слепо, как среду, удобную для тех или других экспериментов, а таким, каковой он есть в действительности”⁵⁶. Даже указывая на негативные стороны жизни, на ответственность властей за них, Короленко все же и в представителях власти видит людей, а не только социальную роль, как Грабовский. Сравнение произведений Короленко с очерком Грабовского позволяет увидеть, как далеко продвинулся автор “Сна Макара” к реализму в своих якутских произведениях, освободившись от народнических взглядов.

Не менее интересно сравнить рассказы и повести Короленко с произведениями якутских писателей. В якутской литературе можно найти немало примеров творческого освоения традиций русской классической литературы. Короленко в этом принадлежало особое место как писателю, много сделавшему для освещения якутской темы в русской литературе.

Творчество В.Г. Короленко нашло отклик в произведениях одного из зачинателей якутской литературы Н.Д. Неустроева (1895—1929). В 1919 г. Неустроев написал очерк “Думы якута” под псевдонимом Бедный Макар. Нельзя не согласиться с А.А. Бурцевым, считающим, что «псевдоним не может не вызвать ассоциаций с русской литературой, в частности, со “Сном Макара” В. Короленко»⁵⁷. Да и сама тональность произведения, и те мысли, которые от имени Бедного Макара высказывает Неустроев, не оставляют в этом сомнения. Эти же самые слова в похожих условиях мог сказать и короленковский герой: “Разве вам не известно, что все мои предки в продолжение трехсот лет испытывали весь ужас грубого насилия и бесправного существования, были обречены на безмолвное вымирание и не знали светлых дней свободы и равенства?.. Что может быть тяжелее и несправедливее того положения, когда, имея образ человека, невозможно называться человеком, не можешь даже претендовать на это? Да, горька и печальна была доля моих предков”⁵⁸.

В небольшом по объему очерке Неустроев высказывает мысли, созвучные тем, которые высказывал Короленко в письмах к Луначарскому. И маститый русский, и начинающий якутский писатели видят гибельность того пути, по которому пошла в то время страна. Неустроев так выразил свое отношение к происходящему: “...на ясном прекрасном небе рассвета стали появляться зловещие тучи, скоро покрыли весь ясный небосклон. Разыгралась кровавая буря гражданской войны. Сын пошел против отца, а последний против первого”⁵⁹. Как и Короленко, автор очерка выступает против озверения, которое достигло крайних пределов. Развернувшиеся в стране трагические события заставили обоих писателей задуматься о той цене, которую приходится платить за социальный эк-

сперимент. Неустроев отвергает насилие, какими бы высокими лозунгами оно ни прикрывалось: “Я не способен поднять меч не только против заблуждающегося брата, но и против своего заклятого врага”⁶⁰. И как тревожное предчувствие звучат сейчас слова Короленко: “Не желал бы быть пророком, но сердце у меня сжимается предчувствием, что мы только у порога таких бедствий, перед которыми померкнет все то, что мы испытываем теперь”⁶¹, и Неустроева: “Опять я стал тянуть выючную лямку рабства, и не суждено, как видно, мне кончить жизнь свободным гражданином великой Родины”⁶². Реалистическое творчество В.Г. Короленко, глубоко гуманистическое по духу, оказало серьезное воздействие на якутских писателей, способствовало росту их мастерства повышению художественной ценности их произведений. Амгинский период его жизни и творчества чрезвычайно важен для понимания его наследия. В сибирских рассказах содержится многое из того, что впоследствии получило развитие в других произведениях писателя. Якутская тема, столь плодотворно питавшая творчество В.Г. Короленко, в последний раз возникла на страницах “Истории моего современника”, когда писатель подводил итог своей жизни. В воспоминаниях Короленко отдал должное этому периоду, отметив, что именно в Амге ему удалось найти себя как писателя.

Произведения В.Г. Короленко имели большое значение для русской литературы, именно ему удалось ввести в нее якутскую тему. Многие произведения на эту тему прочно вошли в золотой фонд русской литературы. Нельзя не согласиться с Н.П. Канаевым, заметившим, что “своими якутскими рассказами Короленко внес в родную русскую литературу ранее неизвестные якутские национальные мотивы, якутское содержание, якутские краски и образы. Все это, разумеется, имело важное значение и в обогащении самой русской литературы, в расширении ее идейно-тематических рамок”⁶³. Его рассказы пробуждали интерес к далекому краю, к народам, его населяющим. Именно рассказы Короленко побудили взяться за перо некоторых политических ссыльных. Короленко явился, таким образом, родоначальником “школы сибирских писателей”. К творчеству двух интереснейших из них — В.Л. Серошевского и В.Г. Тана-Богораза — мы обратимся в следующих главах. Для этих писателей творчество Короленко служило наглядным примером того, что не существует тем неинтересных и незначительных, что жизнь в далекой Сибири может дать много интересного взгляду наблюдательного человека.

Еще одно немаловажное значение творчества Короленко заключается в его влиянии на якутских литераторов. В круг русских писателей, с творчеством которых были знакомы зачинатели якутской литературы, входил и Короленко со своими произведениями. Творчество основоположников якутской литературы —

А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева — “развивалось под благотворным влиянием демократических традиций русской литературы. Учебу на лучших образцах русской классики они считали необходимым стимулом для собственного творческого роста”⁶⁴.

В.Г. Короленко заслужил благодарную память якутского народа. Прав был К. Дубровский, увидевший особенность якутских рассказов Короленко в теплом, альтруистическом отношении “к жителям сурового и брошенного края, — не к одним только невольным обитателям, но и к его постоянным жителям. Последние стоят в центре художественного внимания писателя”⁶⁵. Особого уважения Короленко заслуживает потому, что “во всем обширном многообразном наследии этого выдающегося писателя и демократического общественного деятеля мы не найдем ни одной строки, где бы об Якутии — куда был насильственно брошен царизмом — он отзывался как о чуждой ему, далекой стороне! Мы не найдем у него ни малейшего намека на то, чтобы он считал якутский народ, среди которого ему пришлось жить не по своей воле, чуждым его сердцу и разуму народом”⁶⁶. Эти слова классика якутской литературы демонстрируют благодарность, которую якутский народ испытывает к писателю.

Сибирские произведения В.Г. Короленко созданы в период, когда происходил поиск новых путей творческого отражения жизни. Такие произведения, как “Соколинец”, “Марусина заимка” и другие, несут в себе одновременно романтические и реалистические черты.

В изображении инационального характера В.Г. Короленко демонстрирует большое мастерство. Писатель показал многообразие национальной жизни в Якутии, смело обращался к самым сложным межнациональным проблемам, оставаясь верным гуманистической традиции. Доля этнографического материала в его произведениях в целом невелика, он служит для обрисовки особенностей местного быта, черт национального характера.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Короленко В.* Письма к Луначарскому. Вступительное слово С. Залыгина // Новый мир. — 1988. — № 10. — С. 198.

² *Тимофеев Л.Н.* Основы теории литературы. — М., 1978. — С. 75.

³ *Якимова Л.П.* Отражение инациональной жизни в русской литературе Сибири и проблемы генезиса ее младописьменных литератур // Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1983. — С. 52.

⁴ См.: *Канаев Н.П.* Русско-якутские литературные связи. — М., 1965. — С. 76-146.

- ⁵ Каминский В.И. Пути развития реализма в русской литературе конца XIX в. - Л., 1979. - С. 192.
- ⁶ Бялый Г.А. Русский реализм конца XIX в. — Л., 1973. — С. 12.
- ⁷ Там же. — С. 14.
- ⁸ Короленко В.Г. Воспоминания. Статьи. Письма. — М., 1988. — С. 292.
- ⁹ Там же. — С. 292.
- ¹⁰ Бялый Г.А. В.Г. Короленко. - Л., 1983. - С. 49.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Балабанович Е. В.Г. Короленко. 1853—1921. — М., 1947. — С. 94.
- ¹⁴ Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. — М., 1994. — С. 317.
- ¹⁵ Там же. - С. 317.
- ¹⁶ Бялый Г.А. В.Г. Короленко. — С. 51.
- ¹⁷ Бялый Г.А. Русский реализм конца XIX в. — Л., 1973. — С. 12.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Короленко В.Г. Воспоминания. Статьи. Письма. — С. 294.
- ²⁰ Там же. — С. 307.
- ²¹ Там же. — С. 346.
- ²² Там же. — С. 296.
- ²³ Морозова Т.Г. Рассказ В.Г. Короленко “Ат-Даван” и традиции Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. — Л., 1980. — Т. 4. — С. 141.
- ²⁴ Там же. — С. 123.
- ²⁵ Там же. — С. 136.
- ²⁶ Там же. — С. 143.
- ²⁷ Айхенвальд Ю.И. Указ. соч. — С. 319.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Короленко В. Г. Воспоминания. Статьи. Письма... — С. 296.
- ³⁰ Бялый Г.А. В.Г. Короленко... — С. 251.
- ³¹ Там же. — С. 249.
- ³² Там же. — С. 246.
- ³³ Миронов Г.М. Короленко. — М., 1962. — С. 5.
- ³⁴ Бялый Г.А. В.Г. Короленко... — С. 289.
- ³⁵ Короленко В.Г. Сибирские очерки и рассказы. — Иркутск, 1983. — С. 358.
- ³⁶ Подробнее см.: Флейс Е.М. В.Г. Короленко и удмуртский народ. — Ижевск, 1956; Короленко С.Ф. Десять лет в провинции. — Ижевск, 1966; Буня И.И. В.Г. Короленко в Удмуртии. — Ижевск, 1982; Короленко В.Г. Война пером. - М., 1988. - С. 253-300.
- ³⁷ Короленко В.Г. Письма к Луначарскому... — С. 198—199.
- ³⁸ Короленко В.Г. Воспоминания. Статьи. Письма... — С. 362.
- ³⁹ Там же. - С. 383.
- ⁴⁰ Аптекман О.В. В.Г. Короленко. Черты из личных воспоминаний // В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. — М., 1962. — С. 56.
- ⁴¹ Короленко В.Г. История моего современника. — Якутск, 1988. — Кн. 4. — С. 296.
- ⁴² Там же. - С. 296-297.
- ⁴³ Сибирские страницы жизни и творчества В.Г. Короленко. — Новосибирск, 1987. — С. 10.
- ⁴⁴ Там же. — С. 55.
- ⁴⁵ Горячкина М. Художественная проза народничества. — М., 1970. — С. 95.
- ⁴⁶ Короленко В.Г. История моего современника... — С. 339—340.
- ⁴⁷ Там же. - С. 342.

- ⁴⁸ *Грабовский П.А.* Избранные произведения. — Киев, 1951. — С. 256.
⁴⁹ Там же.
⁵⁰ Там же. — С. 258.
⁵¹ *Горячкина М.* Указ соч. — С. 155.
⁵² *Грабовский П.А.* Указ. соч. — С. 258.
⁵³ Там же. — С. 260.
⁵⁴ Там же. — С. 255.
⁵⁵ *Короленко В.Г.* Письма к Луначарскому... — С. 201.
⁵⁶ Там же. - С. 208.
⁵⁷ *Бурцев А.* Наследие Н. Неустроева и современность // Поляр. звезда. — 1995. - № 5. - С. 65.
⁵⁸ *Неустроев Н.Д.* Төрүбүт сирбэр, тапталлаах дьоммор. — Якутск, 1995. - С. 215.
⁵⁹ Там же.
⁶⁰ Там же. — С. 216.
⁶¹ *Короленко В.Г.* Письма к Луначарскому... — С. 216.
⁶² *Неустроев Н.Д.* Указ. соч. — С. 216.
⁶³ *Канаев Н.П.* Указ. соч. — С. 96.
⁶⁴ Там же. — С. 176.
⁶⁵ *Дубровский К.* Якутская ссылка в русской художественной литературе. — М., 1928. - С. 19.
⁶⁶ *Амма Аччыгыйа.* Киһи уонна айымньы. — Якутск, 1975. — С. 284.

Глава 2

ЯКУТСКАЯ ССЫЛКА В РАССКАЗАХ И ПОВЕСТЯХ В.Л. СЕРОШЕВСКОГО

Один из интереснейших писателей-ссылных — Вацлав Леопольдович Серошевский (1858—1945), известный этнограф и политический деятель. Литературные произведения Серошевского до сих пор остаются малоизвестными для широкого круга читателей. Между тем его творчество — интересная и яркая страница русско-якутских литературных связей. В столь незадачливой судьбе его художественных произведений не последнюю роль сыграли события политической истории, когда не только творчество отдельных писателей, но и целые литературные направления и школы объявлялись идеологически чуждыми и вредными. Не обошли эти обвинения и В.Л. Серошевского.

Серошевский известен прежде всего как автор фундаментального этнографического исследования “Якуты”. И спустя столетие после написания “ни одно из этнографических сочинений на эту тему несопоставимо с трудом Серошевского. До сих пор его монография является наиболее полным исследованием по этнографии якутов”¹.

Серошевский был сослан в Якутию в 1880 г. и провел здесь 12 лет. Ссылку он отбывал в Верхоянске, на севере Якутии, и это дало ему возможность познакомиться с жизнью северных народов на обширной территории — эвенами, юкагирами, чукчами. Он побывал в Среднеколымске, с 1885 г. находился на Алдане, с 1887 г. — в Намском улусе. Сам он пишет в предисловии к монографии “Якуты”: “Эти многократные перемещения и разъезды дали мне возможность составить себе некоторое представление о стране, записать и проверить много вариантов преданий и обычаев”². Литературной деятельностью Серошевский начал заниматься еще в Польше, однако писателем-профессионалом он стал именно в Якутии. Огромную роль в этом сыграли якутские рассказы В.Г. Короленко, доказавшего возможность создания подлинно художественных произведений на местном материале. Рассказы и повести Серошевского, публиковавшиеся под псевдонимом Вацлав Сирко в русских и польских журналах, знакомили широкую общественность с жизнью народов окраины Российской империи. В 1895 г. вышло первое издание “Якутских рассказов”, которые имели такой успех у читателей, что уже в 1898 г. были переизданы.

Рассказы и повести В.Л. Серошевского “Хайлак”, “На краю лесов”, “Побег”, “Осень”, “В сетях”, “В жертву богам” и другие снискали писателю широкую известность как среди русских, так и среди польских читателей.

В начале XX в. Серошевский путешествовал по странам Дальнего Востока, в результате чего появились многочисленные путевые заметки, очерки, рассказы (“Китайские повести” (1903), “Ол сони кисань” (1906)), в этих и многих других произведениях, посвященных жизни корейцев, китайцев, японцев, отразился интерес писателя к жизни других народов, который зародился еще в Якутии. Таким образом, инациональная тема занимала огромное место в творчестве Серошевского. Его перу принадлежат также исторические романы “Беневский”, “Океан”, дневники.

В 1905 г. Серошевский покинул Россию и поселился в Закопане, а затем в Париже. Именно в это время он сблизился с движением Юзефа Пилсудского и стал одним из его легионеров. С 1933 г. Серошевский — президент Польской академии литературы.

Этот период биографии писателя и ученого отрицательно сказался на отношении к нему в СССР, на судьбе его научного и литературного наследия. При этом именно беллетристика Серошевского с ярлыком “мрачной” и “натуралистической” выпала из поля зрения читателей и исследователей, а весь обширный период творчества писателя после обретения Польшей независимости, когда он работал над своими воспоминаниями³, характеризовался

как “свидетельствующий о падении таланта и консерватизме автора”⁴. Его художественные произведения не переиздавались, второе издание его главного труда — монографии “Якуты” — появилось только в 1993 г., почти столетие спустя после первого.

Всем этим и объясняются трудности, возникающие при изучении произведений Серошевского. Лишь в последние десятилетия в нашей стране появились исследования, посвященные его творчеству и жизни. Это прежде всего работы Л.И. Ровняковой, а также материалы, опубликованные в “Очерках русской литературы Сибири”, “Истории польской литературы”, в книге Н.П. Канаева “Русско-якутские литературные связи”.

Серошевский, как и Короленко, создавал свои произведения о Якутии в конце XIX — начале XX в., однако, проведя в ссылке гораздо больше времени, лучше освоился с местной жизнью, особенно с жизнью коренного населения. Все это наложило отпечаток на его художественные произведения, придав им характерный колорит и своеобразие, которые делают их интересными и сегодня.

При изучении якутских произведений писателя необходимо учитывать и то обстоятельство, что сам он ориентировал их не только на русскую, но и на польскую аудиторию. В произведениях Серошевского заметно желание максимально точно изобразить жизнь неизвестного читателям края, познакомить с множеством фактов, наглядно представляющих быт и уклад жизни якутов с использованием фольклорного и этнографического материала. Этому способствовало то, что Серошевский сочетал в себе одновременно писателя и ученого, и порой этнограф побеждал, что признавал и сам автор, говоря, что глаз у него стал “чересчур этнографическим”. Однако в его этнографически насыщенной прозе есть и свои сильные стороны: точность и верность факту, стремление избежать субъективности и предвзятости, сведенная до минимума роль вымысла. Это, как справедливо замечает Л.И. Ровнякова, “одна из сильных сторон художественного метода Вацлава Серошевского-реалиста”⁵.

Изображая якутов, Серошевский показывает их в привычной обстановке, занятых знакомым делом. Это хорошо видно на примере рассказа “Осень”, главный герой которого — якут-охотник.

Рассказ написан от первого лица и повествует о нескольких часах из жизни автора. В центре внимания — якут Хахак, известный в округе человек, чужак, “который своими выходками часто смешил, а иногда и раздражал соседей”^{*}. Автор сообщает, что в моло-

^{*} Серошевский В. (Сирко). Якутские рассказы. — СПб., 1895. — С. 1. В дальнейшем цитаты из этого издания приводятся с указанием его сокращенного названия и страницы в тексте (напр., ЯР, 20).

дости Хахак, слывший лучшим охотником, ходил с рогатиной и ружьем на медведя, напал на него и в открытом поле, и в берлоге: “О его отваге, хладнокровии и ловкости рассказывают чудеса” (ЯР, 20). Серошевский не скрывает своего восхищения подвигами Хахака и его человеческими качествами и рисует образ человека, целиком захваченного страстью охотника. Якут, “как только прощелит про медведя, так спать не может: мучится, сердится и мечется, пока не вырвется из дому, не встретит и не убьет зверя” (ЯР, 20).

Однако все героическое в жизни героя — в прошлом. Мы видим его уже обедневшим, обленившимся, совсем изменившимся после несчастья, которое случилось с ним на охоте. Для рассказа характерно широкое использование охотничьих поверий и легенд: вся жизнь героя связана с тайгой и охотой. Медведь, например, для якута-охотника олицетворяет дух леса, а в данном случае даже злые силы, которые поломали его судьбу. “Он хитер и мстителен, — говорит Хахак. — Долго помнит обиду... Как бы далеко он ни жил: в горах ли, в бору ли — слышит и понимает все, что мы здесь говорим: как человек, даже лучше человека. Кто знает — кто он такой? Какой он мстительный и свирепый — это я знаю!.. С ним нельзя шутить. Когда-то и я его не боялся” (ЯР, 26—27). Характерно, что Хахак избегает произносить слово “медведь” и называет его “он”, “черный”, “хозяин”. В этом Серошевский следует наблюдениям, которые он сделал в Якутии: “На севере о медведе остерегаются говорить худо, даже не следует упоминать громко его имени вслух”⁶. Там же Серошевский указывает на существование массы “легенд, преданий, рассказов, доказывающих необыкновенные, волшебные качества медведя”⁷. Образ главного героя, колорит его рассказов убеждают точностью, достоверностью деталей, чего автор не смог бы достичь без близкого знакомства с материалом.

Такое отношение к этнографическому материалу в художественном тексте — основная особенность Серошевского-писателя. Поэтому нельзя согласиться с утверждением Н.П. Канаева, что “...односторонне увлекшись этнографическим описанием, писатель в этом рассказе незаметно для себя попадает в плен суеверных представлений темных якутов”⁸. Автор рассказа сознательно стремится к максимально точной передаче деталей быта и одежды, описывает обычаи, представления об окружающем мире, которые имеются у якутов и, как в случае с Хахаком, напрямую влияют на судьбу. В этом заключается отличие творческого подхода Серошевского к этнографическому материалу от того, какой мы встречали у В.Г. Короленко. Последний очень осторожно пользуется своими этнографическими наблюдениями — для него они не самоцель. Якутия для Короленко — часть огромной Рос-

сии, только более “холодная” в прямом и переносном смысле, более несчастная, где все беды российской жизни проявляются в самых резких и отталкивающих чертах, для Серошевского этнографическое — неперемнная часть произведения.

Это говорит не только и не столько о меньшей литературной одаренности автора “Якутских рассказов”, сколько об ином подходе к самому инонациональному материалу и о той позиции, которую занимает Серошевский как писатель и ученый одновременно. Поэтому можно утверждать, что в некотором отношении В.Л. Серошевский пошел дальше В.Г. Короленко и гораздо дальше П.А. Грабовского в изображении особенностей жизни народов Севера.

Необходимо отметить, что в рассказе “Осень” мы имеем все основания отождествить точку зрения Серошевского с точкой зрения повествователя. Все в рассказе дается через его восприятие, со всем описываемым он вступает в личный контакт. Такой способ повествования был распространен среди писателей “сибирской школы” — В.Г. Короленко, В.Г. Тана-Богораза. В то же время у Серошевского есть рассказы, в которых он не является участником действия, и в этом случае отождествлять героя-ссылного с самим автором неправомерно. Однако именно этим, на наш взгляд, объясняется не совсем правильная оценка творчества писателя у ряда исследователей.

К числу рассказов, в которых автор не является участником действия, относится рассказ “Украденный парень”. В центре рассказа — девушка Аня и молодожен Кехергес. Коллизия рассказа построена на их отношениях. В этом рассказе, состоящем из двух частей — “Свадьбы” и “Идиллии”, Серошевскому не удалось добиться единства. Произведение, особенно во второй его части, все больше распадается на ряд мало связанных между собой эпизодов.

Писатель рисует типичные картины “городской” жизни. Город производит огромное впечатление на молодых: “И они увидели в прозрачной синеве все его 30 домов... незнакомые дотоле им виды и необычные остроконечные кровли русских строений... С детским любопытством всматривались они в этот чуждый им вид обыкновенного множества домов и народу... засверкали стекла домов богатых, тускло засветились льды в окнах бедняков” (ЯР, 38). В городе молодожен Кехергес попадает то в кабак, то к казакам. Это, собственно, вставные эпизоды, которые не служат ни развитию действия, ни раскрытию характера главного героя. Однако сами картины “городской” жизни нарисованы Серошевским весьма выразительно.

Понятна задача, которую поставил перед собой писатель, — показать знакомство молодого якута с жизнью неизвестного ему города, но нельзя считать, что автор с ней справился. Верную ноту

в этот быстрый круговорот событий вносит следующий эпизод — Кехергес старается найти отца невесты Тараса по следам, но снег в городе измят множеством старых и новых следов и ничего не говорит герою. Кехергес “вздыхнул и поднялся угрюмым, вспоминая свою родную девственную тайгу, где каждая сломанная ветка, каждый сорванный листочек или помятая травка поведали бы ему имя и направление путника” (ЯР, 50).

Рассказ не оставляет цельного впечатления. Он явно менее других произведений сборника удался автору. Ему не удалось выразительно показать человеческие характеры, поэтому поступки героев не всегда ясны и понятны. Почему, например, Аня оставила у себя Кехергеса? Потому что полюбила его, или она, будучи бедной девушкой, позавидовала чужому счастью и захотела хотя бы на некоторое время своего? Почему остался у нее Кехергес? Хотя в рассказе и отмечается, что молодой парень “все чаще и чаще засматривался на черные глаза своей спутницы”, а ее “губы часто и весело смеялись, голос раздавался, как серебряный колокольчик” (ЯР, 56), поступок Кехергеса все же необъясним. Автор не проникает в психологию своего героя, не обосновывает в достаточной степени тот или иной его поступок. Поэтому эпизоды рассказа не связаны внутренними, психологически достоверными действиями героев. Этим рассказ “Украденный парень” отличается от “Осени”, где все события объединяются авторским взглядом. В “Украденном парне” автор намеренно устраняется, оставляя место “объективному” повествованию, и не совсем удачно пытается показать все так, как видится его героям. Серошевскому не удалось добиться успеха на этом пути. Рассказ интересен прежде всего с его фактографической, “бытописательной” стороны, что в какой-то мере компенсирует недостатки произведения.

Подобных недостатков во многом лишен следующий, самый большой рассказ цикла — “Хайлак”. В нем писатель затронул важную и непростую проблему: влияние ссылки на жизнь местного населения, отношения между ссыльными и местными жителями, губительные последствия царской политики в Якутии. Многие в силу цензурных ограничений он не мог сказать прямо, однако ему удалось создать запоминающееся произведение, которое убеждает читателей в порочности самого института ссылки.

“Хайлаками”, или точнее “хаайылаахами”, якуты называли уголовных ссыльных, и прозвище это, как отмечает Серошевский, оскорбительно и соответствует слову “острожник”. Сюжет рассказа основан на трагическом столкновении уголовного ссыльного с якутской семьей. В этом произведении Серошевскому удалось создать более полнокровные, убедительные человеческие образы, чем в рассказе “Украденный парень”, — это якут Хаджий, его жена Керемес и “хайлак” Костя.

В семье якутов царят мир и согласие. Хабджию и Керемес нужно собрать со своего небольшого хозяйства “на подати и повинности, на одежду и на летнюю пищу, на посуду, на чай и на много других вещей, без которых никак не обойдешься” (ЯР, 68). Размеренная жизнь семьи прерывается появлением непрошеного постояльца — русского ссыльного, которого Хабджий приводит с собой от князя.

Несомненное достоинство рассказа заключается в том, что автору удалось показать своих героев в действии. Сначала “хайлак” производит на семью якутов в целом неплохое впечатление, ибо вымытый и причесанный он имел приличный вид. Его настоящее отношение к якутам проявляется постепенно. Поначалу он высокомерно заявляет, что хочет жить с ними “по-человечески”. Писатель детально обрисовывает жесты и ухватки матерого уголовника, который желает произвести на якутов хорошее впечатление: “Развалившись на лавке, Костя лениво смотрел вперед... он чувствовал, что он добр, но ему не хотелось беседовать” (ЯР, 81). Истинное его отношение к хозяевам сквозит в мыслях: “Костя презрительно улыбнулся. Пусть его называет как хочет. Он, вероятно, думает, что Хрущев — это его настоящая фамилия. Дурак! Это только так... для полиции... За его фамилию ему, наверное, вкатили бы сто палок и повесили бы” (ЯР, 81).

Серошевский, не понаслышке знавший о деяниях ссыльных уголовников, правдиво показывает нахлебничество Кости; он ничего не делает, лежит в доме или бесцельно слоняется по тайге. Автор показывает несправедливость такого положения, когда бедный, но работающий якут обслуживает уголовного ссыльного. При этом Костя в отличие от героев рассказов Короленко, таких, как Соколинец или Степан из “Марусиной заимки”, начисто лишен автором каких-либо романтических черт. Серошевский трезво смотрит на своего героя. Замечательный разговор происходит между Хабджием и “хайлаком”: “Ты говоришь, что там у вас много хлеба, много коров и волов, много табунов лошадей, что там есть большие каменные города... широкие дороги... Кто же все это сделал? Кто же там у вас работает?... Ты говоришь, что там нет якутов!” (ЯР, 87). В этих словах проявляется искреннее недоумение человека, вынужденного тяжело работать и обслуживать людей, подобных Косте. Кроме него Хабджий и не знал других русских, поэтому неудивительно, что после общения с такими русскими у якутов складывалось о них неблагоприятное впечатление. Керемес представляет себе русских как нечто ужасное, злое: «Она слышала много рассказов об этих “нуча”... в сказках их имя сделалось синонимом зла, и она поэтому трепетала» (ЯР, 87).

С появлением “хайлака” в якутскую юрту приходит беда, размеренная и спокойная жизнь расстраивается. Хабджий, который

любит свою жену сильнее прежнего, чувствует, что происходит нечто ужасное. Уголовник долгое время преследует Керемес, наконец, насилует ее. Запущенное хозяйство приходит в упадок, а Хабджий, слабый, больной и апатичный, считает дни, которые осталось “хайлаку” провести в его доме. Когда он думал о будущем и “видел в перспективе целый ряд подобных гостей, то у него все валилось из рук, а в голове поднимался рой ужасных мыслей. Но он все-таки молчал”(ЯР, 108). В атмосфере ненависти, презрения и страха “хайлак” даже рад разорению Хабджия, его горю, страху и страданиям.

Тяжелая атмосфера разряжается тем, что и следовало ожидать: Костя уже открыто домогается Керемес и при ней начинает избивать Хабджия, нанося ему удары, которые могли бы свалить и быка. В этом эпизоде особенно ярко проявляется истинное отношение “хайлака” к якутам: “Собака!., собака... настоящая собака!.. — весело кричал Костя, снова толкая его” (ЯР, 114). После избивания “хайлак” продолжает глумиться над якутом: “Ты, брат, не смотри на меня, точно съесть меня хочешь, вот лучше чайку напейся, — говорил ему с улыбкой Костя. — Я тебя поучил немножко, вот и все” (ЯР, 115).

Хабджий не чувствует ненависти к своей жене, ему жалко ее. Он понимает, что сам он не в силах что-либо изменить, и обращается к князю. Душевные переживания, которые выпали на долю якута, сделали его неузнаваемым: “Мать, жена и сестры князя просто ахнули, когда он входил в избу. Они не узнали его: до такой степени он был изменен страданием” (ЯР, 116).

Писатель показывает, что зачастую местное население было бессильно перед подобными “хайлаками”, которыми в то время была полна Якутия. В этом рассказе не случайно появляется слово “закон”, которое не однажды встречается на страницах произведений писателя и воспринимается якутами как страшное и непонятное: “...они замолчали, объятые мистическим ужасом перед этим таинственным существом, имеющим вид печатной бумаги, а таким живым и могущественным, что может доставить людям бесчисленные страдания. Они знали, что достаточно было одного этого слова, чтобы их мужья опускали с трепетом головы... Кто знает, что там напечатано в этих книгах?” (ЯР, 117). Сорошевский показывает бремя, которое приходилось нести местному населению, страдающему от притеснений уголовников, показывает несправедливость “закона”, согласно которому даже князь оказывается бессильным перед наглым “хайлаком”.

От безделья, вседозволенности и тоски Костя постепенно сходит с ума. Он не находит себе места, а его бесцельная ярость изливается на якутов. Он все более и более напоминает затравленного зверя, в нем временами просыпаются повадки каторжника, так он

и ходит, “волоча за собой правую ногу, которая на минуту забыла, что на ней не было цепи” (ЯР, 126). Поэтому окончательное сумасшествие Кости и убийство им Керемес являются закономерным результатом трагической истории.

Рассказ повествует об одном случае со столь трагической развязкой, но он не оставляет у читателей сомнений в том, что подобные трагедии происходили по всей Сибири. Серошевский нарисовал правдивую картину “тюремь без решеток”, в которую была превращена Якутия и в которую заключены местные жители. Уголовники, подобные Косте Хрущеву, приносили с собой несчастья и разрушения, отравляли отношения между якутами и русскими, сеяли между ними вражду и подозрительность.

Сочувствие автора целиком направлено на супружескую чету. Гармоничности и неиспорченности отношений Хабджия и Керемес он противопоставляет “любовь” “хайлака”. Якуты выступают в рассказе страдающей стороной, бессильной что-либо изменить в сложившемся положении, бессильной перед “законом”. Этим рассказ Серошевского близок произведениям Короленко, разоблачавшим последствия порочной политики по превращению Сибири в место ссылки. В этом заключалось большое значение таких произведений, знакомивших читателей с истинным положением коренных народов обширной Российской империи. В совокупности они создавали впечатляющую картину бесправия, унижения и угнетения. Не все, что видел и знал Серошевский, нашло отражение на страницах рассказа. Цензурные рамки многое не позволяли сказать, однако возникающее на страницах рассказа слово “закон” недвусмысленно указывало, что не один только “хайлак” Костя — причина случившейся трагедии. Говоря о большой обличительной силе рассказа, нельзя не согласиться с И. Ласковым, который справедливо заметил, что “Хайлак” “обращен не только к передовому русскому читателю, с призывом защитить якутов от разгула чуждой уголовщины, но и к самим якутам, давая понять, что если они не защитят себя сами, никто их не защитит: ни князь, ни полиция, ни царь, ни бог, на изображения которого они крестятся в своих юртах”⁹. Симпатии писателя, безусловно, отданы Керемес и Хабджию, страницы, повествующие о тяжелых испытаниях, выпавших на долю героев, пронизаны искренним сочувствием, хотя весь рассказ в целом выдержан в строгом, объективном тоне. Серошевский показывает, что им присущи лучшие человеческие качества, хотя его мнение нигде не выражается прямо, но в то же время не является тайной для читателя: оно проявляется через события, образы героев. В таком способе изложения большие преимущества: читатель в этом случае сам домысливает то, что нельзя сказать прямо.

Серошевский уступает Короленко в мастерстве создания глубоких человеческих характеров. Да он и не ставит перед собой такую задачу. Для него достаточно, чтобы герои были достоверны, чтобы характеры их раскрывались по мере развития трагического сюжета.

К удачам писателя можно отнести образ Керемес — трудолюбивой и любящей якутской женщины. Серошевский показывает героиню тесно связанной с местом, где она живет, с природой, которая ее окружает. Керемес тонко чувствует красоту родной земли: “Разве не хороши эти тучи, это бледно-голубое родное небо, — размышляет она, — эта черная, сумрачная и вместе с тем милая, знакомая тайга? Нет! Хороша якутская земля, их земля, а если говорят, что там, на юге, есть лучше страны, так, наверное, врут. За чем же в таком случае приезжают сюда, к нам?” (ЯР, 67).

В рассказе часто речь героев не отделяется от речи самого автора. Порой мы видим пейзаж глазами Кости, что добавляет его образу глубину: тогда он предстает как человек несчастный, тоскующий, в чьих мутных глазах автор порой замечает следы недавно пережитых страданий.

В речевой характеристике персонажей Серошевский проявляет меньше мастерства, чем В.Г. Короленко. Речь героев мало индивидуализирована, все они говорят примерно одинаково, с разной степенью экспрессивности в зависимости от обстоятельств.

Другую сторону отношений между якутами и ссыльными Серошевский показал в повести “В сетях”. Герой повести Александр в отличие от “хайлака” Кости искренне стремится к взаимопониманию с якутами. В повести убедительно показана жизнь ссыльного, его внутреннее состояние, его отношения с местным населением. Как и в рассказе “Хайлак”, сюжет основан также на конфликте между ссыльным и якутами, который, однако, происходит по другим причинам.

Действие повести охватывает нескольких месяцев, во время которых герой приходит к полному краху всех своих надежд и стремлений. Александр — политический ссыльный. Хотя в повести на это прямо не указывается, но круг его интересов, строй мыслей, отношение к жизни не оставляют в этом сомнений. Герой повести близок и понятен автору, многие мысли и чувства Александра, без сомнения, принадлежат самому Серошевскому. В то же время полное отождествление автора с его героем приводит к искаженному пониманию замысла писателя. Именно это, на наш взгляд, помешало Н.П. Канаеву верно оценить достоинства и недостатки данного произведения.

Герой повести показан как человек определенного мировоззрения, куда более широкого кругозора, чем “хайлак”. Он пользуется известным уважением у якутов, которые говорят о нем: “Все зна-

ет, бедовый! По-якутски говорить мастер, верхом ездит, на лодке плавает, сети ставить лучше якутов знает. Дороги все, все земли изучил. Большой промышленник!»*. Александр за два года сумел завоевать расположение якутов, приспособиться к условиям местной жизни. Оказавшись один с малолетней дочерью на руках, он считает необходимым укрепить свое материальное положение, обеспечить безбедное существование ребенку. Сам он говорит: «Мои планы не изменились, возьму землю, попробую хозяйничать... Здесь, где масса земель лежит втуне, я не могу получить клочка поля, хлопочу в продолжении двух лет... а между тем земля нужна мне, нужна до зарезу» (BC, 28). Александр унижен положением нахлебника, в которое он поставлен в силу закона: «Я не хочу больше их “помощи”. Мне очертело, надоело... до тошноты! Всякий раз, когда десятский приносил ко мне эти “кусочки”, это масло, муку разных сортов, собранную, вероятно, с действительных бедняков, меня точно варом окатывало... Противно... унижительно! Впоследствии все уладится. Увидят, что я хороший сосед, не вор, не мошенник, в чем они, ей-богу, до сих пор сомневаются, не удивительно: на чем они могли убедиться? Разве мы вступаем с ними в какие-либо отношения, кроме полочки “помощи”, купли и продажи, и разве можем вступить?» (BC, 28—29).

Так вырисовывается абрис будущего конфликта. Мечтам Александра предстоит столкнуться с действительностью. Якуты не соглашаются дать ему землю, всячески стараются запутать его, князь от него скрывается, на все прошения ссыльного отвечает отказом.

Серошевский не осуждает за это якутов. Он видит причины такого отношения к желанию ссыльного получить землю. Они выражены князем, который при встрече говорит ссыльному: «Ты говоришь, земли у нас много... Хорошо, даем. Ты построишься, пахать станешь... Мы живем от скота, вы живете от земли... Ты поселишься, богатеешь, разрастаешься, а мы бежать должны... А ведь земля-то наша, дедов наших... Куда пойдем мы? Скажи, русский, если бы мы к вам пришли и стали нашим скотом топтать ваши поля, разве вы остались бы довольны? Земля наша, и мы не должны уступать ее! Что скажут дети наши? Отцы были дураки и моты, промотали не свое добро, оставили нам пустой камень» (BC, 74). Правоту князя чувствует и сам Александр, на лице его «промелькнула мучительная тень». Так сталкиваются интересы ссыльного и якутов, которые считают: «...земля раз уходит к русским, не возвращается к нам!» (BC, 76).

* *Серошевский В.* В сетях. — СПб.; М., 1903. — С. 11. В дальнейшем цитаты из этого издания приводятся с указанием сокращенного названия (BC) и страницы в тексте.

Примечательно, что сам писатель не принимает чью-либо сторону в этом споре. Он показывает, что прав Александр, желающий заняться честным крестьянским трудом, а не быть на иждивении у якутов, показывает и правоту якутского князя, защищающего интересы своего народа. Н.П. Канаев считает, что в словах князя “отражается самая сущность взглядов якутского байства, его стремление монополизировать землю”¹⁰. Он находит, что Серошевский противопоставляет жестокому князю “добрых, человеческих бедняков”¹¹. Исследователь необоснованно искажает замысел автора повести. Протест писателя направлен не против якутского байства, а против самого института ссылки как такового, поскольку от него страдают и ссыльные, и якуты. Обе стороны в этом споре показаны автором как имеющие свою правду и не находящие правильного выхода. Столкновение между якутским крестьянским “миром” и ссыльным-земледельцем становится неизбежным. Все объединяются против Александра, крадут его коня, рвут его сети, взламывают изгородь. Даже симпатизирующий ему Степан не осмеливается пойти против всех. “Вы человек вольной земли, — говорит Степан. — Сегодня здесь, завтра там, а соседи всегда со мною останутся. Нельзя... Съедят меня за это” (BC, 97).

Герой повести постепенно ожесточается. Самого Александра нельзя отнести к людям, не понимающим, почему якуты ополчились против него. Серошевский пишет, что ссыльный понимал якутов, иногда даже оправдывал их. И все же отношения оказываются окончательно испорченными: “Когда прежней внутренней лаской он пробовал вновь их включить в круг тех, кого жалел, сердце его угрюмо молчало. Он не мог простить им тех минут отчаяния, когда на берегу находил пустые, порванные сети, а голод грозил дома, не мог простить покорно-печальной морды убитого коня, лжи, сплетен, клеветы, вечной своей тревоги, раздражения и гнева, от которых он чувствовал, что дичает и душевно падает” (BC, 117).

В повести, как и в рассказе “Хайлак”, Серошевский изображает конфликт между ссыльными и якутами. И причину этого конфликта, как показывает писатель всем своим произведением, следует искать не в характере героев, не в чертах, присущих той или иной национальности, а в условиях, в которые поставлены якуты и ссыльные. И снова можно не согласиться с Н.П. Канаевым, который считал, что “герой повести попадает в запутанные сети, расставляемые наследными богачами”¹². “В сетях” оказался не только Александр, “в сетях” находятся сами местные жители, которые тоже не видят выхода. В повести, как и в рассказе “Хайлак”, показано, что ссылка — тяжелое бремя для местного населения.

Якуты вынуждены защищаться, для чего им самим порой приходится преступать закон.

В.Л. Серошевскому наряду с В.Г. Короленко принадлежит большая заслуга в ознакомлении широкой общественности с истинным положением ссыльных и коренных народов Якутии. В произведениях, которые проверялись цензурой, ему удалось сказать правду о жестокости и произволе ссыльных уголовников, о продажности и равнодушии властей. Характерен в этом отношении эпизод, в котором заседатель ведет допрос якутов по делу об убийстве ссыльных татар. Заседатель никак не может добиться от них “правды”: якуты скрывают ее, зная, что закон против них. Этот эпизод напоминает страницы “Марусиной заимки” В.Г. Короленко, на которых рассказывается о “войне” татар и якутов. Серошевский реалистично описывает их взаимоотношения, давая при этом возможность высказаться самим якутам и позволяя тем самым читателю взглянуть на ситуацию их глазами. Правда, которой добивается заседатель, заключена в словах сторбленного старика-нищего: “...обижали они нас, меня. Больше, чем дикие звери, медведи и волки, побили они нашего скота. Добро наше убавилось, сердца ожесточились. Точно веред выросла юрта их в нашем околотке. Женщины боялись днем даже проходить мимо нее; парни наши научились пить и играть... перестали работать, полюбили грабеж... Мочи не стало от пропаж и обид” (ВС, 58). Серошевский не обходит вниманием заседателя, заинтересованного в том, чтобы быть на хорошем счету и брать мзду с якутов, на его продажность указывают сами же якуты. В той атмосфере, которую показал писатель, становится понятным настороженное отношение якутов к ссыльным вообще, чувства их выражены в словах девушки Той: “Были татары, брали татары, нет татар, все равно берут! Только и есть у нас у якутов, что... улыбнуться!” (ВС, 52).

В свое время В.Г. Тан-Богораз критически отзывался о произведениях Серошевского, “в которых излишне мрачными красками рисовались картины жизни инородцев, якуты изображались односторонне, описывались крайне субъективно — под призмой восприятия молодого польского ссыльного”¹³. В наше время взгляд на произведения Серошевского изменился и упрекать его в мрачности и субъективности не представляется возможным. Не совсем понятно, что имеется в виду под “односторонностью” изображения якутов. Писатель симпатизировал местному населению, показывал тяжесть его жизни, указывал на ее причины. В его рассказах мы не найдем пренебрежительного слова о якутах, они не являются некой массой — писатель создает убедительные человеческие характеры.

В повести “В сетях” старик Лягушечьи Глаза, Капитон, Меилях, князь и другие обладают неповторимыми чертами, преследу-

ют свои интересы. Некоторые якуты и во время общей вражды с Александром не ожесточаются, сохраняют с ним человеческие отношения. Замечательно, что в повести якуты показаны активно действующими, отстаивающими свои интересы, объединенными, но такими пассивными и беспомощными, как герои “Хайлака”. Они осознают общность своих интересов, и даже вражда князя и Капитона утихает на время спора с Александром. Серошевский не изображает якутов как темных, диких людей. Так, в споре с Александром якутский князь противопоставляет ему свою точку зрения, ничуть не уступая в убедительности доводов, и в то же время показывая себя человеком, пекущимся не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне.

Немаловажное достоинство этого произведения Серошевского заключается в точности, с какой показана жизнь ссыльного, его положение среди коренного населения, основы быта. Все это писатель знал как никто другой. Настроение Александра, который временами погружен в бездействие, тоску и скуку, было знакомо писателю: “...будто дикие звери гонят тебя прочь, из юрты в юрту, от одного знакомого к другому. На охоту, в гости, к черту, к дьяволу в пасть, только бы не чувствовать себя, не чувствовать жажды жизни... В результате — пустой вздор! Развиваются какие-то бурлацкие привычки, лень, точно ржавчина, проедает душу” (BC, 31). Александр с ужасом вглядывается в лицо убийцы Палкина, “хайлака”, сгубившего целую семью, ибо чувствует, что и сам порой бывает недалеко от черты, за которую переступил убийца. Желая жить полноценной жизнью даже в этом суровом краю, Александр видит перед собой два возможных примера — Палкина и Якова, и оба их отвергает. Ссылный Яков, живущий не очень далеко от Александра, давно уже опустился, потерял всякую надежду, снизил свои потребности до минимума, практически не общается с якутами и ничего не просит у них. Деятельный Александр не приемлет подобного образа жизни: “Даже ты, — говорит он, — который вечно несешь иго принципов, который не взял у них ни крошки и в ущерб здоровью живешь, черт знает как, разве ты, положи руку на сердце, скажешь, что они не считают тебя за пройдоху?” (BC, 29). Поэтому занятие трудом в этих условиях для Александра — единственная возможность чувствовать себя человеком.

Серошевский показывает, что Александр терпит поражение не только из-за сопротивления якутов, но и потому, что земля эта не стала для него родной, оставшись местом печали и лишений. Поэтому так пронзительна сцена прощания героя с местом ссылки: “У поворота он остановился и оглянулся на свою усадьбу. Ничего ему, ничего не было жаль: взор его пробежал по долине с сознанием, что это в последний уже раз” (BC, 136). Александру становится

понятной тщета всех его усилий, бесполезность его трудов. Так заканчивается попытка ссыльного стать на ноги в чужом краю. Автор не обвиняет в случившемся ни якутов, ни Александра. Все они вместе “в сетях” того самого “закона”, о котором с таким страхом говорят якуты в рассказе “Хайлак”. И в повести они не считают этот “закон” своим: “Закон? — говорит якутский князь. — Послушай, русский, не мы пишем законы, а вы что захотите, то напишете. Думаю, себя не обидите?” (ВС, 75).

В то время повесть наряду с произведениями Короленко говорила читателям правду о Якутии, о тяжелом положении ссыльных. Не называя нигде прямо царившего тогда режима, Серошевскому удалось показать его бесчеловечность, пренебрежение к отдельному человеку и целому народу.

Рассказ “Хайлак” и повесть “В сетях” изображают непростые, порой трагические взаимоотношения ссыльных и якутов. Неумолимый закон жесток и к тем и к другим. Иная картина предстает в рассказе “В жертву богам”. Главные герои его — тунгусы (устаревшее название эвенков), живущие в согласии с природой по заветам отцов. Драматичные события позволяют писателю показать выразительные характеры действующих лиц. В центре рассказа — образ старика Сельтичана. Мудрый и пользующийся уважением, он один ухитряется уберечь свой стада от страшной болезни. Род Сельтичана спасает попавших в беду соплеменников, познавших муки голода. За помощью тунгусы обращаются к своим богам, и те отвечают им через шамана, что необходима человеческая жертва: “Пусть народ покажет покорность, человек — повинение, иначе да погибнут все, подобно утреннему туману” (ЯР, 157). Только старик Сельтичан своей смертью может избавить от гибели всех других.

В.Л. Серошевский показывает Сельтичана как мужественного, хладнокровного человека, немногословного и несуетливого. Высокие достоинства героя рассказа проявляются и в его хладнокровном отношении к смерти, в готовности пожертвовать жизнью ради жизни других. Сельтичан обладает могучим характером, подобно герою рассказа М. Горького “Старуха Изергиль” Данко. Как и для героя Горького, для Сельтичана нет ничего на свете, что он не сделал бы для людей. Сельтичан решает пожертвовать своей жизнью. Он делает это добровольно, не чувствуя страха перед смертью. Сельтичан любит жизнь во всей ее полноте — тем мужественнее его поступок. Серошевский показывает здесь исключительные характеры, исключительные обстоятельства. Это, несомненно, романтическое произведение, в котором писатель показывает высокие человеческие качества своих героев-тунгусов, а в поступке старика Сельтичана — подлинный героизм. По вырази-

тельности и силе характера с ним может сравниться только шаман Ольтунгаба.

В рассказе М. Горького сердце Данко, пожертвовавшего своей жизнью для других, было затоптано толпой. В.Л. Серошевский же показывает тунгусов людьми, способными оценить огромную жертву, которую принес Сельтичан: “Мы, вскормившие такое сердце! — вскричала дружно толпа... Все они, даже жирный князь, чувствовали в этот миг, что сердца их так же горят и трепещут готовностью жертвы, как и то, которое стыло под рукой Ольтунгаба” (ЯР, 171).

Рассказ назван автором “В жертву богам”, но на самом деле Сельтичан приносит жертву людям, своему племени, будущим поколениям своего народа. И делает он это сознавая, что с ним не оборвется жизнь его племени. Показательны слова шамана о том, что и в старину умирали лучшие: поступок старика Сельтичана освящен вековой традицией. Серошевский показывает закономерность, даже естественность такого поступка для героев рассказа. В произведении незримо присутствует образ того самого “закона”, о котором мы говорили в связи с “Хайлаком” и “В сетях”. В рассказе “В жертву богам” ситуация резко меняется. Здесь закон — это закон самой народной жизни, он не стесняет героев, не воспринимается ими как нечто чуждое и злое, и даже тогда, когда этот закон требует от человека принять столь трудное решение, он делает это по своему свободному выбору, не чувствуя противоречия между велением долга и совестью. Более того, только поступая по закону, по древней традиции, подсказывающей образ действий, Сельтичан достигает подлинного бессмертия — в памяти своего народа. Серошевский показывает естественность жизни, не затронутой цивилизацией. Поэтому рассказ, повествующий о трагических событиях, не производит мрачного впечатления. Он проникнут подлинным оптимизмом, верой в лучшие качества человека. Характерный “мрачный” колорит, о котором говорили исследователи творчества Серошевского, появляется тогда, когда писатель обращается к напряженным отношениям между местным населением и ссыльными, представителями “цивилизации” вроде Кости Хрущева. Еще в конце XIX в. Серошевский указал на то пагубное влияние, которое оказывают иные “цивилизаторы” и сама цивилизация на народы Севера. Тем более показателен рассказ “В жертву богам”, проникнутый подлинным романтическим чувством, воспевающий естественную, пронизанную традициями народную жизнь.

Рассказ демонстрирует лучшие черты прозы Серошевского. Как и все вообще якутские рассказы, он насыщен диалогами. В этом произведении наиболее обилён собственно этнографический слой. Писатель показывает ежедневные занятия народов Севера,

их обычаи и обряды. Серошевский постепенно учился тому, чтобы органично включать свои этнографические наблюдения в ткань художественного текста. Рассказ “Осень” практически весь основан на этнографическом материале, своего героя-якута Серошевский стремится показать прежде всего через этнографическое. По мере того как крепло перо молодого писателя, все более и более органичной становилась и этнографическая струя в его произведениях. Она по-прежнему играет большую роль, однако уже не служит единственной основой для создания образа в рассказах “Хайлак”, “В жертву богам”, в повести “В сетях”. Именно в этих лучших произведениях якутского цикла писателю удалось найти необходимый баланс между художественным и собственно этнографическим.

Этнографические подробности у Серошевского рассыпаны по всему произведению, то там, то здесь выходя на первый план, создавая определенный колорит. В повести в эпизоде похорон Юлии, жены ссыльного Александра, якуты перед тем забивают быка, а перед покойницей и самими похоронами испытывают суевенный страх: “Ну, русский, идем! — закричали работавшие. — Торопись... Грех... не оглядывайся!” (ВС, 22). Вернувшись с похорон, все якуты во дворе юрты перепрыгивают через пламя костра. Этот эпизод передает верования якутов, о которых писал сам Серошевский: “...гроба никто не провожает, исключая носильщиков и могильщиков, да и те торопятся скорее окончить свое дело и убежать домой: возвращаясь, они ни за что не станут оглядываться назад, а, входя в ворота или двери дома, проходят сами и проводят животных, на которых везли мертвеца, через огонь костра”¹⁴.

В рассказ “Осень” включены предания о “шайтане” — подробно рассказывается о мерах предосторожности, принимаемых людьми, чтобы обезопасить себя от вреда со стороны мертвого: поломанное оружие, запрет касаться его вещей и брать их в руки. Все это соответствует действительно бытовавшим поверьям, запечатленным Серошевским в его научном труде. Таким образом, этнографический материал играет большую роль в произведениях писателя. В то же время в лучших произведениях Серошевского этнографическое не подавляет художественное, а служит для более точного изображения места действия, передачи национального колорита. При этом подлинного успеха в изображении человека писатель достигает не тогда, когда максимально насыщает произведение и образы героев этнографическими подробностями, а когда показывает то человеческое, что делает героев произведений близкими и понятными любому читателю. Поэтому к удачам Серошевского можно отнести образы Керемес, Хабджия, Сельтичана. Писатель показал в них понятные человеческие качества, даже

недостатки. Они удались автору благодаря не экзотическому, а человеческому в них.

Немаловажное достоинство прозы Серошевского заключается в мастерском описании якутской природы. Это было справедливо отмечено Н.П. Канаевым, который считал, что “Серошевский, после Короленко, является одним из сильнейших художников якутской природы”¹⁵. Исследователь увидел также и отличие пейзажей Короленко и Серошевского. Если первый рисует “гиблое место”, то Серошевский, по мнению Н.П. Канаева, создает преимущественно картины летней якутской природы, поэтому им присущи более мягкие тона. В целом с этим выводом ученого можно согласиться. При этом пейзаж Серошевского имеет ряд характерных черт.

Прежде всего, Серошевский умеет гармонизировать состояние природы и человека, пейзаж у него никогда не выступает отдельным, вставным элементом повествования. Он во многом позволяет писателю глубже показать человека, его внутреннее состояние, которое находит своеобразный отклик в природе. Поэтому не случайно писатель порой показывает пейзаж, увиденный глазами того или иного действующего лица. В рассказе “Хайлак” мы видим природу не только в восприятии Керемес, но и “хайлака” Кости. Если пейзаж подчеркивает единство Керемес с родной природой, то для Кости эта природа чужая, и пейзаж подчеркивает одиночество, заброшенность, тоску героя. Пейзаж контрастно противопоставлен сумрачной атмосфере, царящей в доме Хабджия, и тем самым подчеркивает тяжесть сложившегося положения: “А между тем на дворе стояло солнце, разносился запах лесов, волновались озера, потухала и загоралась в одном зареве соединенная заря рассвета и заката. Но для них все было сумрачно и ненастно. Они сидели в душной и темной юрте, следя друг за другом и друг друга раздражая” (ЯР, 109).

Отражение взаимосвязи состояния природы и человека характерно для рассказа “В жертву богам”, повести “В сетях”. Родная природа помогает Сельтичану, умиротворяет его душу, доставляет ему радость в последние минуты жизни. В повести “В сетях” природа в описании Серошевского не только красива, но также сурова и враждебна человеку — так воспринимает ее ссыльный Александр. В этом произведении писатель показывает якутскую природу в разное время года — зимой, весной, летом. В каждом из этих времен года писатель находит нечто неповторимое. Характерно, что Александр, испытывающий трудности в борьбе за землю, ищет спасения и успокоения именно в природе. Сцены охоты и рыбной ловли в повести освещены подлинным лирическим чувством. Несомненно, что в данном случае Серошевский передавал прежде всего свое состояние, когда он старался

забыться в охотничьих и рыбацких эмоциях, поэтому в этих эпизодах так сильно чувствуется присутствие самого автора.

Таким образом, в произведениях Серошевского пейзаж является активным участником действия, служит для выражения внутреннего состояния человека. Поэтому практически не встречается пейзажа нейтрального, существующего самого по себе. Он всегда воспринимается глазами автора или героя.

В произведениях Серошевского на якутскую тему мы не найдем того глубокого постижения человеческого характера, стремления к широким обобщениям, какие существуют у Короленко. Для Серошевского главное — запечатлеть жизнь в Якутии, характерные особенности якутского народа, тяжесть жизни ссыльного. И в этом писатель добивается больших успехов. Серошевский избегает упрощенного взгляда на действительность, не сглаживает противоречий между ссыльными и местными жителями. Его правдивые произведения сыграли большую роль в ознакомлении общественности с тем положением, которое сложилось в Якутии из-за ссылки, всю пагубность которой для коренного населения он увидел своими глазами. Характерно, что у Серошевского мы не встречаем таких романтических героев, как Соколинец или Степан из рассказов Короленко. Взгляд Серошевского более трезв, может быть, даже более суров. Едва ли можно согласиться с мнением Н.П. Канаева, что в повести “В сетях” писатель “отчасти стремился показать положительное влияние ссыльного на якутов”¹⁶. Никакого особенно положительного влияния на якутов Александр при всем его желании оказать не в состоянии. Достоинства повести заключены в другом, в частности, в том, что Серошевский убедительно показывает: ссылка для ссыльного — это постоянная борьба за человеческое существование, ссылка для якутов — это постоянные поборы и ожидание зла от ссыльных уголовников.

Серошевскому удалось показать, что виноваты в таком положении не сами ссыльные и не якуты. Тот образ “закона”, который так часто встречается в его произведениях, не оставлял у читателя никаких сомнений в том, что сам институт ссылки уже заключает в себе нечто такое, что приносит страдания и ссыльным, и местным жителям. В этом несомненное сходство между произведениями Короленко и Серошевского.

Примечательно в то же время, что у Серошевского мы не встречаем героев, подобных короленковскому Макару. Образ Макара создан в русле традиционной для русской литературы темы “маленького человека”. Найдя свое выражение в произведениях А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, эта тема нашла продолжение в якутских рассказах В.Г. Короленко — “Сон Макара”, “Ат-Даван”. Польский писатель не склонен рассматривать своего героя под таким углом зрения.

В этом, несомненно, сказывается влияние традиций не столько русской, сколько польской литературы. Исследователи творчества писателя, рассматривая его произведения в контексте развития польской литературы, считают, что оно относится к явлениям, которые трудно укладываются в четко выраженные границы. Будучи польским писателем и создавая произведения на польском языке, Серошевский так или иначе отражал в своих «Якутских рассказах» тенденции, свойственные современной ему польской литературе.

В якутских произведениях Серошевского проявились характерные для молодых польских писателей того времени черты: «...пессимистическая интерпретация детерминизма, концепция безжалостной борьбы за существование, противопоставление природы цивилизации...»¹⁷. У Серошевского это выражается и в описании тяжелейшей жизни якутов и ссыльных, и в противопоставлении закона предков и закона цивилизации, безжалостно уродующего человеческие отношения и самого человека. Эти черты позволяют увидеть зависимость якутских произведений Серошевского не только от русской, но и от польской литературы.

Говоря о роли Серошевского в освещении якутской темы, нельзя не согласиться с А.З. Маковецким, который пишет: «...его огромное значение для польской прозы на рубеже веков не объясняется только лишь художественными достижениями или даже новой литературной темой. Оно заключается в смягчении литературного описания с помощью новой для европейской литературы авторской позиции — осознания своего единства со всеми, подвергнувшимися испытаниям судьбы, независимо от цвета кожи и места жительства»¹⁸. Новая для европейской литературы авторская позиция в принципе не была новой для русской литературы, и в данном случае уже русская литература влияла на творчество польского писателя. Едва ли можно согласиться с оценкой литературной деятельности Серошевского и его позиции до революции 1905 г. как типично народнической¹⁹. Как и рассказы Короленко, произведения Серошевского лишены слепого преклонения перед народом, стремления найти в нем некую недоступную пониманию интеллигентного человека правду, особую мудрость. Стремление к максимальной точности — вот что отличает произведения писателя. Справедливо мнение Л.И. Ровняковой, что сильной стороной творчества Серошевского является «сочетание объективных наблюдений автора с точным, почти «научным» подходом к изображаемому»²⁰.

Сам писатель рассматривал свои научные занятия как фактор, отрицательно повлиявший на его художественное творчество, так как они сделали его взгляд «чересчур этнографическим». Едва ли мы сегодня согласимся в этом с писателем. Эта «этнографичность» не воспринимается как недостаток, скорее как несомнен-

ное достоинство произведений писателя-очевидца. Написанные наблюдательным человеком произведения дают сегодня редкую возможность взглянуть на жизнь Якутии столетней давности.

Якутские произведения Серошевского являются ярким примером беллетристики. Именно это обстоятельство определило, каким образом писатель изобразил Якутию в своих произведениях. Известна роль рассказов Короленко, в особенности “Сна Макара”, в становлении “сибирской школы” писателей. Такое равнение “на одного писателя, а часто на какое-либо отдельное произведение — характерная особенность беллетристики”²¹.

Отталкиваясь от произведений Короленко, Серошевский и другие писатели расширили круг затрагиваемых тем, пополнили знание о сибирских народах, познакомили широкие круги читателей с их жизнью. Отличительной особенностью произведений Серошевского, как и других писателей “сибирской школы”, является ориентация на реалистическое отражение действительности, на точность факта, объективность повествования. Для писателей-беллетристов «как раз по силам рисовать “с природы”, ибо “обыкновенному таланту” впору оперативно откликаться на злобу дня, обозревать окружающее, живописать многообразие лиц, занятий, укладов»²². Серошевский ориентирован на жизненность, он больше привязан к местному колориту, к “исторически конкретному, социально фиксированному, наличному”²³. Эта беллетристическая особенность проявляется во всех произведениях Серошевского.

Все вышесказанное ничуть не умаляет ни таланта Серошевского, ни значения его художественного творчества. Учитывать эти его особенности необходимо, чтобы понять те принципы, которыми он руководствовался в изображении действительности.

К отношениям между ссыльными и местным населением обращались не только сосланные, среди якутских писателей, затронувших эту тему, нужно назвать Н.Д. Неустроева.

Николай Денисович Неустроев (1895—1929) — классик якутской литературы, один из тех, чьими трудами она создавалась. Он известен прежде всего как драматург. В то же время Н.Д. Неустроев создавал прозаические произведения и оставил ряд рассказов, очерков и других произведений. Как и рассказы В.Л. Серошевского, произведения Н.Д. Неустроева подвергались критике за субъективизм, идеализацию якутской старины, неприятие советской действительности, неверное отражение межнациональных отношений. Некоторые его рассказы, как, например, “Рыбак Платон”, “Презрение”, “Просвет” и др., комедия “Тар” не избежали подобных упреков.

Неустроев испытал сильное воздействие русской литературы. Русские книги расширяли кругозор будущего писателя, побудили

к литературному творчеству. Сам Неустроев писал в 1914 г.: “Пушкина, Лермонтова и Гоголя прочитал давно, и они же самые мои любимые писатели. Пушкин и Лермонтов дали мне многое, как я чувствую, обогатили знанием русского языка и натолкнули на путь чтения”²⁴. Чуть позже Неустроев сам занялся литературным трудом. Его первое произведение — рассказ “Дикая жизнь”, написанный в 1915 г.

Исследователь творчества писателя Г. К. Боесков считает, что значение “творчества Н.Д. Неустроева как создателя первых якутских комедий и как автора ряда рассказов, относящихся по своим художественным достоинствам к числу высших достижений национальной прозы, огромно в истории родной литературы”²⁵. Этот взгляд на творчество писателя разделяют и другие ученые²⁶.

Изображая в своих рассказах Якутию начала века, Неустроев не мог обойти такой темы, как отношения между ссыльными и якутами, влияние ссылки на положение народа. В ряде произведений писатель затронул эту проблему, в частности, в рассказах “На белом озере”, “Страх”, “Презрение”.

Интересным представляется сравнение рассказа Н.Д. Неустроева “Презрение” с рассмотренными выше произведениями В.Л. Серошевского. События рассказа якутского писателя аналогичны событиям “Хайлака”: размеренная и спокойная жизнь якутской семьи разрушается ссыльными уголовниками — “хайлаками”. Авторское отношение к описываемым событиям вообще и к ссылке в частности выражено эпитафией: “Незванный гость хуже татарина”.

Герои рассказа — якуты Силипен и Матрена и “хайлаки” Петко и Ивашка. В первой части рассказа, названной автором “Идиллия”, представлена жизнь мирной якутской семьи. Глава семьи Силипен страстно любит свою красавицу жену, у них двое детей. Неустроев, как и Серошевский, стремится передать близость якутов к родной природе. Показательны в этом отношении эпизод охоты Силипена, размышления Матрены в тайге. Неустроев подчеркивает, что якуты живут на своей земле, показывает их близость к своим предкам. Характерен эпизод, в котором Силипен замечает на бугре старинные могилы своих предков. На него нахлынули воспоминания: “Силипен вспомнил богатого деда, который перед смертью велел похоронить себя над аласом, чтоб он, лежа на дне гроба, чувствовал родной алас и слышал тихое плескание озера-кормильца. Рядом с могилой деда красовалась могила бабушки, отчаянно самодурной старухи”²⁷.

Матрена, как и героиня рассказа Серошевского, показана автором в тесной связи с природой. В то же время нельзя не заметить существенной разницы в обрисовке женских образов польским и якутским писателями: у Серошевского Керемес — воплощение

кротости и смирения, наиболее пострадавший человек в описанной истории. Неустроев, напротив, подчеркивает независимость и решительность Матрены. В целом она даже решительнее и смелее своего мужа: она выходит замуж вопреки воле родителей и в отличие от Керемес не терпит побоев мужа.

Если якутов Неустроев показывает через их чувства, размышления, знакомит с историей их жизни и любви, то “хайлаки” переданы другими изобразительными средствами. Серошевский постепенно сгущал атмосферу в якутской юрте, доводя ее до кульминации в эпизоде убийства Керемес. В рассказе Неустроева между первой и второй частями происходит резкий слом: “Уходя из поляны в лес, Матрена вздрогнула всем телом. Ее слух поразил непонятный звук, не то похожий на хохот человека, не то на крик хищной птицы. Но таинственный звук подействовал на Матрену удручающе, и она почувствовала невольный страх”²⁸.

Во второй части рассказа появляются два “хайлака”. Даже внешний их облик отталкивающий: “Один из них был высокий, костлявый мужчина, с низким лбом и с орлиным носом... Щетиновые усы и бритый подбородок выдавались вперед в черепе, напоминавшем собачий”²⁹. Характерен диалог “хайлаков”: “Юрта должна быть тут близко, — говорит Петко. — Достанем себе красивую якутку, да и будем жарить... Знаешь ли, Ивашка, якутки бывают слаще наших баб. Если попадет хорошенькая, то просто блаженство, мой друг”³⁰.

Их отношение к якутам проявляется в таких словах: “Прямо смотреть противно. Тьфу. Гадкое племя. Собаки чистейшие, а не люди”³¹. В этом “хайлаки” Неустроева и Серошевского схожи между собой. В то же время нельзя не заметить и некоторых различий. Если Костя Хрущев совмещает в себе и дикую злобу, и презрение к якутам, и невыразимую тоску, то у Неустроева Петко начисто лишен каких-либо человеческих черт. В рассказе постоянно подчеркивается его животная натура, он именуется “старым хищником”, “дико вращает жадными глазами”, к Матрене он бросается, “как коварная змея к застывшей от ужасного ее взгляда маленькой птичке”³². Но наиболее показательны слова самого Петко: “Ивашка, знаешь, я хочу крови... Я, как ворон, хочу питаться живой кровью... Давно не видел”³³. Ивашка еще не совсем потерял остатки человечности, за что его и презирает Петко. Поэтому, когда испугавшийся разоблачения Петко убивает всю семью Силипена, Ивашка в ужасе убегает из юрты. Этот эпизод напоминает последние страницы “Хайлака” В.Л. Серошевского. Как и сошедший с ума Костя Хрущев, персонаж рассказа “Презрение” находится в подобном состоянии: “Петко дико озирался вокруг себя, бессознательно наступая дрожащими ногами на жертву. Его охватил панический ужас смерти, совершенной его костлявыми ру-

ками”³⁴. Как и произведения Серошевского, рассказ Неустроева написан в реалистической манере. Якутский писатель, как и польский ссыльный, безусловно, осуждает сложившееся положение, показывает, к чему приводит политика царского правительства. В этом Неустроев близок Серошевскому и Короленко. Можно с уверенностью сказать, что произведения русской литературы подвигли якутского писателя обратиться к самым животрепещущим проблемам современности. Сходство можно заметить в самом построении рассказов Неустроева и Серошевского: показ мирной жизни якутов, их взаимосвязи с природой, столкновение с уголовниками-“хайлаками”, трагический конец. Сходна и тональность этих произведений — светлая и лиричная, когда рассказ идет о жизни якутской семьи, и мрачная, когда появляются “хайлаки”.

Выше уже отмечалось отличие героини рассказа Неустроева от героини “Хайлака”. Сами “хайлаки” тоже показаны под несколько иным углом зрения. Неустроев подчеркивает прежде всего их хищнические, звериные черты. У Серошевского же в некоторых эпизодах подчеркивается тоскующий взгляд уголовника Кости, что позволяет автору в некоторой степени избежать одномерности этого персонажа.

Необходимо отметить мастерство Неустроева в изображении родной природы. Характерно, что пейзажи встречаются в первой, “идиллической” части рассказа. Автор подчеркивает красоту родного края для героев рассказа: “Под бугром, на дне провального аласа, плескалась темная волна небольшого озера. Вокруг него зеленой полосой тянулся покосный луг Силипена. Кругом аласа поднимались высокие холмы. Как неприступная природная стена, сплошной цепью окружали они глубокий алас. Над холмами рос густой лиственничный бор, окаймляющий тихий алас, как зеленая корона природы. На покосе мелькали бесчисленные копны скошенного сена. По краям озера шептались зеленые камыши и приветливо кивали пушистыми головками. Тихая, серебристая зыбь нежно шуршала у зеленых камышей. Стая диких уток быстро носилась над гладью озера”³⁵. Во второй части рассказа природа словно замирает, потрясенная жестокостью разыгравшейся трагедии: “Осенние сумерки окутывали в черный покров засыпавшую мирную окрестность. Желтый серп молодой луны сверкал над лесом. Горизонт бледнел. Тайга мрачной стеною окружала юрту, словно оберегая свою страшную тайну...”³⁶.

Обращает на себя внимание умение Неустроева использовать описание природы для показа внутреннего состояния человека. Например, в рассказе “Прокаженные” автор так передает настроение героя: “Тайга зловеще гудела под напором сильного ветра. Ее ропот напоминал отдаленный гул морского прибоя. Этот зловещий напев родной тайги, окружающей тесным кольцом землянку

Семенчика, свист ветра у открытой трубы и чириканье птичек в лесу напоминали в душе больного прожитую, полную бурь и невзгод жизнь. Когда он был еще здоров, то никогда не обращал внимания на ропотание дремучей тайги и не придавал этому никакого значения³⁷. И далее: “Тайга продолжала выть воем зловецким и таинственным. Казалось, молчаливые лиственницы разом заговорили о прожитой ими жизни и сурово жаловались кому-то³⁸. Тягостные мысли обитателей таежной землянки, поселившуюся в ней атмосферу смерти автор передает так: “Тайга беспрестанно роптала и горько жаловалась кому-то. Ее верный рокот удивительно гармонировал с настроением вонючей землянки. Тот же самый рокот, та же дума, скорбь и жалоба кому-то далекому, неведомому. Словно родная тайга жила и чувствовала скорбь невольных обитателей... землянки и страдала их страданием³⁹. Здесь нельзя не вспомнить Короленко, Серошевского с их впечатляющими картинами суровой, величественной и прекрасной якутской тайги. Короленко часто обращался к природе в стремлении показать настроение человека. Серошевский тоже умел с помощью описания природы показать внутреннее состояние человека, подчеркнуть трагичность происходящего.

Герои Неустроева и Серошевского удивительно схожи между собой. Разумеется, это не говорит о том, что Неустроев заимствовал у польского писателя тот или иной тип. Оба писателя черпали из одного источника — хорошо знакомой им действительности и верно показывали ее в своих произведениях. Привлекает внимание, например, Тихон, герой очерка “Дикая жизнь”, охотник, чертами характера напоминающий Хахака из рассказа Серошевского “Осень”. “У Тихона нет ни отца, ни матери, ни родных. Он гол как сокол. Его воспитала дикая суровая тайга. Создатель не обидел его. Он даровал ему страсти и талант отличного охотника⁴⁰”, — так пишет о нем автор. Как и Хахак, “...родился Тихон охотником и живет для охоты. Правда, он нехороший работник, т.е. немного ворчливый и ленивый, но зато какой он прекрасный охотник!”⁴¹. Как и Хахак, Тихон совершенно преобразается перед охотой: “Лицо его принимает совершенно другое выражение, глаза дико и торжественно блестят, рот широко улыбается. Страсть природного охотника так и обнимает его сухоощавое тело⁴². “Такова страстная охотничья натура этого одинокого человека, который ничего не жалеет ради охоты⁴³”, — без сомнения, эти слова могут быть отнесены и к герою Серошевского. Не случайно образу такого охотника сопутствуют и суеверные представления. Тихон не лишен известного страха перед медведем и говорит: “Да, опасный зверь... он не может приходиться два раза к людям, если только не желает нас съесть⁴⁴”.

Невозможно не заметить общую гуманистическую направленность творчества якутского писателя, признание им ценности че-

ловеческой жизни. Это позволяет говорить об общности взглядов Неустроева и Короленко. “Свет божий обширен и, думаю, достаточен для всех живущих, — говорит один из героев Неустроева, — а убивать друг друга из-за клочка какой-нибудь земли невозможно и нельзя”⁴⁵. Можно согласиться с Г.К. Боескорковым, говорившим, что “здесь мы впервые сталкиваемся с одним из основных постулатов Н. Неустроева как художника... Его смысл состоит в утверждении того, что никакие лишения и испытания не в состоянии истребить положительные, от природы данные, задатки человеческой природы”⁴⁶. Таковую же веру в неистребимые положительные качества человеческой природы имел и В.Г. Короленко, автор “Марусиной заимки” и “Мороза”, герои которых, несмотря на трудности и невзгоды и даже отступления от нравственных правил, все же находят в себе силы для исправления своей жизни и самих себя.

Рассмотренные произведения Н.Д. Неустроева были написаны им в начале творческого пути, поэтому они позволяют увидеть те образцы, на которые ориентировался писатель, т.е. произведения русской литературы. Уже в них присутствует то главное, что отличает творчество писателя: «Представление о человеке как “мере всех вещей”, которое и позволило писателю глубже и тоньше, чем в прямом, непосредственном изображении социальных коллизий, раскрыть состояние общества»⁴⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Степанов С.А. В.Л. Серошевский и Якутия // Серошевский В.Л. Якутия. Опыт этнографического исследования. — М., 1993. — С. XVII.

² Серошевский В.Л. Якуты... — С. XXI.

³ См.: Серошевский Вацлав. Воспоминания о Якутии // Диалог. — 1989. — № 15-16. — С. 45-53.

⁴ Краткая литературная энциклопедия. — М., 1971. — Т. 6. — С. 801.

⁵ Ровнякова Л. И. Вацлав Серошевский — исследователь Якутии // Польско-русские литературные связи. — М., 1970. — С. 334.

⁶ Серошевский В.Л. Якуты... — С. 634.

⁷ Там же.

⁸ Канаев Н.П. Русско-якутские литературные связи. — М., 1965. — С. 111.

⁹ Ласков И. Серошевский. “Хайлак”. Рассказ о рассказе // Молодежь Якутии. — 1993. — 1 мая.

¹⁰ Канаев Н.П. Указ. соч. — С. 115.

¹¹ Там же. — С. 116.

¹² Там же.

¹³ Кулешова Н.Ф. В.Г. Тан-Богораз. — Минск, 1975. — С. 37.

¹⁴ Серошевский В.Л. Якуты... — С. 597.

¹⁵ Канаев Н.П. Указ. соч. — С. 120.

¹⁶ Там же. — С. 114.

- ¹⁷ *Маковецкий А.З.* Пути развития польской прозы на рубеже XIX—XX веков // Русская и польская литература конца XIX — начала XX века. — М., 1981. — С. 82.
- ¹⁸ Там же. — С. 91.
- ¹⁹ *Канаев Н.П.* Указ. соч. — С. 121.
- ²⁰ *Ровнякова Л.И.* Вацлав Серошевский — исследователь Якутии... — С. 344.
- ²¹ См.: *Гурвич И.* Русская беллетристика: эволюция, поэтика, функции // Вопр. литературы. — 1993. — № 5. — С. 113—142.
- ²² Там же. — С. 121.
- ²³ Там же. — С. 124.
- ²⁴ *Неустроев Н.Д.* Төрүөбүт сирбэр, тапталаах дьоммор. — Якутск, 1995. — С. 276.
- ²⁵ *Боескоров Г.К.* Творчество Н.Д. Неустроева. — Якутск, 1967. — С. 159.
- ²⁶ См.: *Баширин Г.П.* Слово о Н.Д. Неустроеве // Поляр. звезда. — 1966. — № 1. — С. 141—145; *Сыромятников Г.* Дореволюционные произведения Н.Д. Неустроева // Поляр. звезда. — 1971. — № 1. — С. 108—114; *Он же.* Святая искра таланта. К 80-летию со дня рождения Н.Д. Неустроева // Поляр. звезда. — 1975. — № 6. — С. 105-110.
- ²⁷ *Неустроев Н.Д.* Презрение // Поляр. звезда. — 1995. — № 5. — С. 51.
- ²⁸ Там же. — С. 53.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же..
- ³² Там же. — С. 54.
- ³³ Там же. — С. 55.
- ³⁴ Там же. — С. 56.
- ³⁵ Там же. — С. 50 — 51.
- ³⁶ Там же. — С. 56.
- ³⁷ *Неустроев Н.Д.* Төрүөбүт сирбэр, тапталаах дьоммор... — С. 182.
- ³⁸ Там же. — С. 184-185.
- ³⁹ Там же. — С. 191-192.
- ⁴⁰ Там же. — С. 200.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. — С. 201.
- ⁴³ Там же. — С. 202.
- ⁴⁴ Там же. — С. 208.
- ⁴⁵ Там же. — С. 213.
- ⁴⁶ *Боескоров Г.К.* Творчество Н.Д. Неустроева... — С. 105.
- ⁴⁷ *Буцев А.* Наследие Н. Неустроева и современность // Поляр. звезда. — 1995. — № 5. — С. 68.

Глава 3

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ В ПРОЗЕ В.Г. ТАНА-БОГОРАЗА

Творчество В.Г. Короленко повлияло на многих ссыльных, занявшихся литературой, в том числе на автора “Чукотских рассказов” В.Г. Тана-Богораза. Владимир Германович Тан-Богораз (1865—1936) принадлежит к числу тех выдающихся исследователей народов Севера, которые оставили след в науке, создав фундаментальные труды, воспитали учеников, пошедших по их стопам. Знаменитая книга В.Г. Богораза о чукчах до сих пор остается непревзойденной по охвату материала, глубине проникновения в мир представлений жителя Крайнего Севера. Сегодня ни одно сколько-нибудь серьезное исследование в этой области невозможно без обращения к основополагающим трудам ученого.

Между тем все это могло бы и не состояться, не будь молодой революционер-народник сослан царским правительством на самый “край света”. Ученым В.Г. Богораз стал именно в ссылке, так же как и В.Л. Серошевский, сумев побороть превратности и невзгоды судьбы. В этом сыграли роль и его личные качества, и успешнее уже сложиться мировоззрение молодого революционера. Оказавшись заброшенными в незнакомые и чужие им края, в среде обитания “экзотических” для того времени народов, лучшие из ссыльных революционеров умели и в этом положении найти возможность послужить своей родине. Сам В.Г. Богораз писал: “...социальное задание эпохи для последних землевольцев и народовольцев, сосланных в далекую ссылку на Крайнем Северо-Востоке, состоит в изучении народностей, разбросанных там, первобытных, полуистребленных и почти совершенно неизвестных”¹. Весьма характерно, что Богораз оставил не только научное, но и обширное литературное наследие. Как и Серошевский, Богораз начал писать еще до ссылки, но только во время пребывания на Колыме он осознал себя настоящим писателем. Тан-Богораз и остался в истории литературы прежде всего как родоначальник описания народов Крайнего Северо-Востока России.

В.Г. Богораз родился в 1865 г. в Овруче Волынской губернии. Как многие представители его поколения, Богораз был захвачен революционной деятельностью, стал членом народовольческой организации. В 18 лет был впервые арестован и провел год в тюрьме. После освобождения он не оставил революционной деятельности. 9 декабря 1886 г. его арестовали в Москве. На долгих три

года Богораз был заключен в крепость, затем по высочайшему повелению на десять лет отправлен в Сибирь.

Богораз прибыл в Среднеколымск в 1890 г. Деятельный молодой ссыльный не отчаялся. Остро чувствуя “социальное задание эпохи”, он с энтузиазмом отдался новому для себя делу — изучению жизни аборигенных народов, в первую очередь чукчей, в короткий срок изучил их язык. В 1895 г. Богоразу было предложено принять участие в знаменитой Сибиряковской экспедиции. За два с половиной года, кочуя по Колымскому краю, он отмерил 12 тысяч верст, близко знакомясь с жизнью чукчей, эвенков, русских старожилов этих мест. Ссылка его продолжалась до 1898 г.

Эти годы оказались решающими для всей последующей научной и литературной деятельности Богораз. Он снова возвращается в эти края уже в составе американской экспедиции Джексона. Во время второго путешествия по Северо-Востоку ученый покрывает 10 тысяч верст, вновь исследуя население края. Огромный материал, поистине уникальный, собранный Богоразом за это время, вылился в многотомное исследование о чукчах, которое он создавал, находясь в Америке. В 1904 г. появляется первый том исследования на английском языке. Этим трудом Богораз сразу завоевывает себе имя в научном сообществе.

Рассказы и очерки Богораз публиковались в периодических изданиях. В 1900 г. появились “Чукотские рассказы”, которые пользовались успехом у читателей. Писатель постоянно обращался к своим чукотским впечатлениям: он писал о политических ссыльных на Колыме (“Колымские рассказы”), создал “палеолитический” роман о жизни народов Севера в прошлом “Восемь племен”, второй “палеолитический” роман “Жертвы дракона”, роман “За океаном” — о жизни русских эмигрантов в Америке.

После революции Богораз принимает активное участие в создании и работе Комитета народов Севера при ВЦИК и Института народов Севера. К крупнейшим литературным созданиям Богораз в советское время относятся роман “Союз молодых” — о ссылке, революции и гражданской войне на Севере, и его последнее произведение — роман “Воскресшее племя”, повествующий о возрождении в советское время юкагиров.

Творчество Богораз — часть “сибирской школы”, которая возникла в конце XIX в. под влиянием произведений Короленко. Поэтому без обращения к его наследию невозможно полно обрисовать особенности художественного воплощения инациональной северной темы в русской литературе.

Как и произведения других писателей-ссыльных, творения Богораз долгое время не привлекали к себе сколько-нибудь серьезного внимания исследователей. Над его произведениями довлело обвинение в “нехудожественности”, малозначительности, излиш-

ней “этнографичности”. Сама приверженность писателя к точному факту считалась предосудительной, заведомо снижавшей художественную ценность его сочинений. Еще в 1965 г. отмечалось, что “о творчестве В.Г. Богораза-Тана до сих пор нет ни одного исследования, о его литературном наследии не написано ни одной обстоятельной статьи”².

С тех пор ситуация с изучением творческого наследия писателя изменилась. О Богоразе пишутся статьи, появились книги Н.Ф. Кулешовой³ и Б.И. Карташева⁴ о его жизни и творчестве. В то же время многие стороны его наследия остаются неисследованными.

В данном случае, как и в якутских рассказах В.Л. Серошевского, мы имеем пример сочетания взгляда ученого и художника, приверженности к фактическому материалу и творческому постижению жизни другого народа.

История литературы складывается не только из творений великих писателей. Огромный пласт в ней принадлежит авторам более скромного дарования, которые смогли тем не менее сказать свое слово. Именно таким тружеником литературы был и В.Г. Тан-Богораз, творчество которого “не принадлежит к вершинным явлениям в русской прозе и поэзии конца XIX — начала XX века, но бесспорно и то, что без пристального внимания ко всем фактам и явлениям литературной жизни, без их изучения нет полной истории литературы”⁵. Тем более невозможно изучение литературных связей без обращения к писателям “второго” ряда, ведь во многом именно их стараниями продвигалась инациональная тема в русской литературе, именно из их произведений читатель получал сведения о жителях далекого края, их обычаях и нравах.

Как в произведениях В.Г. Короленко и В.Л. Серошевского, так и В.Г. Тана-Богораза представлены не только якуты, чукчи, эвенки, но и ссыльные русские старожилы Севера. Ему удалось убедительно показать взаимоотношения разных народов, взаимовлияние их культур, историческое становление этих взаимоотношений. Рассказы писателя ценны как историческое свидетельство жизни народов Севера, прежде всего чукчей, где с предельной достоверностью изображены их быт, нравы, обычаи, культура. Как утверждает Богораз, среда обитания определяет их образ жизни, мировоззрение. Герои произведений изображены как дети природы, воспринимающие ее суровость без ропота, с философским спокойствием.

Мотив жизни и смерти в ледяных просторах проходит через все произведения цикла. Писатель благословляет каждое проявление жизни, подмечает все животворящее, противостоящее смерти. В этом отношении “Чукотские рассказы” Богораза близки северным рассказам Дж. Лондона с их утверждением жизни, борьбы и

отваги и в то же время лишены и намека на пренебрежительное отношение к “отсталым” народам.

Характерен для творческой позиции Богораза в этом отношении рассказ “На мертвом стойбище”. Страшное опустошение принес в тундру дух Заразы, кочуя по огромным пространствам и “собирая с оленных людей человеческие головы в ясак”^{*}. Писатель использует чукотский фольклор, поэтому читатель видит картину эпидемии как бы глазами самих чукчей. Дух Заразы “похищает молодых девушек, чтобы они выколачивали снег из его пологов, он уводит молодых крепких мужчин, чтобы сделать их своими рабами, он подкрадывается ночью, неслышно, как песок, и шатры жителей оставляет на ночлеге пустыми...” (ВП, 393). Дух Заразы добирается до стойбища старого Рультуви и опустошает его. В живых на мертвом стойбище остается только Илинеут, младшая жена Рультуви, “которой было всего восемнадцать лет и которая ходила в последнем месяце беременности” (ВП, 398).

Богораз показывает драматичную борьбу молодой женщины за свою жизнь и жизнь своего ребенка. Илинеут придает оптимизма мысль о младенце, который должен вот-вот родиться. Наконец, “слабый крик возвестил, что на стойбище смерти прибавился новый живой человек” (ВП, 401). Так автор противопоставляет смерти жизнь, страху отвагу, отчаянию надежду. Он показывает негибаемость человека в его стремлении к жизни даже в таких обстоятельствах: Илинеут — бесстрашная женщина, дающая начало новой жизни и побеждающая тем самым смерть. Это придает рассказу символическое значение, поднимающее его над просто описанием ужасов эпидемии оспы. Ощущению символичности событий способствует и привлечение чукотского фольклора, умело вплетенного в ткань повествования.

Утверждение жизни во всех ее проявлениях, свойственное рассказам В.Г. Тана-Богораза, особенно сильно проявляется в этом произведении. Примечательно, что рассказ, начинающийся со зловещего описания опустошения, которое принесла эпидемия, заканчивается свадебным обрядом Илинеут и Кытлепа, единственного, кто уцелел на другом стойбище. Жизнь, по мысли автора, ничто не может остановить, даже дух Заразы.

Своим поведением герои рассказа Илинеут и Кытлеп отрицают смерть. Они спасаются от нее, потому что думают о жизни, отдаются заботам о родившемся ребенке. В этом автор видит причину их неуязвимости: “...две недели новоявленная семья провела среди шатров, наполненных мертвецами, правду сказать, ма-

^{*} *Тан-Богораз В.Г.* Восемь племен. Воскресшее племя. — Иркутск, 1987. — С. 393. В дальнейшем цитаты из этого издания приводятся с указанием сокращенного названия (ВП) и страниц в тексте.

ло обращая на них внимания и занимаясь своей собственной жизнью”(ВП, 406). Рассказ “На мертвом стойбище” насыщен бытовыми, этнографическими подробностями. У Богораза, как и у Серошевского, этнографический материал не является самоцелью, а погружает читателя в реальный мир героев произведений.

Богораз критиковал произведения о народах Севера, написанные без знания этих народов, так же критично относился писатель и к произведениям, в которых замечал отчетливо выраженную “точку зрения” стороннего наблюдателя. Сам он всячески стремился избегать подобного взгляда, о чем говорил: “Мне было чуждо восприятие туземной жизни сквозь призму постороннего наблюдателя. Мои северные люди существуют не для русского читателя, а сами для себя”⁶.

Один из лучших рассказов чукотского цикла — “Кривоногий”. Здесь особенно видны характерные черты творческого метода писателя. В центре повествования — молодой Эуннэкай, которого тяжелый недуг навсегда сделал хромым, и по этой причине он не может быть полноценным оленеводом. Поэтому “участь вьючного животного была его постоянной долей. Все равно он не мог быть помощником при вечной погоне за разбегающимися оленями, и ему приходилось волей-неволей облегчать других пастухов от излишней тяжести и брать ее на себя” (ВП, 407). Эуннэкай не только хром, но еще и очень некрасив: “Глаза его были узки и прорезаны наискось, губы некрасиво оттопырились, низкий лоб, сильно наклоненный назад, переходил в худо сформированный несимметричный череп. Над безобразием Эуннэкая смеялись молодые девушки на всех стойбищах, где когда-либо показывалась его жалкая фигура” (ВП, 408—409).

Внешнее безобразие резко контрастирует с тонкой душой Эуннэкая. Он выделяется среди прочих не только уродством, но и особым поэтическим восприятием окружающего мира. Эуннэкай, каким его показывает писатель, своего рода поэт, хотя он, разумеется, ничего не знает о поэзии. Но красоту северной природы, изменение ее состояний, мифологические воззрения чукчей автор передает через восприятие этого героя.

Эуннэкай со страстью предается собиранию разноцветных камешков, “первобытной эстетической потребности, вроде той, какая присуща некоторым птицам, украшающим подобными редкостями свои временные павильоны для весенних прогулок” (ВП, 410). Он любит цветы, которые будили в его сознании “неопределенное чувство красоты” (ВП, 411).

Такой герой позволяет автору выразительно показать мифологические воззрения чукчей, своеобразное восприятие окружающего мира. Характерно в этом отношении то, чем Эуннэкай объясняет причину своей болезни, считая ее следствием враждебности

духа Кэля. “Кто-нибудь из них, наверно, возненавидел его род, — думает чукча. — Может, еще дед или прадед обидел духа, обошел его жертвой, пренебрег в начале осени окропить закат кровью черного оленя, убитого среди пустыни, или что-нибудь в этом роде, а он выместил злость на Эуннэкае и в минуту его рождения вывернул ему ногу и исковеркал грудь” (ВП, 412). Все свои несчастья Эуннэкай объясняет враждебностью духов: “Враждебный дух опять усыпил его ум, чтобы увести от него оленей и погубить его вконец. Не Тенантумгин, а Кэля создал его, Кэля владел им всю жизнь. Кэля унес его душу в эту туманную ночь...” (ВП, 447).

Авторское повествование, временами плавно перетекающее в речь самого героя, усиливает достоверность размышлений Эуннэкай. Таким образом, читатель получает словно от самого чукчи поэтическое представление о мире его богов и духов, видит окружающий мир глазами Эуннэкай. Богораз стремился в этом рассказе воспроизвести мировоззрение человека родового строя. Эуннэкай — персонаж со своими чертами характера, своей судьбой, и в то же время мир его представлений — мир представлений любого чукчи. Богоразу удалось создать не ходульный персонаж, а выразительный человеческий характер.

Уродство главного героя подчеркивает его брат Каулькай, который своим внешним видом резко отличается от Эуннэкай: “Нельзя было представить себе большей противоположности, чем эта мощная фигура, составлявшая как бы олицетворение силы и здоровья, и жалкая болезненная фигурка, скорчившаяся напротив и опиравшаяся спиной на мягкую котомку...” (ВП, 420).

Противопоставление братьев выражается не только в их внешности, но и в чертах характера. Каулькай смел, удачлив, это настоящий чукотский богатырь. Со временем он встанет на ноги, заведет собственное стадо оленей, в то время как Эуннэкаю всю жизнь предстоит влачить жалкое существование.

Еще один тип характера — тяжеловесный ленивый Кутувия, сын старика Эйгелина, чьи стада пасет Каулькай. Кутувия с детства занимает привилегированное положение. Это во многом и определяет его самомнение, стремление к возможно более удобной жизни.

Описывая скитания трех героев по тундре Тан-Богораз показывает труд и быт оленеводов. Благополучие чукчей зависит от количества и состояния оленьего стада. Этот тяжелый труд лишен всякой “экзотичности”. Ежедневное перемещение на большие расстояния, постоянная тревога за состояние стада, напряжение привели к тому, что оленеводы “сами стали терять рассудок, как их олени, и иногда им положительно трудно было провести границу между природой оленьей и своей собственной. По временам им казалось, что зной, мучительный для оленей, нестерпим и для них

самих, что вместе с оленьими ногами готовы заболеть копытницей и их собственные, измученные безостановочной беготней по камням” (ВП, 437).

Взаимосвязь человека и природы — одна из основных тем произведений Богораза. Чукчи не отделяют себя от окружающего мира, являются, по их собственным представлениям, такими же его детьми, как все живое.

Писатель создал правдивую картину жизни чукотского народа. Рассказ “Кривоногий” подтверждает слова писателя о том, что герои его произведений существуют “сами для себя”. Богораз умело избегает излишних этнографических украшений, подробностей. И в то же время, погружая своих героев в тщательно прорисованное бытовое пространство, писатель добивается достоверности.

Стремление к достоверности проявляется и в речи персонажей. Богораз намеренно лишает ее всего “экзотического”, нарочитого. Между речью персонажей и речью автора нет барьера, который бы приходилось преодолевать читателю. Это вообще характерно для произведений Богораза. Все чукотские слова, вводимые писателем в текст, мотивированы и получают объяснение в контексте или сноске. В то же время Богораз умеет передавать характерные особенности речи того или иного персонажа. Особенно показателен в этом отношении язык русских.

Речь персонажей в рассказах Богораза подчеркивает своеобразие описываемого края. Имена чукотских божеств, слова из чукотского языка, как и говор русских поселенцев, — все это создает своеобразную звуковую картину, тем самым приближая читателя к героям рассказов. Умелое использование речевой характеристики, иноязычных слов — одна из черт писательского мастерства Богораза.

Богораз показывает Северо-Восток России как край многонациональный, в “Чукотских рассказах”, например, действуют не только чукчи, но и русские, якуты, эвены. Писатель показывает внешний облик и образ жизни своих героев, восприятие ими других народов. Герои рассказа “Кривоногий” рассуждают о преимуществах чукотского и ламутского образа жизни. “Славные девки у ламутов! — говорит Кутувия. — На косе уйер, на груди серебро, на шее бусы. А когда ходит, передник так и звенит бубенчиками!.. А наши влезут в меховой мешок и ходят в нем весь век”! (ВП, 425). Совсем по-другому смотрит на это Эуннэкай: “Что хорошего? — думал он. — Одежда вся распорота. Железа столько, что и таскать тяжело. Кругом навешано, в глазах рябит! А у наших одежда гораздо красивее: пыжик черный, гладкий, на коленях пестринка. Шея опушена тройным мехом. Ничего лишнего, гладко, красиво!.. Ламутская девка побежит, за сучок железками заденет, а чукотская скользит между деревьями, как лисица!” (ВП, 426).

В том же рассказе автор показывает эвенское стойбище глазами чукчи: небольшие эвенские шатры из тонкой кожи на шатком переплете жердей — и огромные шатры чукчей на крепких столбах из оленьей шкуры; аккуратность и порядок на эвенском стойбище — и опрокинутые сани, мешки с рухлядью, шкуры и другой скраб, разбросанный на чукотском. Обстановка эвенского стойбища “носила характер воздушности, какого-то птичьего хозяйства, которое можно каждую данную минуту подхватить чуть ли не подмышку и унести без всяких хлопот, поднять с земли, перекинуть через оленью спину и поскакать куда глаза глядят, оставив на случайном месте ночлега только кучу пепла от остывшего костра” (ВП, 451).

Не обошел Богораз вниманием и напряженные отношения, существовавшие между двумя племенами. Эуннэкая, пришедшего на стойбище, эвены встречают неласково, ибо знают, что “ламуты обвиняли ...в присвоении оленей, убежавших из чукотских стад, даже прямо в краже”(ВП, 451). Хозяин стойбища к тому же “ненавидел чукоч от всей души, но, как и все ламуты, боялся этих пришельцев, дерзко занимавших лучшие пастбища исконной ламутской земли” (ВП, 453).

Богораз затрагивал самые сложные стороны межнациональных отношений и в этом, несомненно, явился продолжателем Короленко. Писатель замечает конфликты, возникавшие между разными народами, но, как и автор “Марусиной заимки”, сам не выбирает правую или неправую сторону. Он показывает, что в тундре существует не только вражда, но и взаимовыручка, умение приспособиться друг к другу, ибо без этого невозможно выжить на Севере.

Замечательно, что Богораз оставил произведения не только о чукчах, но и о русских, живших в этом краю. Показательны в данном случае два рассказа — “Казаки у Полярного круга” и “Царь-медведь”. Оба они освещают жизнь русских поселенцев и интересны прежде всего с фактографической стороны.

Главные герои рассказа “Казаки у Полярного круга” — казаки, которые несколько поколений живут на дальней оконечности империи, выработав свой особый образ жизни. Они переняли многое от туземных народов, восприняли от них элементы материальной и духовной культуры. Казаки “вместо того чтобы учить других, сами стали учиться у соседей... Теперь они были не хуже исконных туземцев: рыболовы и стрелки, жили соболем, медведем и кетой, — впрочем, коров сохранили: ставили по-прежнему стога”^{*}. Они переняли и многие верования местного населения.

^{*}Тан-Богораз В.Г. Северные рассказы. — М., 1958. — С. 47. В дальнейшем цитаты из этого издания приводятся с указанием сокращенного названия (СР) и страницы в тексте.

Большое место в рассказе уделено отношениям между русскими казаками и чукчами. Совместная жизнь не могла не сказаться на обоих народах, во многом сблизив их и сделав понятнее друг другу. Характерен эпизод, в котором рассказывается о добровольном уходе из жизни Камыкая, патриарха и основателя чукотского поселка. Камыкай — настоящий чукча, вовремя почувствовавший приближение дряхлости и не желающий обременять сородичей. «Добровольная смерть, по чукотским воззрениям, — пишет автор, — считается последней битвой человеческой жизни, ибо каждый мужчина и каждая женщина живет и умирает бойцом» (СР, 68). Сами чукчи не находят в себе силы убить старика и выбор их падает на русского Фомичева. Но и Фомичев, за плату вначале охотно согласившийся исполнить просьбу чукчей, в последний момент отступает. Он знает и сам разделяет чукотское поверье, согласно которому удержанный в последнюю минуту смертельный удар влечет смерть от рассерженных духов для самого убийцы-неудачника. В рассказе «На реке Росомашей» русские также безусловно верят в способность чукотских духов приносить беду.

Влияние аборигенной культуры на местных русских показано в рассказе «Царь-медведь». Герой рассказа встречается на реке медведя.

«Старик, — с тревогой подумал Вася Разгульный, — дедушка... Казанцев боялся назвать его звериным именем даже мысленно, ибо медведь считается на Севере «знатливцем», способным читать мысли человека» (СР, 97). Как тут не вспомнить рассказы В.Л. Серошевского, в которых якуты, а вместе с ними и ссыльные испытывают такой же мистический страх перед «хозяином тайги». Богораз дает объяснение такому отношению казака к медведю: «русские переняли от инородцев это суеверное почтение к медведю и боятся ставить на него деревянные ловушки «кулемы»: дедушка узнает наперед и отомстит охотнику» (СР, 98).

Все это убеждает в том, что народы Севера не жили обособленно друг от друга. Они перенимали опыт выживания в экстремальных условиях, что способствовало сближению их материальной и духовной культуры. Рассказы «Царь-медведь» и «Казаки у Полярного круга» интересны тем, что в них писатель изобразил русских старожилов Севера. Произведения дают реальное описание быта, уклада жизни, обычаев русских и их отношений с другими народами. Рассказ «Казаки у Полярного круга» повествует о жизни потомков русских землепроходцев, создавших свою особую культуру, сохранивших нетронутым старинный уклад жизни. «Казачьи команды Северо-Восточной Сибири, — пишет автор, — представляют любопытный обломок городских казаков старинной Московской Руси» (СР, 54). Богораз подробно описывает их службу:

«...с восемнадцати и до пятидесяти лет они несут разнообразную службу: стерегут магазины с мукой, солью и порохом, ездят с почтой и в “нарочных” за тысячи верст, возят ссыльных один на один, отбывают наряды на дальних крепостях и на постах, заброшенных в пустыне, как опорные пункты российского управления» (СР, 54). Жизнь в экстремальных условиях воспитывает в людях особый характер, поэтому герои “русских” рассказов Богораза — особый тип. В то же время необходимо признать, что Богоразу не удалось создать глубоких человеческих характеров. Все действующие лица представляют скорее обобщенный тип человека, встреченного им в этих краях. Даже главный герой рассказа “Казаки у Полярного круга” Анисим Трегубов служит только для соединения эпизодов, характер его не развивается. Это же можно сказать о главном герое рассказа “Царь-медведь” Василии Казанцеве.

Данные произведения Богораза не строятся на конфликте между коренными жителями и русскими, как “Хайлак” и “В сетях” Серошевского. Основное их достоинство в точной передаче деталей быта, в изображении жизни и особенностей русских старожилов Севера. Учитывая все это, можно утверждать, что рассказы “Казаки у Полярного круга” и “Царь-медведь” чрезвычайно характерны для творческого метода Богораза. Изучение их наряду с “Чукотскими рассказами” убеждает, что писатель затрагивал широкий круг вопросов, что чукотская тема его творчества — не только изображение жизни чукчей. Он показал Чукотку как край, где проживают разные народы со всеми присущими им неповторимыми чертами в их повседневной деятельности, взаимоотношениях. В этом рассказы В.Г. Тана-Богораза могут быть поставлены в один ряд с произведениями В.Г. Короленко и В.Л. Серошевского.

При изображении жителей Северо-Востока России Богораз опирается и на фольклор, который позволяет воссоздать исторические события. В рассказе “У Григорьихи” старик Йэкак рассказывает предание о войне русских с чукчами, фольклорный текст органично включен автором в произведение. Местные жители, как показывает писатель, не забыли этой войны. Однако было бы неправильным указать только на эту сторону взаимоотношений русских и чукчей. Что бы ни было в прошлом, как показывает Богораз, со временем и русские, и чукчи, и другие северные народы научились жить вместе, ладить друг с другом. Замечательный тому пример мы находим в рассказе “Казаки у Полярного круга”. В минуту грозной опасности (события в рассказе происходят во время русско-японской войны) все народы тундры объединяются против общего противника. Один из “вольных” чукчей, Коплянто, при известии о войне с Японией говорит Анисиму Трегубову: “...земля эта — наша земля. И мы, которые живем на берегу, все равно бра-

тъя — русские, чукчи” (СР, 79). Анисим и Коплянто совершают обряд символического братания. Коплянто подробно объясняет то или иное свое действие: “...если помазаться заячьей кровью, то братство наше будет, как заячий бег” (СР, 80). “Если помазаться собачьей кровью... то братство наше будет, как собачья грызня” (СР, 81). И, решая побрататься кровью горностая, Коплянто говорит: “Вот этим помажемся... и будет наше братство ловчее и злее горностая...” (СР, 81).

Весьма показателен конец рассказа: русские казаки и чукчи оказываются примиренными со своими врагами. И мирит их природа: внезапно налетевшая пурга делает бессмысленными враждебные действия и заставляет людей ближе жаться друг к другу. Такой конец рассказа выражает отношение самого автора. Писатель подчеркивает, что перед лицом суровой природы меркнут все суетные человеческие стремления. Таким образом, это произведение Богораза можно воспринимать как призыв автора к взаимопониманию и взаимоуважению, к подлинному братству. Этой же цели служат все его рассказы, показывающие чукчей как достойных представителей человеческого рода, ничуть не уступающих цивилизованным европейцам. Наряду с произведениями других писателей-ссылных рассказы Богораза разрушали представление о чукчах и других народах Севера как о диких и темных племенах. Писатель показал, что им присуще все, чем может гордиться любой человек, и даже во многих отношениях они проявляют больше человечности, естественности, прямоты. Богоразу удалось передать черты духовной культуры чукотского народа, черты его национального характера, специфическое восприятие мира.

У читателя складывается обобщенный образ чукотского народа — смелого, выносливого, гордого, свободолюбивого и в то же время во многом наивного, доверчивого, способного на верную и преданную дружбу. Характерны определения, которыми автор наделяет чукчей, для него они “бойцы”, “витязи”, всю жизнь проводящие в борьбе. Вместе они представляют грозную силу: “Свободные витязи с тундры собирались идти на подмогу к русским двоюродным братьям, защищать от коварных японцев родные берега” (СР, 92).

Сильный, гордый характер чукотского народа признают все окружающие. Он проявился прежде всего во время войны русских с чукчами, когда освоение открытых земель сопровождалось порой жестокостью по отношению к живущим там народам. Исторические предания и легенды, обильно включенные автором в текст рассказов, показывают мужество и непримиримость чукчей в борьбе за свободу. Во время “худых годов” “чукчи, взятые в плен, разбивали себе головы о камни” (СР, 74), не желая попадать в неволю и предпочитая смерть. Пожалуй, нигде так ярко не проявля-

ется обличительная сила рассказов Богораза, как на страницах, посвященных кровавым событиям недавней еще истории. Чукчи не испытывают при этом ненависти ко всем русским. Старик Йэкак рассказывает, что двое русских, «бедных работников, оставили в живых самых бедных, всеми обижаемых, которых всю жизнь плохо кормили, тех оставили живыми. Сказали им: “Будьте смотрящими на то, что мы сделали с начальником, и, уехав, расскажите своим, чтобы прекратилось худое убивание наших людей» (ВП, 468).

В результате “упорнейших войн” чукчи отстояли свою независимость и не платили ясака. Чукчи жили “вроде немирных черкесов, свободных от платежей, подвластные собственным обычаям на собственной земле” (СР, 75). Богораз изобразил Колыму и Чукотку такими, какими увидел их в конце XIX в. Отстоявшие свою свободу чукчи вызывают у автора несомненное уважение, которое передается и читателю. Персонажей писатель показывает и своими глазами, и глазами их соседей — русских, эвенков, приводит и взгляд чукчей на самих себя. Такое пересечение различных точек зрения помогает автору создать достоверный облик народа, избежать субъективности. На эту особенность рассказов Богораза обратила внимание Н.Ф. Кулешова: “...особенностью писательской манеры... (В.Г. Тана-Богораза. — *И.Е.*) является строгая объективность в подходе к предмету изображения, стремление избежать готовых оценок и выводов, к которым, по его убеждению, читатель должен прийти сам”⁷. На это указывал и сам писатель, когда говорил, что в своих рассказах он не рассматривал чукчей глазами европейца. Отмеченная множественность взглядов является средством, при помощи которого автор избегает исключительно “европейской” точки зрения. В этом проявилось такое качество Богораза, как способность “оставаться одновременно и пытливым этнографом, и умелым художником даже в тех случаях, когда обращается к материалу, далекому от эстетического и этического идеала”⁸. Соединение двух начал — научного и художественного роднит творчество В.Г. Тана-Богораза с творчеством В.Л. Серошевского.

В то же время у рассказов В.Г. Тана-Богораза есть сходство с сибирскими произведениями В.Г. Короленко. Это касается прежде всего жанровых особенностей. Как в рассказах Короленко, так и Богораза сильно проявляются признаки очерка. Если “Кривоногий”, “На мертвом стойбище”, “Царь-медведь”, “Казаки у Полярного круга” представляют собой образцы этнографического художественного рассказа, то “У Григорьихи”, “На реке Росомашей” ближе именно к очерку. Н.Ф. Кулешова даже называет их “очерковыми рассказами”, считая, что “их нельзя отнести к жанру очерка в полной мере, и в то же время эти вещи безоговорочно не

назовешь рассказами”⁹. И это действительно так. Пожалуй, именно в этих произведениях наиболее отчетливо выражен авторский взгляд, автор является одним из основных действующих лиц. Здесь писатель имеет дело с реальностью, разворачивающейся перед его глазами. Рассказ “У Григорьихи” описывает посещение автором стойбища Аканги. В нем, как и в рассказе “На реке Росомашей”, появляется мотив пути, преодоления пространства. В этом Богораз — типичный представитель “сибирской школы”, где “часто организуящим моментом выступает поездка, командировка, дорожная оказия... Это сообщает рассказу необходимый элемент достоверности, что усиленно выдвигается на первый план самим автором”¹⁰.

Попав на стойбище Аканги, автор встречает множество лиц, что предоставляет ему возможность дать интересные описания жизни и быта, сделать меткие зарисовки, характеризующие местных жителей. Так, например, поначалу чукчи не очень гостеприимно встречают путешественников, так как боятся духа Заразы, который вновь появился в тундре. Это вызывает у путников непонимание, которое автор объясняет так: “Особенное раздражение проявляли два русских ямщика. Для колымского русского жителя гостеприимство является неременной обязанностью, для исполнения которой он готов пожертвовать последним куском, оторвав его от собственного рта, и поведение чукоч казалось им чуть не святотатством” (ВП, 460). В то же время чукотские спутники автора вели себя сдержаннее, ибо “мотивы чукотской осторожности перед злыми духами были им ближе и понятнее, чем русским” (ВП, 460). От прибывших требуют совершить обряд: потереться о маленького щенка. “Щенок в данном случае, — пишет Богораз, — являлся заместителем ребенка и, смотря по обстоятельствам, должен был или испугать Духа болезни, или явиться для него умиловительной жертвой” (ВП, 461).

Такие подробности придают рассказу достоверность, знакомят с обычаями чукотского народа. Характерные черты очерка, стремление к запечатлению разворачивающейся действительности заметны и в том, как показаны жители стойбища. Сама хозяйка стойбища Григорьиха “сидела впереди всех. Это была крепкая, костлявая баба лет пятидесяти, с безобразным скуластым лицом и мрачным взглядом. Вдобавок к природному безобразию, лицо ее было испещрено широкими черными знаками, намалеванными графитом и составлявшими предохранительное средство против покушений новопришедшего духа. На лицах ее обеих дочерей, сидевших поближе к выходу, красовались те же знаки” (ВП, 462). Оба произведения — “У Григорьихи” и “На реке Росомашей” лишены сюжета в собственном смысле слова. События объединяются авторским взглядом. Рассказ “На реке Росомашей” описывает

весенний праздник в тундре, на который съезжаются представители разных народов. Живописные зарисовки раскинувшихся в тундре стойбищ, выразительные персонажи, описания чукотских обычаев — все это делает рассказ интересным и для современного читателя. Богораз подробно передает все условия и правила проведения соревнований, отмечает присущий им спортивный азарт.

Как всегда у Богоразы, здесь созданы запоминающиеся образы: это и Ятиргин, и Акомлюка, и Раутына, и Амрилькут. Но самый большой интерес вызывает Тылювия — “иркаляуль”, т.е. женщина, “принявший на себя роль женщины и исполнявший ее вполне добросовестно, до самых последних подробностей жизни” (ВП, 485). Автор дает своего рода научно-популярное описание этого явления. То, как изображает Богораз Тылювию, чрезвычайно характерно для творческой манеры писателя, строящейся на пересечении двух тенденций — научной этнографической и художественной. Образ Тылювии постепенно оборачивается то одной, то другой стороной. Поначалу это только портрет персонажа: “Тылювия была высокого роста — по крайней мере метр и три четверти и такими широкими плечами, которые сделали бы честь любому гренадеру. Ее огромные руки с узловатыми пальцами, которыми она перебирала тонкие завязки полога, скорее годились бы для топора или копья. Осанка и походка ее были совершенно мужскими... Но всего необыкновеннее было лицо Тылювии... это действительно лицо преображенного существа, внезапно изменившего суть своей природы” (ВП, 486). Автор отмечает и ее человеческие черты — любовь к детям, гордость за свое шаманское искусство. Сцена камлания Тылювии, несомненно, одна из центральных в рассказе, объясняющая превращение героини: это своего рода плата за шаманский талант.

Таким же образом нарисованы Богоразом и другие герои рассказа. От внешнего облика, особенностей поведения писатель переходит к изображению тех или иных черт характера. В последнем он определенно уступает Короленко. Это объясняется не только разной степенью их одаренности. Богораз следует принципу, выраженному им в отношении образа Сарли в романе А.А. Фадеева “Последний из Удэге”. Богораз критикует известного писателя, отмечая: “В психологии первобытного героя нужно было выделить элемент коллективный, элемент массовый”¹¹. Эти слова можно считать выражением кредо писателя. Без учета того, что в Богоразе счастливо соединились писатель и ученый, трудно было бы понять и объяснить появление таких героев, как Тылювия, Эуннэкай и др. Его “сверхзадача” — изобразить психологию первобытного героя, создать коллективный образ народа. Поэтому при всем несомненном разнообразии человеческих типов, представленных в его рассказах, они так или иначе помогают ему показать “эле-

мент коллективный, элемент массовый”. С наибольшей последовательностью это проявлено в образе Эуннэкая, строй мыслей которого буквально пронизан чукотской мифологией.

Иногда писатель лишь бегло обрисовывает тот или иной персонаж. Например, Етынькэу, “приземистый человек средних лет, с мрачным лицом и широким шрамом поперек лба” (ВП, 484), или Ятиргин, “молодой чукча, довольно тщедушного вида, с ординарным лицом, одетый в короткую пеструю рубашку, со свитком аркана, наброшенным на шею...” (ВП, 487), Кутувия, брат Ятиргина, “неуклюжий мальчик лет шестнадцати с круглым лицом, черным как голенище, и такими оттопыренными губами, как будто он постоянно собирался свистнуть” (ВП, 493). Примеров подобного рода можно привести множество.

Произведения Богораза отнюдь не монологичны, велика в них роль диалога, особенно в “очерковых рассказах”. Необходимо заметить, что Богораз умеет так построить диалог, что у читателя создается полное ощущение реальности происходящего; речь персонажей льется свободно, а применяемая иногда имитация строя чукотского языка и восклицания (“Ух”, “Го-го”, “Гычь! Гычь!”, “Ко!” и т. п.) придают ей достоверность и своеобразие.

Наблюдательность и безусловная симпатия к чукчам позволили писателю избежать схематизма, приблизительности, неточности. Даже мельком обрисованные персонажи имеют нечто запоминающееся, яркое, что выделяет их из общей массы. Такова, например, Каляя из рассказа “На реке Росомашьей”: “маленькая, тощая, с корявым, но веселым лицом и юркими движениями” (ВП, 488), она вызывает сочувствие оттого, что жизнь ее с мужем сложилась несчастливо. Говоря о своих отношениях с ним, Каляя заметно грустнеет и со свойственной героям рассказов простотой говорит: “Муж не хочет меня, он любит только Карыну!” (ВП, 488). Всего несколько раз, эпизодически, появляется затем Каляя в рассказе, но каждое ее появление отмечено автором: “Каляя бойко отшучивалась, приводя в порядок упряжь своих бегунов. Быть может, она хотела своею удалью отвоевать у счастливой соперницы любовь своего мужа”(ВП, 501). “К великому утешению всех зрителей, Каляя вернулась в числе самых первых и, подлетев к стойбищу, бойко соскочила с нарты, круто осадив оленей. Ее некрасивое лицо разгорелось от холода и движения и как будто преобразилось: она казалась теперь моложе и свежее, ее юркая фигура в одежде из растрепанного рыжего меха замелькала по стойбищу” (ВП, 504—505). Примеры подобного рода убеждают, что и в персонаж “второго плана” Богораз умеет вдохнуть жизнь.

В известном смысле подход В.Г. Тана-Богораза к персонажу можно сравнить с тем, как изображает героев сибирских рассказов В.Г. Короленко. Оба писателя придерживаются гуманистических

взглядов, подчеркивают в инациональном герое общечеловеческие черты. Характерно, что и Короленко, и Богораз обратились в своих сибирских произведениях к традиционному для русской литературы образу “маленького человека”. У Короленко это бедный Макар, рассказ о котором и положил начало появлению “школы сибирских писателей”. Эта традиция продолжена Богоразом: один из его героев — Эуннэкай — несет в себе черты “маленького человека” во всех тяготах и горестях его жизни. Разумеется, произведение Богораза весьма отличается от рассказа Короленко. Прежде всего, в нем не выражен тот социальный пафос, который характерен для “Сна Макара” и вообще типичен для данной темы. Социальное замещается этнографическим, но общая тональность повествования, сочувственная и вызывающая сопереживание, сохраняется. И в этом отношении Богораз — ученик Короленко, о чем сам автор “Чукотских рассказов” неоднократно говорил. Появление таких произведений, как “Сон Макара” и “Кривоногий”, невозможно объяснить, не указав на питавший обоих писателей источник. Продолжение гуманистической традиции русской литературы — характерная особенность произведений Богораза. Гуманистические принципы его не избирательны, поэтому герои “Чукотских рассказов” не менее дороги автору, чем потомки русских казаков из рассказов “Казаки у Полярного круга” и “Царь-медведь”. Гуманистический принцип, исповедуемый автором, объединяет их, как объединила в свое время суровая северная природа.

В рассказах “На реке Росомашьей” и “У Григорьихи” автор, по сути, поставлен в положение одного из героев, он не возвышается над другими действующими лицами, не подавляет их. Другие персонажи не стеснены, они свободно самовыражаются, действуя в привычной им среде. Только такой позицией можно объяснить максимальную верность факту, изображение “с натуры”, что характерно для его рассказов. Мастерство писателя проявляется в описании весенних игр в рассказе “На реке Росомашьей”, где использованы все богатые возможности, которые ему как писателю предоставляло это яркое действо.

Богоразом отмечены чувство юмора и любовь к детям, в высшей степени присущие чукчам. Они быстро схватывают комизм той или иной ситуации, остры на язык. Разумеется, этот юмор окрашен местным колоритом. Так, Каляя, которая состязается с мужчинами в гонке на оленях, приветствуют возгласами: “Важенка! Хочет гнаться за быками!” (ВП, 501). Калоуна, приехавшего одним из последних, с отставшими оленями, чукчи также встречают насмешками: “О-о! — смеялись чукчи, глядя на этот поезд. — Предводитель кочевья едет! Друг, где твой кочевой караван?

Кочевой караван обычно движется шагом.

— Близко! — отшучивался Калюун. — Да и стадо тут же. Что, мох найдется? Ваши копыта весь мох вытоптали!..” (ВП, 505).

Вообще все сцены праздника окрашены веселым, приподнятым чувством. Эти эпизоды приоткрывают еще одну сторону чукотского характера, показывая, что и среди льдов люди не зачерствели сердцем. Описанный Богоразом праздник углубляет наше представление о чукчах, делая его более разносторонним и многогранным. Это одна из важных особенностей “Чукотских рассказов” — стремление писателя взглянуть на жизнь народа с разных сторон, изобразить то, что близко и дорого самим чукчам.

Рисуя страшную картину опустошения в рассказе “На мертвом стойбище”, писатель видит причину их негибамости и в том, что “забота о маленьких детях вошла в плоть и кровь жителей тундры” (ВП, 398). В рассказе “На реке Росомашей” в сцене праздника детям уделяется особое внимание. Характерно, что именно в этих, самых радостных, светлых эпизодах дети выступают на первый план, вызывают всеобщую радость. Интересно, к примеру, реакция взрослых на упряжку с детьми, которые стараются догнать старших участников гонки: “Гото, гото, гото, гото, — присвистывал Амрилькут. — Вот самые быстрые едут! Самые лучшие сзаци!

Несколько самых почтенных стариков и старух в порыве неудержимого восторга бросились к нарте и расхватили ребятишек.

Любовь к маленьким детям составляет самую светлую черту чукотской жизни и часто выражается такими бурными порывами” (ВП, 501).

Сцены праздника в рассказе — это именно сцены, представления, живописно разворачивающиеся перед читателем. Писатель стремится придать им как можно больше визуальных и слуховых оттенков. Каждое состязание имеет внутреннее напряжение, кульминацию и развязку. Этот праздник Богораз запечатлел как представление со всеми его атрибутами, включая пение и танцы.

“Очерковые рассказы” написаны им от лица путешественника, перемещающегося от стойбища к стойбищу, от семьи к семье. Чукотский образ жизни, когда весь быт сосредоточен на небольшом участке земли, вокруг которого концентрируется деятельность стойбища, умело показан автором.

Творчество В.Г. Тана-Богораза укладывается в рамки школы сибирских писателей. Подвигнутый произведениями В.Г. Короленко, В. Г. Тан-Богораз продолжил традиции русской литературы на инонациональном материале. Это проявилось прежде всего в гуманизме писателя, уважении к традициям, культуре, образу жизни другого народа. Реализм — общая черта, объединяющая творчество Богораза с творчеством Короленко и Серошевского. Как и у знаменитого предшественника, у Богораза нет уже народниче-

ских иллюзий, он также избавился от идеалистического взгляда на народ, не старается во что бы то ни стало разглядеть в своих героях особую, неведомую другим “правду” и “мудрость”. Ссылка и общение с реальным, а не воображаемым народом сыграли решающую роль в том, что убежденный народник в своих литературных произведениях далек от народнических принципов.

В то же время Богораз видел свою задачу в изучении народа, и для него было совершенно естественно желание стать к нему ближе. Без учета этого факта нельзя правильно объяснить целый ряд черт творчества писателя. Народнический императив — изучать и познавать народную жизнь — получил выражение прежде всего в научной деятельности Богораз, выдвинув его со временем в ряд выдающихся этнографов. Таким образом, уважение к народу лежит в основе его произведений, но народнический принцип не нашел своего полного выражения в рассказах писателя. Интересно, что некоторым рассказам Богораз, как и произведениям Короленко и Серошевского, свойственны не только реалистические, но и романтические черты. Это признавал и сам писатель, говоря: “Однако при всем реализме, я все же не избег романтики, ибо главным героем моих построений является личность, которая борется с массой и противопоставляет ей себя”¹². Такие произведения писателя, как “На мертвом стойбище”, “Кривоногий”, “Царь-медведь” и другие, освещены романтическим чувством. Не будет преувеличением утверждение, что автор воспекает как героическое начало своих персонажей в рассказах “Казачи у Полярного круга” или “На мертвом стойбище”, так и героический характер самого северного народа. В повести “На каменном мысу” Богораз так характеризует чукчей: “Это были охотники, нападавшие с копьем в руках на огромного белого медведя; мореплаватели, на утлых кожаных лодках дерзавшие лавировать на негостеприимном просторе полярного океана, люди, для которых холод был стихией, океан — нивой, а ледяная равнина — поприщем жизни, вечные борцы с природой, тело которых было закалено, как сталь, и мышцы не уступали неумолимостью ни одному из диких зверей, пробегавших среди пустыни, — воины, привыкшие считать естественную смерть постыдной и бессильную старость наказанием судьбы, которое следует сократить добрым ударом ножа или копья”¹³.

В.Г. Короленко стремился сочетать романтическую и реалистическую тенденции в своем творчестве. “Открыть значение личности на почве значения массы — вот задача нового искусства”¹⁴, — говорил автор “Сна Макара”. Не избег романтизма в своих якутских произведениях и В.Л. Серошевский. И если его “Хайлак” и “В сетях” исполнены реализма в описании жизни ссыль-

ных, то в “Осени” и особенно в рассказе “В жертву богам” коренные народы Севера наделены яркими романтическими красками.

Н.П. Канаев заметил, что “не во всем и не всегда выдерживал Тан реалистическую манеру повествования. В некоторых его произведениях встречаются явные натуралистические описания”¹⁵. Такое же замечание было высказано Канаевым в адрес “Якутских рассказов” В.Л. Сорошевского. Вряд ли можно согласиться с этим мнением. При изучении произведений Богораза и Сорошевского всегда необходимо учитывать, что мы имеем дело с литературой особого рода, имеющей такие черты, которые мы едва ли найдем в “традиционной” прозе. Тогда и то небольшое, что воспринималось как “натурализм”, получит свое объяснение не пресловутой ограниченностью мировоззрения или небрежностью письма (в чем меньше всего можно упрекнуть Богораза). Проза его, как заметил исследователь творчества писателя, “насквозь этнографична, если понимать это слово в смысле народознания, то есть изображения быта и нравов данного народа”¹⁶. А так как собственно этнографическое вводится в художественную ткань произведения на равных правах с другим материалом, то порой это производило впечатление чего-то натуралистического, лишнего, хотя составляет самую суть прозы писателя. В.Г. Тан-Богораз “прочно числится в ряду тех русских писателей, чье творческое своеобразие раскрывается в общении с другими народами”¹⁷.

Имея ряд общих черт с произведениями Короленко и Сорошевского, рассказы Тана-Богораза в то же время заметно отличаются от них. При всем уважении к создателю “Сна Макара” Тан-Богораз не всегда разделял его творческие принципы. Богораз выработал свой собственный стиль. Это проявляется, например, в роли пейзажа в произведениях писателя. У Короленко пейзаж играет большую символическую роль. У Тана-Богораза он не наделен такой обобщающей силой, более конкретен. Он также не занимает такого большого места, как у Сорошевского, который умел при помощи описания природы показать состояние человека. В то же время пейзаж у Богораза всегда выразителен, хотя и более нейтрален, чем у Короленко и Сорошевского, но тоже играет не последнюю роль в создании особого северного колорита, помогает писателю показать глубинную связь человека с окружающей природой.

В.Г. Тана-Богораз явился достойным продолжателем В.Г. Короленко, и его рассказы принадлежат к лучшим образцам прозы “сибирской школы писателей”. В своих произведениях писатель опирается прежде всего на опыт русской литературы, ее гуманистические традиции. Рассказы о жителях Севера пронизаны сочувствием автора к местному населению, искренним к нему инте-

ресом, восхищением его отвагой и мужеством. Столкнувшись в ссылке с совершенно незнакомой культурой, Богораз оставил не только ее научное описание, но и познакомил тысячи читателей с неизвестными им доселе народами. Написанные ссыльным революционером рассказы несут в себе и явный обличительный заряд. Писатель разоблачает губительную политику правительства в отношении чукчей, показывая, как жестоко велась война за их “покорение”. Тем более выигрышно смотрятся сами чукчи, в жестокой борьбе сумевшие отстоять свою свободу, традиционный уклад жизни.

Творчество В.Г. Тана-Богораз оказал огромное влияние на первых писателей из северных народов. После Октябрьской революции эти народы впервые получили возможность приобщиться к достижениям мировой культуры, получить образование в Москве и Ленинграде. В.Г. Тан-Богораз, работавший в Институте народов Севера, активно участвовал в исследовательской работе, в экономическом и культурном просвещении народов Крайнего Севера. Многие представители этих народов получили образование в Ленинграде, и именно они стали первыми национальными литераторами, которым удалось показать свой народ “изнутри”.

Особое место среди зачинателей литератур народов Севера принадлежит Тэки Одулоку — Николаю Ивановичу Спиридонову (1908—1938). Тэки Одулок во многих отношениях был первым — первым кандидатом наук, первым членом Союза писателей из представителей народов Крайнего Севера, создателем первого произведения, “которое по своим идейно-эстетическим качествам не потеряло своего значения и сегодня, стало одним из определяющих, этапных в становлении северных литератур вообще как художественной летописи истории своих народов”¹⁸.

Тэки Одулок был юкагиром, родился в бедной семье. Уже в детстве был отдан “в люди” — работал в Среднеколымске. Там же он получил первые начала грамоты в местной церковно-приходской школе. Одним из первых Тэки Одулок вступил в комсомол и закончил в Якутске советско-партийную школу. Способного юношу направили в Ленинград на учебу.

В городе на Неве судьба свела его с В.Г. Богоразом. Именно он рекомендовал молодого выпускника этнографического отделения Ленинградского университета в аспирантуру Института народов Севера. Тэки Одулок получил степень кандидата экономических наук. В это время он создает свои литературные произведения — повесть “Жизнь Имтеургина-старшего”, этнографические очерки “На Крайнем Севере”. Повесть, вышедшая в 1935 г., получила одобрение А.М. Горького, была с интересом встречена читателями, принесла автору широкую известность.

Жизнь Н.И. Спиридонова (Тэки Одулока) оборвалась в 1938 г.

В последнее время интерес к жизни и деятельности Тэки Одулока заметно возрос. Его произведения издаются в нашей стране, известны за рубежом. О творчестве Тэки Одулока писали Г.И. Курилов¹⁹, Л.К. Чуковская²⁰, И.И. Николаева²¹, Д.Н. Семенов²², О.Н. Спиридонова²³.

Повесть Тэки Одулока “Жизнь Имтеургина-старшего” — образец произведений зачинателей литературы народов Крайнего Севера. Наряду с повестями удэгейца Джанси Кимонко “Там, где бежит Сукпай” и эвена Николая Тарабукина “Моя жизнь” она оказалась заметной вехой на пути становления этой литературы. Произведение Тэки Одулока отличает доскональное знание народа, его образа жизни, быта, фольклора, что позволило автору раскрыть лучшие стороны своего дарования, кроме того, повесть интересна еще и тем, что юкагир Тэки Одулок описывает в ней чукчей — излюбленных героев В.Г. Тана-Богораза.

По замыслу писателя книга должна была состоять из нескольких частей. Первая — собственно “Жизнь Имтеургина-старшего” — повествует “о жизни тундренных людей — чукоч Колымского округа — лет за пятнадцать — двадцать до революции”²⁴. Во второй части автор описывал жизнь Имтеургина-младшего у “собачьих людей” — русских поречан, в третьей Тэки Одулок должен был обратиться к жизни героя у “конных людей” — якутов.

Сохранилась только первая часть, рассказывающая о жизни чукчей. И все же очевидно, что Тэки Одулок намеревался показать Север как край многонациональный, его герой должен был увидеть разные народы, его населяющие.

Повесть “Жизнь Имтеургина-старшего” подкупает обстоятельным описанием повседневной жизни героев, глубоким знанием обычаев и традиций, фольклора народа. В центре повести — семья Имтеургина, кочующая с оленями по бескрайней тундре. Как и В.Г. Тан-Богораз, Тэки Одулок подробно показывает панораму чукотской жизни. Произведение Тэки Одулока — именно повесть, неторопливо текущая действительность без особых драматических коллизий. В этом отношении сочинение Тэки Одулока ближе к “очерковым рассказам” Тана-Богораза “У Григорьихи”, “На реке Росомашей”, также лишенным занимательного сюжета в отличие от повести “На каменном мысу” и рассказа “На мертвом стойбище”. Жизнь чукотской семьи показана автором в повседневных бытовых и охотничьих заботах, встречах с богачами, с представителями русской администрации. Тэки Одулок описывает неприхотливый быт героев, который непритязателен и безыскусен, пронизан традициями. При этом показ чукотских представлений, обрядов и обычаев полностью лишен намека на особую “экзотичность”.

Особый слой повести составляют мифологические воззрения чукчей, которым Одулок уделяет не меньшее внимание, чем автор

“Чукотских рассказов”. Показателен эпизод, в котором Имтеургин-старший “кормит” духа Ваыргана:

“ – Ваырган-дух мясо дал. Жирное. Поешь, Ваырган-дух! — Отец положил в свечильню кусочек мозга. Потом из-за ворота рубахи достал ольховый сучок, раздвоенный с одного конца. Это и был Ваырган.

У Ваыргана было две ноги, как у человека, а рук и головы не было.

— Жена, покорми его!

Ваыргана помазали сверху жиром, потом кровью и подержали над огнем. Потом Имтеургин обвязал его ремешком и опустил обратно к себе за ворот. Сказал:

— Спи. У меня на брюхе тепло теперь”²⁵.

Насыщенность этнографическим материалом заметна во всей повести. Почти каждое важное событие объясняется героями как результат действия божеств. Характерен эпизод, в котором Имтеургин пытается “отрезать ветер” — утихомирить метель, призывая на помощь последовательно ворона, волка, медведя. Так Одулок описывает действия Имтеургина против злых духов: “Он вытащил из-за пояса длинный нож, поднял его над головой и закричал еще громче:

— Убью! Забодая! Волка заколю, обезножье зарезу, чесотке брюхо распорю! Вот! Лучше уходите, моих оленей не трогайте!

Потом сказал тихо, про себя:

— Теперь я всех духов прогнал”²⁶.

Имтеургин надеется на помощь доброжелательно настроенных духов: “Когда последний огонь потух, на небо возвратилась луна. Она осветила рога и копыта оленей.

— Хорошо, — сказал Имтеургин, вытащил изо рта трубку и спустил ее опять за ворот меховой рубахи. — Вот и брата солнца вышедшего бояться келе, спрятались! А куда спрятались, наверно, на землю скатились”²⁷.

Особую осторожность проявляют чукчи при рождении ребенка: тушат огонь, чтобы новорожденного не увидел злой дух, режут по-медвежьи, по-волчьи, каркают, как вороны, чтобы отогнать нечисть прочь от шатра, прибегают к помощи могущественных амулетов.

Интересны эпизоды общения чукчей с русскими купцами и священниками. Русские купцы безжалостно обижают семью Имтеургина. Они сразу вызывают неприязнь у чукчей и своим внешним видом, и поведением. Дочь Имтеургина “прижалась к матери и заплакала:

— Смотри, лицо у него мохнатое! Все равно, как келе, — я боюсь!

Кутувья взглянул на толстого и тоже испугался.

— Волосы у него на лице совсем красные, как у старой медведицы. Может быть, это медведь?

— Ой, — тихо выкрикнула Рутьгина и дернула за рукав Кух. — Глаза у него белые — отморозил, видно”²⁸.

Бородатый гость и тощий гость, как прозвали их чукчи, спаивают гостеприимных хозяев и обкрадывают их, оставляя за шкуры песцов, лис и росомах сушие пустяки. Автор показывает, что это далеко не единичный случай. Догадывается об этом и Имтеургин: “Обманул гость, — сказал Имтеургин жене. — Зверей взял и новый чайник увез. Верно, его другому покажет и другого тоже обманет. Так и будет по всей тундре ездить с моим чайником”²⁹.

Тэки Одулок показывает бесправие чукчей, не защищенных законом и властями от подобных “гостей”. Нечистые на руку купцы пользовались наивностью и доверчивостью чукчей и безжалостно грабили их. Обличение таких “купцов” не является главной целью Одулока, однако добавляет характерные черты к общей картине.

Вообще эпизоды общения приезжих с чукчами относятся к самым интересным в повести. Русские показаны так, как их видят сами чукчи, и это одна из главных удач писателя. Один из персонажей так их описывает: “Совсем чужие люди. Я таких еще не видел. У одного красные заплаты на плечах, а у другого широкие рукава, шире, чем мои штаны”³⁰.

Интересно описывает автор действия русского священника и реакцию чукчей: “Человек с широкими рукавами вытащил из ящика пестрые доски и медную чашку на трех длинных цепочках. Чашку он передал коротконогую, а доски расставил на нарте, прислонив к мешкам.

— Смотрите, смотрите! — закричали женщины. — У него с досок люди глядят! Глаза круглые, лица длинные”³¹.

Вся служба остается совершенно непонятной чукчам, они не понимают ее смысла, но в то же время с большим интересом наблюдают за ней: “Потом все опустили на колени, ударились головой в самую землю и встали.

Человек в блестящей одежде опять поднял свою палку с перекладиной, и все гости один за другим потерлись об его палку бородами”³².

Автору в данном эпизоде удалось хорошо показать восприятие чукчами непонятого им действия: тут смешались и любопытство, и недоумение, и явное насмешливое отношение к обряду.

В.Г. Тан-Богораз в своих произведениях показывал общение в тундре разных народов — русских, чукчей, эвенов. Стремясь избежать субъективизма, писатель передал восприятие этими народами друг друга. Тэки Одулок же выражает прежде всего “чукотскую” точку зрения.

Необходимо отметить, что в повести мы не встречаем сколько-нибудь тщательно выписанного, глубокого психологического портрета героя. Только Имтеургин-старший выделяется среди своих сородичей. Внимание автора направлено, скорее, на внешнюю сторону событий, на течение жизни. В этом Тэки Одулок отличается от Богораза, который сделал попытку показать чукчей во всей их человеческой сложности. В то же время нельзя не заметить определенные черты, позволяющие говорить о сходстве двух авторов. Это прежде всего желание показать чукчей такими, какими они были в действительности, без пристрастной точки зрения стороннего наблюдателя. Тэки Одулок добивается большого успеха, придерживаясь реалистического метода. Характерны в этом отношении эпизоды повести, в которых показано бесправие чукчей по отношению к заезжим купцам, к богачу Эрмечину, который действует с ними заодно, потворствуя спаиванию Имтеургина и убийству его сына. Драматична ситуация в финале, когда Имтеургин вынужден идти в кабалу к Эрмечину. Нелегкая судьба Имтеургина и его семьи выражена и в словах его жены Кух: «Прежде нас много было, и олени у нас свои были. Большой человек твой отец был. Первый охотник. А теперь твой отец чужое стадо пасет. Твоя сестра Тынатваль у соседа Каравьи живет. Брата Кутувью Эрмечиновы гости убили. А Рутьгына в большом шатре живет. Эрмечиновы обувки сушит. Кайлеким минкри — что поделаешь!»³³.

Тэки Одулок сочувствует герою, и в этом отношении повесть «Жизнь Имтеургина-старшего» перекликается с рассказами Богораза.

Можно согласиться с мнением А.К. Михайлова, увидевшего, что в повести юкагирского писателя «кроме таланта художника убедительно сказалась научная подготовка автора»³⁴. Сочетание в одном лице ученого и художника — одно из общих качеств Богораза и Тэки Одулока.

Таким образом, творчество Тэки Одулока несет в себе черты определенного сходства с «Чукотскими рассказами» В.Г. Тана-Богораза. В ряду писателей, стоявших у истоков литературы народов Крайнего Севера, имя автора повести «Жизнь Имтеургина-старшего» занимает одно из первых мест, а сама повесть явилась «первым крупным прозаическим полотном в зарождающихся северных литературах и дала мощный толчок в развитии крупного прозаического жанра в литературе народностей Крайнего Севера»³⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Богораз-Тан В.Г.* Чукчи. — Л., 1934. — Ч. 1. — С. 13.

² *Воскобойников Н.В.* В.Г. Тан-Богораз - революционер, ученый, писатель // Дружба народов. — 1965. — № 4. — С. 143.

- ³ Кулешова Н. Ф. В. Г. Тан-Богораз. — Минск, 1975.
- ⁴ Карташев Б.И. По стране оленных людей. — М., 1952.
- ⁵ Кулешова Н.Ф. Указ. соч. — С. 3—4.
- ⁶ Тан-Богораз В.Г. Этнографическая беллетристика // Сов. этнография. — 1931. - № 3-4. - С. 143.
- ⁷ Кулешова Н.Ф. Указ. соч. — С. 37.
- ⁸ Комиссарова Т. Лицом к лицу с природой // Дальний Восток. — 1988. — № 7. - С. 148.
- ⁹ Кулешова Н.Ф. Указ. соч. — С. 29.
- ¹⁰ Чмыхало Б.А. Жанровые особенности сибирского рассказа конца XIX в. // Развитие повествовательных жанров в литературе Сибири. — Новосибирск, 1980. — С. 33.
- ¹¹ Тан-Богораз В.Г. Этнографическая беллетристика. — С. 139.
- ¹² Там же. — С. 143.
- ¹³ Богораз-Тан В.Г. Восемь племен. — Хабаровск, 1991. — С. 324.
- ¹⁴ Короленко В.Г. Воспоминания. Статьи. Письма. — М., 1988. — С. 294.
- ¹⁵ Канаев Н.П. Русско-якутские литературные связи. — М., 1965. — С. 135.
- ¹⁶ Кулешова Н.Ф. Указ. соч. — С. 36.
- ¹⁷ Якимова Л.И. Многонациональная Сибирь в русской советской литературе. — Новосибирск, 1982. — С. 103.
- ¹⁸ Михайлов А.К. Зачинатели нового эпоса // На Крайнем Севере. — Якутск, 1987. — С. 10.
- ¹⁹ Курилов Г.Н. Основоположник юкагирской литературы // Поляр. звезда. - 1976. - № 4. - С. 114-116.
- ²⁰ Чуковская Л.К. Об одной забытой книге // На Севере дальнем. — Магадан, 1959. - Кн. 2. - С. 148-151.
- ²¹ Николаева И.И. Творчество Тэки Одулока. Истоки и формирование юкагирской литературы // Литература народов Севера Якутии. — Якутск, 1990. — С. 58-65.
- ²² Семенов Д.Н. Первый юкагирский ученый, писатель Н.И. Спиридонов (Тэки Одулок) // Региональные особенности межнациональных отношений: Материалы Межвуз. науч. конф., посвящ. Междунар. году коренных народов (Якутск, 24 дек. 1993 г.). — М., 1994. — С. 108—109.
- ²³ Спиридонова О.Н. Таким он был... // Поляр. звезда. — 1976. — № 4. — С. 116-117.
- ²⁴ Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего... — С. 21.
- ²⁵ Там же. — С. 25.
- ²⁶ Там же. — С. 23.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. — С. 51.
- ²⁹ Там же. — С. 56.
- ³⁰ Там же. — С. 72.
- ³¹ Там же. — С. 73.
- ³² Там же. - С. 73-74.
- ³³ Там же. — С. 93.
- ³⁴ Михайлов А.К. Указ. соч. — С. 12.
- ³⁵ Курилов Г.Н. Указ. соч. — С. 115.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество ссыльных писателей конца XIX — начала XX в. — яркая страница в истории русско-якутских литературных связей. В произведениях В.Г. Короленко, В.Г. Тана-Богораза, В.Л. Серошевского проявились лучшие черты русской литературы, гуманизм, сострадание к угнетенному и униженному человеку. Литературное наследие этих писателей не потеряло художественной ценности до настоящего времени, и это лишний раз подчеркивает его непреходящее значение.

Они поистине подняли якутскую тему в русской литературе на новую высоту, придали ей глубину и социальную заостренность, сумели создать произведения, затрагивающие самые животрепещущие проблемы: жизнь ссыльных и местного населения, непростые взаимоотношения между ними. “Марусина заимка”, “Соколинец”, “Сон Макара” В.Г. Короленко, “Хайлак”, “В сетях” В.Л. Серошевского отразили якутскую действительность того времени, создали впечатляющую картину бесправия местных жителей и ссыльных, сыграли прогрессивную роль, обратив общественное внимание на эту малоизвестную проблему. В.Г. Короленко, В.Л. Серошевский, В.Г. Тан-Богораз сумели донести до каждого читателя внутренний мир якута, чукчи, русского, живущих на окраинах страны. В этом заключается одно из главных достижений их творчества.

Нельзя не согласиться с В.А. Шошиным, заметившим, что при всех различиях творческих индивидуальностей писателей “общим для передовых литераторов остается одно: интернационализм, гуманизм, демократическая направленность”¹.

Пожалуй, одной из основных заслуг писателей-ссыльных конца XIX — начала XX в. явилось то, что никто из ранее писавших о Якутии не показал с такой художественной убедительностью характеры инонациональных героев, как это сделала Короленко, Серошевский, Тан-Богораз. Опираясь на мощную гуманистическую традицию русской литературы, все они в меру отпущенного природой таланта запечатлели черты северных народов, показали их психологию, представления о мире и о себе. Именно это обсто-

ительство позволяет утверждать, что в их творчестве якутская тема получила наиболее полное и глубокое воплощение. Произведения Короленко сыграли решающую роль в этом плодотворном процессе. Необходимо отметить еще одно обстоятельство: все трое по-настоящему занялись профессиональным литературным трудом именно в Якутии, именно на якутском материале рождалось их творчество.

Изображение человека другой культуры со всеми его психическими, физическими, мировоззренческими особенностями — главное, что отличает писателей данного периода от их предшественников. “Сон Макара” В.Г. Короленко, “Кривоногий”, “На каменном мысу” В.Г. Тана-Богораза, “Хайлак”, “Осень”, “В жертву богам” В.Л. Серошевского занимают почетное место в истории русско-якутских литературных связей. В своих героях — бедном Макаре, несчастном Эуннэкае, смелом Сельтичане, невинно страдающем Хабджие — писатели увидели чувства и стремления, близкие и понятные каждому человеку. К инонациональной действительности, человеку другой культуры они подходили с искренним интересом, опираясь на традиции гуманизма.

Еще одно немаловажное достоинство этих писателей видится в том, что у них инонациональный материал послужил основой для постановки различных социальных проблем, утратив появляющуюся у других нарочитую “экзотичность”.

Короленко, Серошевский, Тан-Богораз показали Якутию многонациональным краем, где особенно проявились все последствия проводившейся правительством национальной политики. Якуты, русские, эвенки, эвены, чукчи, татары, черкесы, украинцы, поляки — вот неполный перечень национальностей, которые встречаются на страницах их произведений. Каждый писатель старался передать характерные черты, присущие тому или иному народу. Наиболее глубокое проникновение в национальный характер свойственно В.Г. Короленко. Его герои — Макар, Ахметка, Тимоха, Маруся, — несут в себе ярко выраженные национальные черты. В этом сильная сторона сибирских рассказов писателя. То же можно сказать и о персонажах В.Л. Серошевского: охотник Хахак, вождь племени Сельтичан, шаман Ольтунгаба, якуты Хабджий и Керемес — каждый из них несет в себе черты своего народа, поступки их диктуются национальной психологией и образом жизни. В.Г. Тан-Богораз стремился к абсолютной точности в передаче национального своеобразия чукчей. Он не просто писал с натуры — он показывал множество факторов, влияющих на формирование народного характера.

Как уже отмечалось, писатели, обращающиеся к инонациональной теме, часто используют фольклор. Однако и фольклорные мотивы обретают у них новое звучание. В этом писатели ис-

следуемого нами периода отличаются от своих предшественников-декабристов, поскольку фольклорные мотивы используются ими с определенной целью: для показа национального своеобразия героев, точной обрисовки места действия и т.п., и лишены исключительного, самодовлеющего значения.

В то же время при всех общих чертах между данными писателями существует и различие. Можно отметить несколько факторов, в той или иной мере влиявших на их творчество.

Именно в ссылке, при близком знакомстве с народом происходил пересмотр ранее сложившихся у них взглядов и представлений. Особенно радикальный перелом произошел у В.Г. Короленко. Отказ от народничества проявляется во всех произведениях сибирского цикла — в “Сне Макара”, “Соколинце”, “Марусиной заимке”, “Ат-Даване”, “Государевых ямщиках” и др. Эти рассказы отражают особую позицию писателя, стремившегося к творческому синтезу реализма и романтизма, изображению жизни таковой, какая она есть, и в то же время к художественному развитию положительных тенденций.

В “Якутских рассказах” В.Л. Серошевского и “Чукотских рассказах” В.Г. Тана-Богораза видно то же стремление к реалистическому изображению действительности и отсутствие типично народнического взгляда.

Можно утверждать, что на изображение инациональной действительности оказывала влияние определенная литературная традиция, на которую ориентировался писатель. Конец XIX — начало XX в. характеризуется в этом отношении явным преобладанием реалистических тенденций.

Пример приложения народнических литературных традиций к инациональному материалу — очерк П.А. Грабовского “Красный Кафтан”, в котором обнаруживается своего рода народнический литературный канон. Героя этого очерка можно отнести к распространенному образу “правдоискателя” из народа, юродивого, кем, в сущности, и является Красный Кафтан. Характерно в этом отношении авторское восприятие героя: это сочувственное, заинтересованное внимание, желание разглядеть в поступках и речах Кафтана “народную правду”, скрытую от глаз “мудрость”. И совершенно иное умонастроение у В.Г. Короленко в эпизоде встречи с якутом на Ямаллахском утесе: осознание надуманности “туманностей Златовратского”, бессмысленности искания у народа “правды” и “мудрости”. В творчестве В.Г. Короленко, В.Л. Серошевского, В.Г. Тана-Богораза произошел отказ от народнической интерпретации действительности. “Народническим” в них остался только интерес к народам Сибири и Крайнего Севера, стремление познать и понять их жизнь.

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что сами писатели принадлежали к разным народам, культурам. Этим, на наш взгляд, объясняются немаловажные особенности произведений В.Л. Серошевского. Нет сомнений в том, что, будучи польским писателем, он опирался и на опыт польской литературы. Обстоятельный разбор традиций польской литературы в “Якутских рассказах” — дело будущего, однако позволим себе сделать несколько замечаний.

Почти все, писавшие о рассказах В.Л. Серошевского, отмечали, что ему присущ более “жесткий” взгляд на окружающее, чем В.Г. Короленко. В.Г. Тан-Богораз объяснял это тем, что писатель смотрит “сквозь призму” европейца, что ему милее всех его героев страдающий вдали от родины европеец-ссылный. Это далеко не так. В “жестком” взгляде, который Тану-Богоразу показался излишне “европейским”, проявляется влияние иной литературной традиции. Характерно и то, что у польского писателя мы не находим типа “маленького человека”, столь привычного для русской литературы. Между тем у В.Г. Короленко и В.Г. Тана-Богораз мы встречаем такого героя. Макар, Кругликов, Эуннэкай — каждый из них “маленький человек”, на которого направлено сострадательное внимание писателей. То же мы видим в очерке П.А. Грабовского. Можно утверждать, что осмысление писателем инонациональной действительности не может обойтись без опоры на весь предшествующий литературный опыт. Поэтому произведения, созданные на основе инонационального материала, представляют большой интерес, ибо показывают соединение в творчестве художника традиции и новаторства, способы осмысления нового материала.

Ни одного из персонажей В.Л. Серошевского нельзя отнести к типу “маленького человека”. Сочувственно относясь к своим героям, польский писатель в то же время не переходит определенной границы, позволяющей читателю вслед за автором отнестись к герою как к “маленькому человеку”. У польского писателя отсутствует тот особый, присущий русским писателям взгляд на своих персонажей — Хахака, Хабджия, Керемес и др. В этом проявляется иная литературная традиция, столь отличающая творчество В.Л. Серошевского от творчества его русских коллег.

Наконец, необходимо обратить внимание на то, что все писатели оказались в разных местах в литературном процессе. Из всех троих признанным классиком стал лишь В.Г. Короленко, в то время как другие справедливо причислены к писателям “второго ряда”. Это, впрочем, нисколько не умаляет ни их литературного таланта, ни значения их литературного наследия. Многие характерные черты творчества писателя зависят от сознательно или же неосознанно выбираемых им образцов. В.Г. Короленко в своих

якутских произведениях продолжил великие гуманистические традиции русской литературы, ориентировался на них в своем творчестве. Помимо щедро отпущенного ему природой таланта, это сыграло не последнюю роль в том, что автору “Сна Макара” отводится ныне место среди классиков русской литературы. Творческое наследие В.Л. Серошевского и В.Г. Тана-Богораза относится к так называемой беллетристике, о чем говорят некоторые показательные черты их произведений — большой объем собственно этнографического материала, пристрастие к живописанию с “натуры”. Именно в этом отношении их рассказы представляют большой интерес и в наше время.

Каждый из писателей шел своим путем в освоении якутской темы. В то же время творчество В.Г. Короленко, В.Л. Серошевского и В.Г. Тана-Богораза имеет общие черты: гуманистическую направленность, искренний интерес к другому народу.

Творчество ссыльных-писателей конца XIX — начала XX в. оказало определенное влияние на становление якутской литературы. Известно, что классическая литература занимала большое место в формировании первых классиков литературы народов Сибири. Л.П. Якимова отмечает, что “важнейшее значение для художественного роста национальных литератур Сибири имело их взаимодействие с русской литературой, влияние ее идейной и изобразительной силы на творчество национальных писателей”². Особое место в ряду русских писателей принадлежало В.Г. Короленко как писателю, побывавшему в Якутии и создавшему ряд ярких произведений на якутскую тему.

Определенные черты роднят произведения Н.Д. Неустроева, Тэки Одулока (Н.И. Спиридонова) с произведениями писателей-ссыльных. Это — гуманистический взгляд на человека, сочувствие к слабому и угнетенному, умение выразительно показать характер героя, интерес к общественным проблемам.

Выдающихся успехов в творчестве достиг Н.Д. Неустроев. В данном случае особенно интересны те его произведения, в которых изображены отношения ссыльных и якутов, губительное воздействие уголовных ссыльных на местное население. Рассказ “Презрение” убедительно показывает, что Н.Д. Неустроев был знаком с произведениями писателей-ссыльных о Якутии. Не менее интересно сопоставление его очерков “Дикая жизнь” и “Думы якута”, с “Письмами к Луначарскому” В.Г. Короленко. Оба писателя выступают против забвения принципов человеколюбия, задумываются о цене, которую приходится платить народу за социальный эксперимент. И маститый русский писатель, и начинающий якутский видят гибельность пути, по которому пошла в то время страна.

Повесть “Жизнь Имтеургина-старшего” Тэки Одулока имеет сходные черты с чукотскими произведениями В.Г. Тана-Богораза: сочетание научного этнографического и художественного, обильное включение фольклора, гуманистическая позиция, реализм.

Произведения якутских писателей и писателей народов Севера убедительно показывают, что они творчески осмыслили художественный опыт русской литературы, в том числе наследие писателей-ссылочных.

И сегодня рассказы и повести этих писателей не потеряли своей значимости и художественной ценности. Думается, что исследование их произведений продолжится, особенно в наше время, когда все более растет интерес к национальному аспекту литературного творчества и межнациональным литературным контактам³.

Не менее интересной темой может стать изучение влияния творчества В.Г. Короленко, В.Л. Серошевского, В.Г. Тана-Богораза на русских писателей Якутии, у которых, может быть, в наибольшей степени проявились те принципы и традиции, которые были заложены их предшественниками в XIX — начале XX в. Несомненно, что исследования подобного рода — дело будущего.

Русско-якутские литературные связи имеют длительную историю. Наследие В.Г. Короленко, В.Л. Серошевского и В.Г. Тана-Богораза — вершинные достижения. Непреходящее художественное значение их произведений, глубина и важность поднятых писателями проблем, подлинный гуманизм — все это будет привлекать внимание литературоведов и читателей еще долгие годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шошин В.А. Летопись дружбы. — Л., 1971. — С. 79—80.

² Якимова Л.П. У истоков большой прозы литературы народов Сибири // Вопросы русской и советской литературы Сибири. — Новосибирск, 1971. — С. 296.

³ См.: Гачев Г. Национальные образы мира. — М., 1988; Шошин В.А. Проблемы взаимодействия советских национальных литератур. — Л., 1989; Хитарова С.М. Стилиевые поиски и взаимодействие литератур. — М., 1976; Воробьева Н.Н. Принцип историзма в изображении характера. — М., 1978 (гл. “Национальный характер в литературе”. — С. 162—185); Зелинский К. Что дают русской литературе народы СССР? — М., 1965; Копырин Н.З. О влиянии русской литературы на развитие якутской национальной образности // Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1983. — С. 143-147.

ПЕРЕЧЕНЬ ЦИТИРУЕМЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

- Богораз-Тан В.Г.* Чукчи. — Л., 1934. — Ч. 1. — 191 с.
- Богораз-Тан В.Г.* Восемь племен. — Хабаровск, 1991. — 397 с.
- Грбовский П.А.* Избранные произведения. — Киев, 1951. — 356 с.
- Короленко В.Г.* Сибирские очерки и рассказы. — Иркутск, 1983. — 415 с.
- Короленко В.Г.* Война пером. — М., 1988. — 496 с.
- Короленко В.Г.* Воспоминания. Статьи. Письма. — М., 1988. — 413 с.
- Короленко В.Г.* История моего современника. — Якутск, 1988. — Кн. 3—4. — 432 с.
- Короленко В.Г.* Письма к Луначарскому // Новый мир. — 1988. — № 10. — С. 198-218.
- Неустроев Н.Д.* Презрение // Поляр. звезда. — 1995. — № 5. — С. 48—56.
- Неустроев Н.Д.* Төрүөбүт сирбэр, тапталлаах дьоммор. — Якутск, 1995. — 336 с.
- Серошевский В.Л.* В сетях. — СПб.; М., 1903. — 140 с.
- Серошевский В.Л.* (Сирко). Якутские рассказы. — СПб., 1985. — 192 с.
- Серошевский В.Л.* Воспоминания о Якутии // Диалог. — 1989. — № 15—16. — С. 45-53.
- Серошевский В.Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. — М., 1993. — 736 с.
- Тан-Богораз В.Г.* Северные рассказы. — М., 1958. — 125 с.
- Тан-Богораз В.Г.* Восемь племен. Воскресшее племя. — Иркутск, 1987. — 576 с.
- Тэки Одулок.* Жизнь Имтеургина-старшего. На Крайнем Севере. Тарабукин Н. Моя жизнь. Кимонко Д. Там, где бежит Сукпай. — Якутск, 1987. — 432 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азадовский М.К.* Статьи о литературе и фольклоре. — М.; Л., 1960. — 547 с.
- Айхенвальд Ю.И.* Силуэты русских писателей. — М., 1994. — 591 с.
- Амма Аччыгыйа.* Киһи уонна айымньы. — Якутск, 1975. — 408 с.
- Аптекман О.В.* В.Г. Короленко. Черты из личных воспоминаний // В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. — М., 1981. — С. 52—82.
- Балабанович Е.З.* В.Г. Короленко. 1853—1921. — М., 1947. — 168 с.
- Башарин Г.П.* Слово о Н.Д. Неустроеве // Поляр. звезда. — 1966. — № 1. — С. 141-145.
- Башарин Г.П.* Три якутских реалиста-просветителя. — Якутск, 1994. — 146 с.
- Башарина З.К.* Диалектика национального и интернационального в якутской литературе: Автореф. дис.... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1989. — 27 с.
- Башарина З.К.* Русская проза Якутии. — Якутск, 1995. — 55 с.
- Белявская М.В.* В.Г. Короленко и современная Якутия // Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа. — Якутск, 1950.
- Белявская М.В.* Тема дружбы русского и якутского народов в творчестве В.Г. Короленко // Доклады на пятой и шестой научных сессиях. История и филология. — Якутск, 1953. — С. 31—51.
- Бикмухаметов Р.Г.* Орбиты взаимодействия. — М., 1983. — 239 с.
- Боескоров Г.К.* Мастерство Н.Е. Мординова. — Якутск, 1973. — 238 с.
- Боескоров Г.К.* Творчество Н.Д. Неустроева. — Якутск, 1987. — 168 с.
- Буня М.И.* В.Г. Короленко в Удмуртии. — Ижевск, 1982. — 271 с.
- Бурцев А.* Наследие Н. Неустроева и современность // Поляр. звезда. — 1995. - № 5. - С. 64-70.
- Бялый Г.А.* Русский реализм конца XIX в. — Л., 1973. — 168 с.
- Бялый Г.А.* В.Г. Короленко. — Л., 1983. — 350 с.
- Васильева Д.Е.* Проблемы национального в творчестве Н. Мординова — Амма Аччыгыйа // Национальные отношения в регионах страны: история и современность. — Якутск, 1992. — Ч. 2. — С. 101—104.
- Васильева Д.Е.* Народные писатели Якутии. — Якутск, 1995. — 160 с.
- Взаимодействие* литератур народов Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1983. — 272 с.
- Волков А.* Короленко в Якутии // Волков А. Современники и предшественники. — М., 1984. — С. 151—164.

- Воробьева Н.И.* Принцип историзма в изображении характера. — М., 1978. — 264 с.
- Воскобойников М.В.* В.Г. Тан-Богораз — революционер, ученый, писатель // Дружба народов. — 1965. — № 4. — С. 238—243.
- Гачев Г.* Национальные образы мира. — М., 1988. — 448 с.
- Горячкина М.* Художественная проза народничества. — Л., 1970. — 216 с.
- Гурвич И.* Русская беллетристика: эволюция, поэтика, функции // Вопр. литературы. — № 5. — 1993. — С. 113—142.
- Дубровский К.* Якутская ссылка в русской художественной литературе. — М., 1928. - 39 с.
- Егорова Л.Н.* В семье единой: Русская советская проза в ее связях с жизнью народов СССР. - М., 1986. - 157 с.
- Единство* многообразия (Средняя Азия в советской литературе). — Ташкент, 1984.
- Зелинский К.* Что дают русской литературе народы СССР? — М., 1965. — 32 с.
- Зоркин В.И.* Вклад политических ссыльных в изучение фольклора Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.). — Новосибирск, 1985. — 93 с.
- История* польской литературы. — М., 1969. — Т. 2. — 502 с.
- Каминский В.И.* Пути развития реализма в русской литературе конца XIX в. — Л., 1979. - 179 с.
- Канаев Н.П.* Творчество Н.Е. Мординова. — Якутск, 1964. — 178 с.
- Канаев Н.П.* Русско-якутские литературные связи. — М., 1965. — 214 с.
- Канаев Н.П.* Из истории русско-якутских литературных связей советского периода. — Якутск, 1973. — 164 с.
- Канаев Н.П.* По традициям Горького // Поляр. звезда. — 1977. — № 1. — С. 98-103.
- Карташев Б.И.* По стране оленных людей. — М., 1959. — 45 с.
- Комиссарова Т.* Лицом к лицу с природой // Дальний Восток. — 1988. — № 7. - С. 148-151.
- Копырин Н.З.* О влиянии русской литературы на развитие якутской национальной образности // Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1983. — С. 143—147.
- Короленко С.В.* Десять лет в провинции. — Ижевск, 1966. — 220 с.
- Кулешиова Н.Ф.* О “Чукотских рассказах” В.Г. Тана-Богораз // Проблемы литературы Сибири XVII—XX вв. — Новосибирск, 1974. — С. 90—98.
- Кулешиова Н.Ф.* В.Г. Тан-Богораз. — Минск, 1975. — 112 с.
- Кулик Л.С.* Сибирские рассказы В.Г. Короленко. — Киев, 1961. — 60 с.
- Курилов Г.Н.* Основоположник юкагирской литературы // Поляр. звезда. — 1976. - № 4. - С. 114-116.
- Ласков И.* Серошевский. “Хайлак”. Рассказ о рассказе // Молодежь Якутии. — 1993. — 21 мая.
- Маковецкий А.З.* Пути развития польской прозы на рубеже XIX—XX веков // Русская и польская литература конца XIX — начала XX в. — М., 1981. — 272 с.

- Мальков М.* Романтическая биография польской новеллы // Польская новелла XIX—XX веков. - Л., 1988. - С. 3-18.
- Малютина А. В.Г.* Короленко — критик произведений на сибирские темы // История литературной жизни и устного поэтического народного творчества в Сибири. — Красноярск, 1959. — С. 43—74.
- Малютина А.* Сибирские рассказы В.Г. Короленко и их народно-поэтическая основа. — Енисейск, 1962.
- Малютина А. В.Г.* Короленко и сибирская тема в журнале “Русское богатство” // Вопр. литературы. — Красноярск, 1967.
- Малютина А.* Сибирская тема в публицистике журнала “Русское богатство” // Сибирские страницы жизни и творчества В.Г. Короленко. — Новосибирск, 1987. - С. 34-54.
- Меднис Н.Е.* Сибирские рассказы В.Г. Короленко в контексте русской литературы и культуры XIX в. // Сибирские страницы жизни и творчества В. Г. Короленко. — Новосибирск, 1987. — С. 54—63.
- Меламед Е.* В домике на курьих ножках // Поляр. звезда. — 1971. — № 1. — С. 75-77.
- Миронов Г.М.* Короленко. — М., 1962. — 367 с.
- Митрофанов Н.П.* История со многими неизвестными // Дальний Восток. — 1969. - № 10. - С. 143-145.
- Михайлов А. К.* Зачинатели нового эпоса // Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего. На Крайнем Севере. Тарабукин Н. Моя жизнь. Кимонко Д. Там, где бежит Сукпай. — Якутск, 1987. — С. 5—16.
- Михайлова М.Г.* Народный... // Поляр. звезда. — 1986. — № 2. — С. 82—85.
- Михайлова М.Г.* Очерки русской литературы Якутии. — Новосибирск, 1995. — 184 с.
- Морозова Л.М., Афанасьев В.Ф.* Горький и Якутия. — Якутск, 1968. — 184 с.
- Морозова Т.Г.* Рассказ В.Г. Короленко “Ат-Даван” и традиции Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. — Л., 1980. — Т. 4. — С. 123-143.
- Николаева И.И.* Творчество Тэки Одулока. Истоки и формирование юкагирской литературы // Литература народов Севера Якутии. — Якутск, 1990. — С. 58-65.
- Окорокова В.Б.* Развитие прозы в литературах народов Севера Якутии // Литература народов Севера Якутии: Сб. науч. тр. — Якутск, 1990. — С. 7—32.
- Окорокова В.Б.* Юкагирский роман. — Якутск, 1994. — 136 с.
- Очерк истории якутской советской литературы.* — М., 1970. — 391 с.
- Очерки русской литературы Сибири.* — Новосибирск, 1982. — Т. 1. — 606 с.
- Пасютин К.Ф.* Якутия в творчестве русских писателей // Доклады на третьей научной сессии. — Якутск, 1953. — Вып. 1: История и филология. С. 80-101.
- Пасютин К.Ф.* Русские писатели о Якутии // Ведущая роль русского народа в развитии народов Якутии. — Якутск, 1955.
- Пасютин К.Ф.* Якутия в русской художественной литературе. — Якутск, 1964. - 72 с.

- Пиксанов Н.* Короленко В.Г. и якутская ссылка // Пиксанов Н. О классиках. — М., 1933. - С. 231-270.
- Платонова К.* Якутская лексика в рассказах В. Г. Короленко // Поляр. звезда. - 1965. - № 3. - С. 168-172.
- Платонова К.* Идея и язык “Огоньков” В.Г. Короленко // Поляр. звезда. — 1966. - № 5. - С. 159-161.
- Плюхин В.И.* Якутская тема в интерпретации и оценках критикой творчества В. Г. Короленко // Русско-якутские литературно-художественные связи. — Якутск, 1991. — С. 24—53.
- Райзман Д.Н.* В.Г.. Тан-Богораз — революционер, писатель, ученый // Владимир Германович Тан-Богораз и Северо-Восток. — Магадан, 1991. — С. 3-10.
- Ровнякова Л.И.* Вацлав Серошевский и его русские корреспонденты // Славянские литературные связи. — Л., 1968. — С.124—165.
- Ровнякова Л.И.* Вацлав Серошевский — исследователь Якутии // Польско-русские литературные связи. — М., 1970. — С. 333—344.
- Ростов Н.* В.Г. Короленко. — М., 1965. — 11 с.
- Русско-якутские* литературно-художественные связи. — Якутск, 1991.
- Семенов Д.Н.* Первый юкагирский ученый, писатель Н.И. Спиридонов (Тэки Одулок) // Региональные особенности межнациональных отношений: Материалы Межвуз. науч. конф., посвящ. Междунар. году коренных народов (Якутск, 24 дек. 1993 г.). — М., 1994. — С. 108—109.
- Сибирские* страницы жизни и творчества В.Г. Короленко. — Новосибирск, 1987. - 208 с.
- Соктоева К.Б.* Судьбы народов Сибири в русской советской литературе. — Новосибирск, 1978. — 143 с.
- Спиридонова О.Н.* Таким он был... // Поляр. звезда. — 1976. — № 4. — С. 116-117.
- Степанов С.А.* В.Л. Серошевский и Якутия // Серошевский В.Л. Якуты. — М., 1993. - С. XIII—XVII.
- Сыромятников Г.* Дореволюционные произведения Н.Д. Неустроева // Поляр. звезда. - 1971. - № 1. - С. 108-114.
- Сыромятников Г.* “Святая искра таланта”. К 80-летию со дня рождения Н.Д. Неустроева // Поляр. звезда. — 1975. — № 6. — С. 105—110.
- Тан-Богораз В.Г.* Этнографическая беллетристика // Сов. этнография. — 1931. - № 3-4. - С. 136-155.
- Тимофеев Л.Н.* Основы теории литературы. — М., 1976. — 448 с.
- Убрятова Е.И.* Якутские слова в произведениях В.Г. Короленко // Сибирские страницы жизни и творчества В.Г. Короленко. — Новосибирск, 1987. — С. 9-34.
- Флейс Е.М.* В.Г. Короленко и удмуртский народ. — Ижевск, 1966. — 220 с.
- Хитарова С.М.* Стилевые поиски и взаимодействие литератур. — М., 1978. — 264 с.
- Храбровицкий А.В.* Короленко и Якутия // Поляр. звезда. — 1970. — № 1. — С. 118-121.

- Храбровицкий А.В.* В.Г. Короленко и Якутия // Поляр. звезда. — 1971. — № 1. — С. 74-75.
- Храбровицкий А.В.* Короленко в Якутии // Поляр. звезда. — 1973. — № 6. — С. 111-114.
- Храбровицкий А.В.* Короленко в Сибири 1881—1884. Биографическая хроника // Сибирские страницы жизни и творчества В.Г. Короленко. — Новосибирск, 1987. — С. 108—198.
- Цыбенко Е.З.* Из истории польско-русских литературных связей XIX—XX вв. — М., 1978. - 280 с.
- Чмыхало Б.А.* Жанровые особенности сибирского рассказа конца XIX в. // Развитие повествовательных жанров в литературе Сибири. — Новосибирск, 1980. — С. 28—46.
- Чуковская Л.* Об одной забытой книге // На Севере дальнем. — Кн. 2. — Магадан, 1959. - С. 148-151.
- Шошин В.А.* К проблеме изображения инационального характера в русской советской литературе // От “Слово о полку Игореве” до “Тихого Дона”. — Л., 1967. - С. 451-458.
- Шошин В.А.* Летопись дружбы. — Л., 1971. — 288 с.
- Шошин В.А.* К проблеме взаимодействия национальных литератур в советском литературоведении // Взаимодействие и взаимообогащение. Русская литература и литературы народов СССР. — Л., 1988. — С. 7—44.
- Шошин В.А.* Проблемы взаимодействия советских национальных литератур. — Л., 1989. - 248 с.
- Шпрыгов Ю.* Далекое и близкое // Дальний Восток. — 1985. — № 9. — С. 145-148.
- Якимова Л.П.* У истоков большой прозы литературы народов Сибири // Вопросы русской и советской литературы Сибири. — Новосибирск, 1971. — 330 с.
- Якимова Л.П.* Многонациональная Сибирь в русской советской литературе. — Новосибирск, 1982. — 229 с.
- Якимова Л.П.* Отражение инациональной жизни в русской литературе Сибири и проблемы генезиса ее младописьменных литератур // Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1983. - С. 51-62.
- Якимова Л.П.* Литература и литераторы Сибири. — Новосибирск, 1988. — 176 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Якутские произведения В.Г. Короленко.....	16
Глава 2. Якутская ссылка в рассказах и повестях В.Л. Серошевского.....	46
Глава 3. Художественное и этнографическое в прозе в.г. Та-на-Богораза.....	73
Заключение.....	98
Перечень цитируемых произведений.....	104
Список литературы.....	105

Научное издание

Емельянов Игорь Степанович
РУССКО-ЯКУТСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ
В ПРОЗЕ
(конец XIX — начало XX в.)

Редактор *М.П. Щекотихина*
Художественный редактор *Л.В. Матвеева*
Художник *И.С. Попов*
Технический редактор *Н.М. Остроумова*
Корректоры *С.М. Погудина, И.Л. Малышева*
Оператор электронной верстки *В.М. Ульянин*

ЛР № 020297 от 23.07.97. Сдано в набор 01.06.2001. Подписано в печать 31.07.2001. Бумага офсетная.
Формат 60 х 90 ¹/₁₆. Офсетная печать. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 693 экз.

Заказ № 474

Сибирская издательская фирма "Наука" РАН. 630099, Новосибирск, ул. Советская, 18.

Оригинал-макет изготовлен на настольной издательской системе.
СП "Наука" РАН. 630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.